



РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКИХ ПРОЦЕССОВ

Материалы всероссийского круглого стола,
посвященного 100-летию Великой Российской Революции
и 95-летию окончания Гражданской войны
(7 декабря 2017 г.)



МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Курганский государственный университет»
Российское историческое общество
(Курганское региональное отделение)

**РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА
И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА:
РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ОБЩЕРОССИЙСКИХ ПРОЦЕССОВ**

Материалы всероссийского круглого стола,
посвященного 100-летию Великой Российской Революции
и 95-летию окончания Гражданской войны
(7 декабря 2017 г.)

Курган 2017

УДК 930.2
ББК 63.3(2)62я43
Р 32

Революция 1917 года и Гражданская война: региональное измерение общероссийских процессов : материалы всероссийского круглого стола, посвященного 100-летию Великой Российской Революции и 95-летию окончания Гражданской войны (7 декабря 2017 г.) / под ред. Д. Н. Маслюженко. Курган : Изд-во Курганского гос.ун-та, 2017. 234 с.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

Рецензенты:

Д.А. Кошкарлов, канд. ист. наук, начальник аналитического отдела Аппарата Курганской областной думы;

И.В.Неупокоев, канд.ист.наук, доцент Курганского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Настоящее издание включает материалы всероссийского круглого стола «Революция 1917 года и Гражданская война: региональное измерение общероссийских процессов», посвященного 100-летию Великой Российской Революции и 95-летию окончания Гражданской войны.

В сборник включены статьи, посвященные событиям революции 1917 года и Гражданской войны 1918-1922 гг., проблемам их восприятия различными общественными группами, их роли в трансформации социокультурной и экономической ситуации, а также проблемам современной оценки памяти об этих событиях.

Книга предназначена историкам, краеведам, преподавателям и студентам, учителям и школьникам и всем, кто чтит память тех тяжелых дней и увлечен историей.

ISBN 978-5-4217-0435-5

© Курганский
государственный
университет, 2017
© Авторы, 2017

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. *Статья посвящена исследованию вопроса о соотношении модернизации и социально-духовного потенциала России. Актуальность темы обусловлена как теоретически, так и практически. В годовщину российских революций существенной задачей представляется определить внутренние институциональные и структурные условия, обуславливающие социально-политическую динамику развития России; установить решающие факторы актуальной социальной модернизации; наметить главные направления социально-экономической трансформации.*

Ключевые слова: революция, эволюция, модернизация, геополитика, демография, россиеведение.

Русская революция 1917 г. – событие, положившее начало новому государству, новому обществу и новому мировому порядку. Это была попытка построить общество социальной справедливости, равенства и братства, причём в глобальном масштабе. Социальный инжиниринг происходил на фоне колоссальных социальных задач по модернизации, поэтому советский проект часто критикуется как утопия, тоталитаризм, новая система неравенства и эксплуатации.

Столетний юбилей тех событий в России даёт нам возможность рассмотреть феномен революции масштабно и в диалектике развития науки, техники, культуры, общества, массового сознания. В условиях инновационного ландшафта современной России анализ типов развития – революция / эволюция / синергия, – сохраняет свою актуальность с учетом социального расслоения, демографической диспропорции Востока и Запада, Севера и Юга России.

2017 год – это кайрос, обладающий когнитивным потенциалом осмысления и интерпретации событий советской истории. Короткий проект строительства социализма в России охватил в общей сложности более 70 лет и прошел несколько стадий, различавшихся целями, механизмами реализации идей и результатами: от радикальной модели (военный коммунизм) к переходной/нэповской (многоукладное общество)

и распределительно-плановой модели (советское общество). Сегодня как никогда важно обозначить процессы трансформации идей в мифы и конвертации их в конкретные управленческие решения.

Культуролог В.М. Розин призвал осмыслить знаменательные события 2017 года в связи с тем, что в мире назревает череда новых серьезных социальных трансформаций и перемен, и важно определить место России в глобальном порядке: создаём ли мы что-то новое или идём в фарватере Запада, копируя их образцы мысли и жизни [7, с. 41].

Ответ на этот вопрос можно дать, проследив геополитические тенденции последнего столетия. После Второй мировой войны образовалось два блока – один во главе с США, второй – во главе с СССР. Странами третьего мира стали называть тех, кто занял позицию не присоединения, например Индия, ЮАР, Эквадор. Эта политическая характеристика во многом совпадает с экономическим развитием. Главным бенефициаром технологий, капиталов, высокого качества жизни являются страны первого мира. Россия последнее столетие занимает положение страны второго мира, и это не хорошо и не плохо, это объективный факт, связанный с тем, что она не могла остаться в когорте стран первого мира в силу накопившихся социально-экономических проблем. Решительный способ преодоления отставания общественных сил получил название октябрьской революции.

Коммунизм как радикальная социальная утопия отработал свою роль не только в отечественной, но и в глобальной модернизации, дав надежду многим миллионам людей на достойную жизнь. При этом он улучшил не только жизнь масс в отсталых странах, но и способствовал укреплению принципов социального государства в развитых индустриальных государствах.

Учитывая сложность и неоднородность модернизации, следует считать её не только политэкономической трансформацией, связанной с навёрстыванием индустриальных держав. Модернизация в социокультурном плане – это усовершенствование общественных отношений, представленная в индивидуации, эмансипации, рационализации, квалиметрии жизни.

В 2017 году проходят десятки научных конференций, посвящённых анализу уроков Октября и последствиям российского социального эксперимента XX века. Некоторые редакторы сборников уже выложили материалы в базу РИНЦ, и можно подвести определённые итоги: 1) тема сохраняет актуальность, про революцию подают много материа-

лов разные специалисты – историки, социологи, философы, искусствоведы и др. учёные; 2) география участников включает не только Россию, родину революции, но и республики, разделившие с ней историческую судьбу – Азербайджан, Беларусь, Дагестан, Узбекистан и др.; 3) затронуты много аспектов революционных событий: охвачены дневники очевидцев, региональные события, политэкономические, юридические, гендерные и даже эстетические аспекты.

Отрадно, что преобладает зрелая научная оценка советского прошлого. Особенно хотелось бы отметить следующие концептуальные идеи: 1) комплексность, масштабность и результативность советской модернизационной модели [1]; 2) революция как реакция населения на неспособность правительства удовлетворить потребности растущего народонаселения [8]; 3) революция есть экстремальное экзистенциальное усилие по достижению справедливости в несправедливом мире [10].

Из периодической печати следует выделить журнал «Философские науки», предоставляющий в каждом номере 2017 года площадку для обсуждения революции 1917 г. и её последствий. В русле наших рассуждений обращаем внимание на публикацию В.Г. Федотовой, которая провела обширный обзор отечественных и зарубежных публикаций, посвящённых революции как модернизационному проекту общественного развития, отметила амбивалентный характер оценок мыслителей и обосновала, что революции приходят туда, где опаздывает модернизация [11, с. 35-38].

Советское общество – это особый модернизационный проект XX века, который выступил локомотивом классической монархическо-буржуазной истории, дав надежду на самостоятельное развитие многим национальным общностям – от Вьетнама до Чили, от Монголии до Анголы.

Модернизация проходила по нескольким направлениям развития: экономическому, индустриальному, политическому, юридическому, социокультурному, эстетическому, этическому. Ускоренный характер обновления общественных отношений не мог не вызвать антиномий между классами, партиями и элитами. XX век – наиболее драматичный для России как по людским потерям, так и по кардинальным мировоззренческим трансформациям. В этот период происходит выработка новых ценностно-смысловых ориентиров: преданность революции как аксиологическая доминанта, низкая оценка индивидуальной человеческой жизни и личности, социальный утопизм. Имеет место нарушение словных мемориальных эстафет, закладываются новые коммеморатив-

ные ритуалы. В этой связи особенно важным следует признать всестороннее и полноценное осмысление истории революций и Гражданской войны, их место в современной России. Возможно, история никого ничему не может научить в силу неоднородности и аномичности исторического процесса, вместе с тем она имеет собственную ценность как коммеморативная практика, история болезни и, как говорят испанцы, *Antecedentes Penales* – картотека преступлений.

Проблемы изучения Революции 1917 года, её последствий для страны и мира – ключевые для отечественной исторической науки – сегодня требуют пристального внимания исследователей, не только историков, но и, безусловно, социологов, философов, политологов, культурологов. Проблемное поле исследований представляется чрезвычайно широким. Актуальность темы обусловлена социальными противоречиями, которые спустя сто лет после революции снова будоражат общество. Речь идёт о контроверзах труда и капитала, необходимой и прибавочной стоимости, социальном государстве и гражданском обществе, праве и необходимости в трудовых отношениях. Цель статьи – дать философско-акмеологическую характеристику истории России XX века, т. е. рассмотреть движение российского общества в социально напряжённом времени последнего столетия.

2017 год революционный тройне. Тысячу лет в Южной Индии назад родился Рамануджа, реформатор вишнуизма, который восстал против кастовой дискриминации. В 1517 году Мартин Лютер провозгласил 95 революционных тезисов об отношении Бога, церкви, государства и человека. Опрос студентов, проводимый автором, показывает, что порядка 20% первокурсников не знают, какая столетняя годовщина наступает в истории России в 2017 году. Личность В.И. Ленина обычно все опрошенные могут идентифицировать как государственного деятеля, политика. Вместе с тем фамилии Зиновьева, Каменева, Рыкова и других активистов РСДРП молодёжи не знакомы, равно как и имена других важных российских участников политических процессов столетней давности – Гучкова, Пуришкевича, Керенского и т.п. Вопросы о различии программы меньшевиков и большевиков вызывают затруднения. Непроходимыми дебрями представляются обучающимся вопросы о сущности марксизма-ленинизма, диалектического материализма, военного коммунизма.

Выводы, к которым пришли исследователи исторической памяти, заключаются в следующем: 1) наблюдается опасная тенденция к заб-

вению крупнейших событий истории XX века, 2) знание и уважение прошлого – необходимая основа социального согласия, 3) способность вспоминать как фактор грядущего предлагается в качестве способа актуализации исторической памяти и уроков революционных событий [2; 3; 4].

Коммеморативная практика событий 100-летней давности затруднена разными факторами: 1) выросла плотность информационного шума, 2) в сетевом обществе имеет место локализация мнемонических эстафет, 3) отсутствие принятой государственной стратегии по национальной памяти. Прогнозируя мемориальные эффекты отметим, что информационное давление будет только нарастать. И к 200-летию русской революции практика её памятования и всей 70-летней эпохи советской власти будет сведена к одной строчке – «ускоренная социальная модернизация XX века».

Спустя 100 лет после революции общество до сих пор сильно дифференцировано по уровню жизни. Вместе с тем структура бедности также изменилась, сегодня социальным низам есть что терять, гораздо больше, нежели накануне революции, их благосостояние увеличилось. За 100 лет построения социальной справедливости в России практически не осталось пролетариата. Три миллиона бездомных в современной России не являются социально активной группой индустриального и постиндустриального общества.

По мере роста класса собственников в России большевизм всё больше рассматривается как экстремистская модель политической борьбы. В условиях, когда эволюционным путём создание среднего класса было невозможно, происходит обоснование права пролетариата и беднейшего крестьянства на насилие и диктатуру. Отмена крепостного права, конституционная монархия, парламентаризм, буржуазные права и свободы – все эти меры запаздывали на 100-200 лет. Не случайно И.В. Сталин в своей речи «О задачах хозяйственников» на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. отметил: «Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все – за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную,

за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную... Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут... Мы решили ряд труднейших задач. Мы свергли капитализм. Мы взяли власть. Мы построили крупнейшую социалистическую индустрию. Мы повернули середняка на путь социализма. Самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали. Нам осталось немного: изучить технику, овладеть наукой» [9, с. 38-39, 41].

Сталин осуществил ускоренную модернизацию за счёт закрепощения крестьян в колхозы, которые обязаны были работать бесплатно, за палочки в табеле, при запрете покинуть деревню и отсутствии паспортов для колхозников. Вместе с тем крестьяне обязаны большевикам отменой задолженности Крестьянскому поземельному банку, совокупная стоимость которой составляла около 2 миллиардов рублей. Вдобавок после революции сельское население смогло осуществить «чёрный» передел земли, скота и сельхозинвентаря, построек частных имений, хотя и не надолго. С другой стороны, вооружённый город забирал у деревни зерно и скот в рамках «продовольственной диктатуры», наступившей уже в мае 1918 г., что привело к вооруженным конфликтам и многотысячным жертвам.

Большевики не воспринимали крестьян в целом как свою социальную опору, они нужны были как источник зерна и других продуктов, которое прятали от изъятия. Не случайно их изображали как идейно отсталую, пассивную, реакционную массу. Люди земли – главные жертвы трагедии 1917 года. 80%-е преобладание крестьянского населения накануне революции обуславливало главный конфликт революции – города и деревни. Снятием этого конфликта 70 лет занималась советская власть силовыми, экономическими, образовательными и инфраструктурными методами: «начиная с октября 1917 г. огромная государственная машина безостановочно работала, чтобы свести на нет материальное неравенство между людьми, и достигла в этом определенных успехов – в 1985 г. децильный коэффициент равнялся 4, в то время как в последние годы царского режима – около 7» [5, с. 124].

Сама экспроприация 1917 г. по принципу «грабь награбленное» не устраняет причин бедности. Вывод, к которому приходит Б.Н. Миронов, специалист по исторической социологии, – обобществление имущества богатых после революции не решило проблему бедности в России, т. к. «...имущественное неравенство в начале XX в. в России... имело

важную особенность: незначительное по западным стандартам богатство сосредоточивалось в руках лишь нескольких тысяч аристократов и представителей крупного капитала, а среди остальных 99,7% населения оно распределялось без кричащих контрастов» [4, с. 103].

В споре народников и марксистов о том, может ли Россия избежать индустриализации, победили марксисты. Спустя сто лет после модернизации мы имеем, как и ранее, диспропорцию между бедной массой и узким слоем привилегированных. Растущее расслоение становится наиболее острой социальной проблемой.

Социальная дифференциация – это показательный феномен, который к 50-й годовщине Великой октябрьской революции в 1967 г. продемонстрировал расхождение между официальной идеологией гомогенной социальной структуры, состоящей из господствующего рабочего класса, уменьшающегося количества колхозного крестьянства за счёт снятия различия между городом и деревней и особой социальной прослойки – интеллигенции, постепенно сокращающейся за счёт преодоления различия между умственным и физическим трудом. Новой элите хотелось видеть исполнение мечты о бесклассовом обществе прямо сейчас, когда место социальной стратификации занимало единое сообщество работников социалистического труда. Эта идеологема маскировала реальную стратификацию с громадными различиями верхов и низов, с мощным слоем партийно-государственной бюрократии. Социология вскрывала диспропорции ведомственного заказа и общественной практики и поэтому была нежеланна. Отделы статистики завывали темпы роста. Сегодня, спустя 50 лет развития отечественной социологии, мы имеем такую же проблему: занижение ценообразования в территориальных органах статистики и сдерживание, таким образом, прожиточного минимума.

Сценарий, когда одно и то же ведомство занимается деятельностью и при этом ведёт её учёт, напоминает классический конфликт интересов, когда заказчик диктует, какие цифры писать. Можно ли верить официальной статистике раскрываемости преступлений МВД? Способствует ли перевод Росстата в подчинение Минэкономразвития, который на основании расчётов первого делает экономические прогнозы, объективности данных? Отсутствие альтернативных вневедомственных статистических исследований не позволяет ответить на эти вопросы.

Минская конференция социологов 1966 г. констатировала, что реально обнаруженная социальная стратификация в СССР в виде нескольких уров-

ней рабочих, крестьян, разного вида специалистов, канцелярских служащих, инженеров не вписывалась в марксистскую схему, где не было места для «социальной стратификации», «урбанизации», «социальной мобильности», «социального неравенства», «иерархии». Достоинно внимания то, что полученные первыми социологами в СССР данные были обработаны теми же, что на Западе, методами, а именно, математическими. Не только математика как метод, но и социальная инженерия, автоматизация труда как социальный идеал сближали технократов СССР и Запада.

Пока партия рассуждала о преодолении противоположности между городом и деревней, труд колхозников в СССР фактически был бесплатным до 60-х годов прошлого века. При этом рабочие при советской власти приобретали сельскохозяйственные продукты за деньги у государства. Отмена системы бесплатного труда в колхозах (за зерно) произошла только в середине 60-х годов XX века, что является важной вехой в модернизации России. Это был первый реальный шаг к фактической отмене крепостного права. Потому что, отменив декретом 1917 года выплаты банкам за землю, большевики закабалили крестьян обязательным бесплатным трудом. Вторым шагом к отмене советского крепостного права стало введение в 1974 г. нового «Положения о паспортной системе в СССР», согласно которому жители сельской местности были уравнены в формальном праве на перемещение с жителями городов. Потребовалось более шести лет, чтобы обеспечить паспортами 100-миллионное сельское население. Фактически такой этап модернизации царской России, как выравнивание юридического положения жителей города и деревни, завершился со смертью Л.И. Брежнева. Следующий этап модернизации – перестройка М.С. Горбачёва (1985-1991 гг.) – ещё нуждается в переосмыслении и рефрейминге с высоты веков.

В статье была поставлена цель дать философско-акмеологическую характеристику истории России XX века. Для этого были решены следующие задачи: 1) выявлены сложности мемориального традирования новейшей истории России, 2) перепроизводство элит названо в качестве одной из причин революции 1917 г., 3) советский период развития России был охарактеризован с позиции ускоренной социальной модернизации, 4) сформулированы требования к актуальной технологической и ценностно-смысловой модернизации. Несомненно, Россия является частью глобальной системогенетики, но это не снимает ответственности за национальные ориентиры и решения. От них зависит место России в будущем глобальном порядке.

Источники и литература

- 1 Березкина О. С. Советский модернизационный проект в контексте опыта других стран // *Революции в отечественной и мировой истории: к 100- летию российских революций 1917 года : матер. междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 14 апреля 2017 г. / под ред. В. М. Доброштан, С. И. Бугашева, А. С. Минина, Т. В. Рабуш. Санкт-Петербург : ФГБОУ ВО «СПбГУПТД», 2017. С. 37-40.*
- 2 Глухарев Н. Н. Октябрь 1917 г. В пространстве исторической памяти: от мемориализации к забвению // *Война и революция: социальные процессы и катастрофы : материалы Всероссийской научной конференции: электронное издание. Москва : МПГУ, 2016. С. 98-106.*
- 3 Коваленко В. И. Историческая память как категория политической науки: к осмыслению уроков революции 1917 года // *Историческое место советского общества : материалы Всероссийской научной конференции / под общ. ред. А. Б. Ананченко ; Московский педагогический государственный университет. Институт истории и политики. Москва : МПГУ, 2016. С. 22-29.*
- 4 Миронов Б. Н. Какая дорога ведет к революции? Имущественное неравенство в России за три столетия, XVIII-начало XXI в. (статья первая) // *Социологические исследования. 2014. № 8. С. 96-104.*
- 5 Миронов Б. Н. Какая дорога ведет к революции? имущественное неравенство в России за три столетия (статья вторая) // *Социологические исследования. 2014. № 11. С. 121-129.*
- 6 Петин Д. И. Гражданская война в России (1917-1922 гг.): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения // *Отечественные архивы. 2016. № 4. С. 130.*
- 7 Розин В. М. Парад знаменательных годовщин (размышления о ситуации в российской философии и современности) // *Философские науки. 2017. № 1. С. 41-57.*
- 8 Сокол Ф. Н. Революция и социально-демографический фактор в обеспечении национальной безопасности России // *Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года : матер. междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 14 апреля 2017 г. / под ред. В. М. Доброштан, С. И. Бугашева, А. С. Минина, Т. В. Рабуш. Санкт-Петербург : ФГБОУ ВО «СПбГУПТД», 2017. С. 366-369.*
- 9 Сталин И. В. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // *Сочинения : в 13 т. Т. 13. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 418 с.*
- 10 Фатенков А. Н. Бездарность «элиты» и революционный эксцесс (удручающие исторические параллели) // *Революция и современность : материалы научно-практической конференции 3 марта 2017 г. / отв. ред. А. Г. Аннин, Р. В. Евстифеев. Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2017. С. 228-231.*
- 11 Федотова В. Г. Революция и модернизация // *Философские науки. 2017. № 4. С. 35-54.*
- 12 Turchin P. Cliodynamics: History as Science. URL: <http://peterturchin.com/cliodynamics/>

ПАМЯТЬ О РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ Г. КУРГАНА

Аннотация. В статье рассматривается процесс мемориализации памяти о событиях и действующих лицах Революции и Гражданской войны в памятных досках, монументальной скульптуре и домах на территории г. Кургана. Авторы учитывают не только объекты культурного наследия, но и те памятники, которые не входят в их состав.

Ключевые слова: историческая память, мемориальные доски, объекты культурного наследия, г. Курган, революция, Гражданская война.

В начале XX столетия знаменитый русский философ Н.А. Бердяев писал, что память представляет собой не просто пассивное воспроизведение прошлого, что это род «духовной активности», избирающей и творческой, направленной не только на понимание прошлого, но и на его преобразование [11].

Понятие «историческая память» – это продукт XX века, когда появилась возможность учитывать при анализе прежде всего исторических событий и попытках реконструкции исторического полотна не только официальные хроники, но и нарративные источники, неофициальные документы, предметы повседневного быта и т. д. Историческая память выражается в мемориальных знаках – памятных местах, датах, церемониях, мемориальных досках, письменных, изобразительных и монументальных памятниках [20].

Так, под исторической памятью понималось одно из измерений индивидуальной и коллективной памяти (социальной памяти), память об историческом прошлом, а вернее, его символическая репрезентация. Историческая память представляла собой не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшую составляющую самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом [21].

Для современного общества является важным и ценным сохранение социально-исторического и культурного опыта. Мемориальные доски – наиболее доступная для восприятия людьми массовая форма отображения значительных аспектов и событий общественной жизни [22, с. 188].

«Мемориальные доски представляют собой краткую летопись истории страны, поэтому являются по своему функциональному назначению идеологически нагруженными памятниками архитектуры, которым всегда и во все времена придавалось особая функция идеологического воздействия» [1, с. 51].

В данной статье мы рассмотрим, как отражается память о революции и Гражданской войне в г. Кургане, на примере мемориальных досок, памятников и объектов культурного наследия.

Мемориальные доски создаются для того, чтобы рассказать людям о тех вещах, о которых они ничего не знают, забыли или вовсе никогда не слышали, а также для того, чтобы они это помнили на протяжении многих лет.

В общей сложности в Кургане на сегодняшний день насчитывается более 190 мемориальных досок, среди них 10 посвящены революционерам или событиям революции (четыре связаны с историей города):

1 Мемориальная доска Л.Б. Красину (годы жизни 1870-1926 гг.; советский политический деятель, родившийся в Кургане (ул.Красина, 21)).

2 Мемориальная доска Е.Л. Зайцеву (председатель Курганского совета, бывший питерский рабочий, расстрелян белочехами во время мятежа 15 сентября 1918 года (ул. Ястржембского, 25)).

3 Мемориальная доска Л.В. Аргентовскому (первый комиссар Курганской рабоче-крестьянской милиции, был арестован и заключён в курганскую тюрьму, 15 сентября 1918 года после пыток в числе десяти курганских комиссаров Аргентовский был расстрелян (ул. Аргентовского, 44)).

4 Мемориальная доска Г.Т. Карельцеву (годы жизни 1882-1921 гг., боец за установление Советской власти в Зауралье (ул. Карельцева, 13)).

5 Мемориальная доска председателю ВЦИК М.И. Калинину (1875-1946) (ул. Калинина, 24). Он приезжал в Курган 20 ноября 1920 г. Он возглавлял агитационно-инструкторский поезд имени Октябрьской революции. 12-й рейс агитпоезда имени Октябрьской революции проходил через Южное Зауралье. Михаил Иванович Калинин побывал на консервном заводе (ныне мясокомбинат), осмотрел цехи, побеседовал с рабочими, выступил на городском митинге и на заседании Курганского Совета [12]. В 2016 году эта доска была снята со здания дома по неизвестным нам причинам.

6 Мемориальная доска Н.Д. Томину (годы жизни 4(16).12.1886-12.8.1924 гг.), уроженец Курганской области. Доска установлена на

доме по адресу ул. Томина, 40. Был известным военачальником периода Гражданской войны.

7 Мемориальная доска А.П. Гайдари (годы жизни 1904-1941 гг.), советский детский писатель, участник Гражданской и Великой Отечественной войн, надпись на доске гласит: «любимый пионерский писатель-воин» (ул. Гайдара, 6).

8 Мемориальная доска Д.Е. Пичугину. Текст доски гласит: «Пичугин Дмитрий Егорович 1891-1918 Уроженец Курганской области член курганского совета рабочих и солдатских депутатов Зверски замучен белогвардейцами 23 июля 1918 года» (ул. Пичугина, 8).

9. Мемориальная доска Ф.М. Савельеву. Текст доски гласит: «Савельев Федор Митрофанович 1889-1923. Работник Курганской уездной милиции героически погиб на боевом посту 5 октября 1923 года» (ул. Савельева, 2).

10. Мемориальная плита Ф.Э. Дзержинскому. Текст доски гласит: «Дзержинский Феликс Эдмундович 1877-1926. Советский государственный и партийный деятель активный участник польского и русского революционного движения» (ул. Машиностроителей, 12, при этом дом расположен на углу с ул. Дзержинского).

Помимо мемориальных досок события революции запечатлены и в монументальной скульптуре города. Памятники Аргентовской, Красину, Ленину на площади города, Пичугину на ул. К. Мяготина, обелиск расстрелянным революционерам в городском саду относятся к объектам культурного наследия регионального значения.

1 Памятник Наташе Аргентовской, участнице революционной борьбы в г. Кургане, убитой колчаковцами, на Троицкой площади у здания филармонии. Автор памятника – А.И. Козырев. Памятник открыт в 1963 году. При этом версия об убийстве Наташи колчаковцами в Курганской тюрьме, возможно, была сочинена в 1960-х годах Обкомом КПСС [10].

Фактически Н. Аргентовская находилась в тюрьме «как уголовная» с 31.03.1919 г. Ее брат Константин также находился в тюрьме «за воровство мануфактуры». Позднее был освобожден под поручительство брата. Не сходится с архивными данными и год ее рождения. По данным архива, Наташа родилась в 1895 году, то есть на момент гибели ей было 24 года. Даже если взять данные Обкома КПСС, то ей было полных 19 лет. Отсюда сомнения в предсмертной записке на стене камеры, где якобы написано: «Мне неполных 18 лет» [10].

2 Памятник Л.Б. Красину, революционеру, выдающемуся политиче-

скому и государственному деятелю Советского государства, соратнику В.И. Ленина, родившемуся в 1870 году в Кургане. Занимал ответственные посты – наркома торговли, промышленности, путей сообщения страны. Был полпредом в Англии, Франции. Памятник ему стоит на высоком берегу Тобола. Памятник открыт 3 сентября 1978 года. Вокруг него, особенно после открытия в 2015 году рядом с ним собора, неоднократно разворачивалась общественная дискуссия [16].

3 Обелиск расстрелянным революционерам в городском саду: Л.В. Аргентовскому, Н.В. Аргентовской, С.А. Солодникову, А.Е. Мартынюку, Г.М. Зырянову, В.В. Губанову, Е.Д. Зайцеву, А.П. Климову, И.Я. Пурицу, М.П. Грунту, Ф.И. Кучевасову. 2 июня 1918 года войска чехословацкого корпуса подняли мятеж и заняли город. Комиссары были схвачены и заключены в тюрьму. 15 сентября 1918 года из городской тюрьмы под усиленным конвоем десять руководящих партийных и советских работников Курганского уезда были выведены за город и в осиновом колке за железной дорогой (ныне улица Химмашевская) расстреляны [15].

4 Мемориальный комплекс памяти павших за Советскую власть. К 50-летию освобождения Зауралья от колчаковщины по решению Курганского горисполкома в городском саду имени В.И. Ленина около братской могилы павших в борьбе за власть Советов сооружен мемориальный комплекс работы молодого курганского скульптора С.А. Голощاپова и архитектора Г.А. Захарова. Памятник открыт 15 августа 1969 года. Право открытия памятника на торжественном митинге трудящихся Кургана было предоставлено ветеранам партии – И.А. Фарафонову и М.В. Шпанову, Герою Советского Союза Ф.В. Елисееву и рабочему завода колесных тягачей, комсомольцу В. Пастушенко. Рельефные фигуры девушки с винтовкой в руках и тяжело раненного красноармейца на фоне белой каменной стеллы олицетворяют вечность революционного духа, бессмертие героев Гражданской войны. На стелле – слова: «Славна кончина за народ, певцы герою в воздаянье из века в век, из рода в род передадут его деянье». На данный момент мемориальный комплекс почти полностью разрушен [23, с. 13].

5 Памятник-бюст Михаилу Ивановичу Калинин, советскому, партийному, государственному деятелю, участнику Февральской и Октябрьской революций, установлен около учебного корпуса технологического колледжа по проспекту Конституции, 68 в октябре 1977 года [2]. Этого памятника тоже сейчас нет на этом месте по неизвестным причинам.

6 Памятник-бюст Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому, ближайшему соратнику В.И. Ленина, члену ЦИК СССР, председателю Высшего Совета народного хозяйства СССР, председателю Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и бандитизмом, был установлен к 100-летию со дня его рождения в 1977 году в сквере у Октябрьского УВД по улице Советской, 56. Изображенный на стелле барельеф красноармейца и женщины-революционерки в настоящее время разрушен. Сооружен он был по проекту скульптора С.А. Голощапова и архитектора Г.А. Захарова [2]. Еще один бюст Ф.Э. Дзержинского расположен во дворе здания экспертно-криминалистического центра МВД по ул. Сергея Васильева, 30а.

7 В октябре 1977 года в Парке Победы на могиле В.И. Бурова-Петрова был открыт памятник. В.И. Буров-Петров (настоящее имя – М.Н. Петров) был комиссаром Красной гвардии, одним из первых редакторов региональной газеты «Новый мир», военным министром Дальневосточной республики, умер в Кургане в 1939 году [2].

8 В городе Кургане на данный момент сохранилось 6 памятников основателю первого мире социалистического государства:

1) памятник В.И. Ленину на центральной площади города (скульптор – В.Е. Егоров). Открытие состоялось 27 октября 1967 г. Памятник представляет собой шестиметровую фигуру Ленина в полный рост на гранитном постаменте;

2) на улице К. Мяготина возле гимназии № 47. Установлен 1 сентября 1960 г. (скульптор – А.И. Козырев);

3) на ул. Карбышева, у школы-интернета для сирот;

4) на ул. Бурова-Петрова (скульптор – А.И. Козырев), возле бывшего завода «Икар». Установлен в октябре 1967 г.;

5) на проспекте Машиностроителей, 17, на территории «Курганмашзавода». Установлен 22 апреля 1960 года (скульптор – Е.И. Белостокский, архитектор – Л.К. Пухова). Памятник отлит в Киеве мастерскими Союза художников;

6) бюст В.И. Ленину установлен на территории железнодорожного депо.

9 Памятник Коле Мяготину, символу советской пионерии, который установлен в 1962 г. Архитектурный проект и скульптуру разработал А.И. Козырев. Бронзовая фигура была отлита молодыми рабочими Курганского завода колёсных тягачей имени Д.М. Карбышева.

Но в то, что Коля Мяготин был героем, верят не все. Например, пред-

седатель общественного движения «Духовно-историческое и культурное возрождение Зауралья» Александр Скворцов говорит: «Его таким сделали чекисты 30-х годов, на самом же деле он просто жертва. Жертва не только тех, кто его убил, но и тех, кто его оболгал, создав из простого деревенского мальчишки идеологического героя. Существование же идеологического памятника Мяготину не только искажает историю, но и оскорбляет память о самом погибшем подростке. Кроме того, вновь возводятся в ранг «врагов народа» невинно репрессированные в 1932 году по делу об убийстве Коли Мяготина и реабилитированные в настоящее время якобы кулаки» [9].

10 В Кургане установлено два памятника Д.Е. Пичугину. Первый был сооружен по проекту А.И. Козырева к 42-й годовщине Великого Октября в сквере у поликлиники УВД по улице Коли Мяготина. Второй памятник работы скульптора С.А. Голощапова и архитектора Б.А. Воропай сооружен к 60-летию Великого Октября на средства комсомольцев Октябрьского района в сквере возле кинотеатра «Мир» по улице Ю.А. Гагарина [17].

На постаменте одного из бюстов и была установлена табличка: «Пичугин Д.Е. (1889-1918), красный командир, погиб у села Белый Яр». На постаменте другого бюста на улице Коли Мяготина имеется иной текст: «Пичугин Д.Е. (1891-1918), член Курганского Совета Рабочих и солдатских депутатов, Герой гражданской войны. Зверски замучен белогвардейцами». Очевидно, что они противоречат друг другу, показывают необходимость исторического изучения периода становления советской власти в регионе. При этом, судя по сохранившимся документам, Д.Е. Пичугин действительно являлся руководителем Крестьянской секции Курганского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, возглавлял небольшой отряд, хотя и не был «красным командиром» в смысле того времени. В прессе выражаются сомнения и специфическом описании его смерти, в частности была высказана гипотеза, что поймавшие его белые офицеры просто произвели расстрел, затем тело привезли в Курган и захоронили по православному обряду [13].

11 Памятник Николаю Дмитриевичу Томину, полководцу и герою Гражданской войны, который принимал активное участие в освобождении Зауралья, Сибири от колчаковцев и интервентов. Памятник установлен возле технического училища № 9 на средства, заработанные учащимися, открыт 5 мая 1975 года. Авторы – скульптор А.И. Козырев и архитектор А.С. Якушенко.

12 Памятник рабочим паровозного депо, павшим в борьбе за установление советской власти (Омская, 3в/1).

В настоящее время становится ясным тот факт, что на самом деле многие возведенные в ранг «героев» революции курганцы были простыми людьми, которые во многом стали жертвами событий того времени. Для идеологии советского времени создание подобных «героев» в качестве идеалов было крайне важным, в том числе с позиций воспитания будущих поколений.

К объектам культурного наследия, которые в той или иной степени имеют отношение к революции и Гражданской войне, относятся:

1 Здание большевистской типографии Курганской организации РСДРП в период, после революции 1917 года (ул. Комсомольская, 45). На протяжении 1917 года здесь печатали газету «Новый мир», которая вначале была печатным органом объединенной организации РСДРП, а потом – только большевиков. До установления Советской власти в доме проходили подпольные собрания большевиков курганского гарнизона. В дальнейшем дом был отдан под квартиры, снесен в конце 1970-х гг. при строительстве здания архива (ГАОПД КО) [8].

2 Помещение большевистской подпольной типографии (1905 г.) (ул. Красина, 41). Весной 1906 года в небольшом деревянном флигеле размещалась подпольная типография Курганской группы РСДРП, которая готовила листовки для рассылки по всем предприятиям города. После ее переноса в середине 1906 года в доме размещалась штаб-квартира организации. С июня по октябрь этого года здесь жили и работали большинство участников этой группы, в том числе Ф. Ягодин-Виноградов, И. Пискунов, А. Тыминский. Кроме того, в доме располагалась партийная библиотека. В конце 1907 г. после ареста руководителей типография была ликвидирована, а типографская техника была зарыта в лесу на Увале. В годы советской власти дом использовался и под библиотеку, и в качестве жилого. Был снесен в 1960-е гг. при перестройке улицы Красина [19].

3 Здание, в котором 15-16 апреля 1918 г. проходил 4-й уездный съезд Советов рабочих, крестьянских депутатов (здание бывшей Александровской женской гимназии) (ул. Куйбышева, 55). На данный момент после реконструкции внутренних помещений при сохранении фасада в здании расположены многочисленные магазины [7].

4 Здание, где в феврале-мае 1918 г. работал Курганский революционный трибунал – руководитель И.А. Ястрежембский (ул. Куйбышева,

87). В 1917 году в доме располагался курганский биржевой комитет, а после революции его реквизируют под продовольственную управу. Сохранность дома, возможно, связана его революционным прошлым. При этом сам И.А. Ястржембский погиб при защите Кургана от белочехов 2 июня 1918 года. Трибунал исполнял функции суда. С балкона этого здания члены курганской ячейки ВКП(б) приветствовали демонстрантов 1 мая 1918 года. При трибунале была создана следственная комиссия, которую возглавил Филипп Кучевасов, а членами комиссии стали Григорий Зырянов и Ян Пуриц. При ревтрибунале числилась и Курганская тюрьма, начальником которой был назначен Мартин Грунт. Он стал членом уездного ревтрибунала. Впоследствии члены ревтрибунала Зырянов, Пуриц, Кучевасов и Грунт были расстреляны в числе десяти курганских комиссаров в сентябре 1918 года. В настоящее время в нем находится Курганская городская типография, Комитет по печати и средствам массовой информации Курганской области и ряд других связанных с печатью организаций. Ценность данного здания, прежде всего, в его истории, т. е. в том, как он из дома купца М.М. Дунаева превратился в ревтрибунал, а затем и в здравотдел по борьбе с эпидемиями [3]. Несомненно то, что необходимо в отношении подобных объектов культуры регионального наследия постепенно вернуться к определению их ценности именно в рамках провинциальной имперской культуры, в том числе через призму истории купечества, что позволило бы снять некоторые идеологические проблемы в трактовках.

5 Здание, в котором в 1917-1918 годах находилась редакция и типография газеты «Известия» Курганского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов – редактор большевик И.Я. Пуриц (ул. Советская, 92). В послереволюционный период дом был перестроен. 27 мая 1983 года Курганский областной исполнительный комитет принял решение №369 «О мерах по дальнейшему улучшению работы музеев в области», в котором рекомендовал Курганскому городскому исполнительному комитету передать этот исторический памятник областному краеведческому музею для размещения в нём отдела истории советского общества и фондохранилища. К несчастью, это решение так и не было выполнено. В настоящее время здание претерпело перепланировку и используется в качестве жилого дома [5].

6 Дом, где родился поэт Сергей Васильев. В 1917-1918 годах там находились крестьянская секция Курганского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов; в 1919-1920 годах работает Курганский

ревком (ул. Советская, 104). 6 декабря 1912 года в этом доме была открыта первая в Кургане городская публичная библиотека, до сих пор используется как жилой [6].

7 Здание, где организационно оформилась городская большевистская организация в 1917 году (ул. Советская, 116). Летом 1917 года здесь не раз собирались члены курганской группы РСДРП. Здесь, как утверждали местные краеведы, осенью 1917 года состоялось первое организационное собрание курганских большевиков, где был избран городской партийный комитет во главе с А.П. Климовым. Мимо этого здания водили экскурсии и рассказывали о героическом прошлом первых коммунистов. Со временем дом сильно обветшал, его снесли. Разразился большой скандал: старые коммунисты были возмущены неуважительным отношением к революционному прошлому. Тогда городские власти вынуждены были провести работы по восстановлению памятника, при этом были нарушены все правила реставрации. В настоящее время в здании располагается детская художественная школа №1 [4].

8 Дом, в котором в 1917 и в 1918 году помещался Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (ул. Советская, 131). После окончательного установления в Кургане Советской власти дом был реквизирован и передан в ведение окружного исполкома. В нем по-прежнему оставалась гостиница. В этом статусе дом просуществовал до 1950 года, пока в центре города не была открыта новая гостиница «Тобол». После этого здание номеров Васильевых было перестроено и приспособлено под жилые квартиры. На сегодняшний день здание бывших номеров Васильевых находится в частной собственности. Работы по восстановлению до сих пор не начаты, и дом находится в аварийном состоянии. Однако до сих пор виден лепной декор фасада, созданный еще в XIX веке [14].

Все памятники мемориализации города Кургана, в том числе и посвященные революции, полностью соответствовали характеристикам, которые были присущи искусству советской эпохи. «Для советского времени были характерны патриотичность, агитационность и идеологизированность искусства, что проявляется, в частности, в текстах мемориальных досок. Также был сформулирован его главный принцип: требование от художника правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии, сочетающегося с задачей воспитания трудящихся в духе социализма. Главная характерная особенность, которая присуща мемориальным доскам и

монументальной скульптуры города – это лаконичность художественных средств, которые проявляются: в выборе приема, используемого при создании памятника; символики, благодаря которой у человека складываются определенные ассоциации: и в ясно сформулированных надписях на памятниках» [22, с.188]

Мемориальные доски являются и памятниками истории. Они сохраняют не только память о тех или иных фактах, но и отношение современников к этим событиям, проявляющееся в выборе тем и характере текстов. К концу XX века изменилась политическая ситуация в стране и государственный строй, иными стали взгляды людей, взаимоотношения, ценности, а мемориальные доски прошлых лет сохраняют дух времени, в котором были созданы, как сохраняют его стоящие на улицах монументы, посвященные революционным деятелям [22, с.188].

Но какую роль они играют в современной культуре? Памятники Революции и Гражданской войны – это часть культурного достояния города. Они выступают важнейшими источниками, с помощью которых мы можем получить наиболее полные и важные сведения того времени. Также можем проследить, как они изменялись со временем, какие особенности в себе несли в определенный период, и по сохранности можем определить, какие были «приоритетнее» других.

Несмотря на политические изменения, произошедшие в нашем обществе, и отказ от советских идеалов, по-прежнему есть необходимость поддержания памятников, связанных с революцией и Гражданской войной, или посвященных ей, в надлежащем состоянии, восстановления и реставрирования их, прежде всего, потому, что это память о произошедших событиях и о наших земляках, которые принимали участие в них.

Если говорить о сохранности памятников в настоящее время, то тут видна большая разница. Если одни поддерживаются в отличном состоянии и реставрируются (например, памятник Д.Е. Пичугину, который открыли 23.08.2017 г. после реставрации), то другие находятся в плачевном состоянии (например памятник Д.Е. Пичугину, который находится на улице Ю.А. Гагарина), а некоторые вовсе исчезают по не известным причинам, как, например, мемориальная доска и памятник Калинину.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что к «следам» революции в Кургане относятся, как уже было сказано, не всегда должным образом. Например, скандал разразился из-за памятника Л.Б. Красину, который относится к объектам культурного наследия регионального значения.

Так, Курганская епархия заявила о намерении снести памятник первому курганскому советскому дипломату, объясняя это тем, что «православных оскорбляют факты биографии пламенного революционера». В Курганской епархии считают, что лучше бы перенести памятник Леониду Красину подальше от Богоявленского собора «в более подходящее место», а именно, к торговому центру «Товарищество предпринимателей» или к дому по Красина, 31, где сейчас расположен офис Сбербанка [18].

В целом необходимо обратить внимание, что список мемориальных досок, памятников и домов включает почти 40 наименований, причем большая их часть привязана к одним и тем же людям, в честь которых названы и некоторые городские улицы. Любопытным продолжением исследования было бы соотнесение времени установки этих объектов или признания их объектами культурного наследия с определенными памятными датами советского времени.

Источники и литература

- 1 Беседина Е. А., Буркова Т. В. «В этом здании жил и работал...»: мемориальные доски как образ исторической памяти // *Труды исторического факультета СПбГУ*. 2013. № 16. С.45-67.
- 2 Серков В. История в бронзе и граните // KIKONLINE.RU Сайт городской газеты «Курган и курганцы». URL: http://kikonline.ru/newspaper_post/2012-05-29-04-00-47/ (дата обращения: 30.09.2017).
- 3 Дом купца М.М. Дунаева, ул.Куйбышева, 87 // *Культурное наследие города Кургана* : электронная база данных / сост. текстов Д. Н. Маслюженко. URL: <http://kurgan.pro/okn/n032/> (дата обращения: 30.09.2017).
- 4 Дом, связанный с историей курганских большевиков, ул.Советская, 116 // *Культурное наследие города Кургана* : электронная база данных / сост. текстов Д. Н. Маслюженко. URL: <http://kurgan.pro/okn/n056/> (дата обращения: 30.09.2017).
- 5 Дом фотографа А.И. Кочешева, ул.Советская, 92 // *Культурное наследие города Кургана* : электронная база данных / сост. текстов Д. Н. Маслюженко. URL: <http://kurgan.pro/okn/n050/> (дата обращения: 30.09.2017).
- 6 Доходный дом Васильевых, в семье которых родился известный поэт С. Васильев, ул. Советская, 104 // *Культурное наследие города Кургана* : электронная база данных / сост. текстов Д. Н. Маслюженко. URL: <http://kurgan.pro/okn/n053/> (дата обращения: 30.09.2017).
- 7 Здание Александровской женской гимназии, ул.Куйбышева, 55 // *Культурное наследие города Кургана* : электронная база данных / сост. текстов Д.Н. Маслюженко. URL: <http://kurgan.pro/okn/n024/> (дата обращения: 30.09.2017).
- 8 Здание большевистской типографии Курганской организации РСДРП в период после революции 1917 года, ул. Комсомольская, 45 (снесён) // *Культурное наследие города Кургана* : электронная база данных / сост. текстов Д. Н. Маслюженко. URL: <http://kurgan.pro/okn/n088/> (дата обращения: 30.09.2017).

- 9 Коля Мяготин не был ни пионером, ни героем // Живой журнал. URL: <http://kurgancity.livejournal.com/2948.html> (дата обращения: 01.10.2017).
- 10 Кто ты, Наташа Аргентовская? // Курганполит.ру. URL: <http://kurganpolit.ru/frontend/index/articles?act=article&id=2061> (дата обращения: 01.10.2017).
- 11 Леонтьева О. Б. Историческая память и образ прошлого в пореформенной России. URL: http://www.perspektivy.info/book/istoricheskaja_pamat_i_obraz_proshlogo_v_kulture_poreformennoj_rossii_2014-06-30.htm (дата обращения: 01.10.2017).
- 12 М.И. Калинин в Кургане. URL.: <http://delia-grup.ru/4/57.htm> (дата обращения: 01.10.2017).
- 13 Неужели не будет конца курганскому маразму? / Курганполит.ру. URL:<http://kurganpolit.ru/frontend/index/articles?act=article&id=2176> (дата обращения: 30.09.2017).
- 14 Номера Васильевых – городская гостиница, ул. Советская, 131 // Культурное наследие города Кургана : электронная база данных / сост. текстов Д. Н. Маслюженко. URL: <http://kurgan.pro/okn/n058/> (дата обращения: 30.09.2017).
- 15 Обелиск памяти павших комиссаров в борьбе за власть советов, Городской сад // Культурное наследие города Кургана : электронная база данных / сост. текстов Д. Н. Маслюженко. URL: <http://kurgan.pro/okn/n068/> (дата обращения: 30.09.2017).
- 16 Памятник видному Советскому государственному деятелю Л. Б. Красину, перекресток ул. Красина – Куйбышева // Культурное наследие города Кургана : электронная база данных / сост. текстов Д. Н. Маслюженко. URL: <http://kurgan.pro/okn/n074/> (дата обращения: 01.10.2017).
- 17 Памятник герою гражданской войны Д.Е. Пичугину, ул. К. Мяготина, 134 // Культурное наследие города Кургана : электронная база данных / сост. текстов Д. Н. Маслюженко. URL: <http://kurgan.pro/okn/n075/> (дата обращения: 30.09.2017).
- 18 Памятник Леониду Красину в Кургане: снести, перенести, оставить? // REGNUM Информационное агентство. URL: <https://regnum.ru/news/society/2197631.html> (дата обращения: 30.09.2017).
- 19 Помещение большевистской подпольной типографии, ул. Красина, 41 (снесён) // Культурное наследие города Кургана: электронная база данных / сост. текстов Д. Н. Маслюженко. URL: <http://kurgan.pro/okn/n089/> (дата обращения: 30.09.2017).
- 20 Романова А. П. Культурная память и культурное наследие: понятийный анализ. URL: <http://kaspy.asu.edu.ru/files/4%2833%29/226-233.pdf> (дата обращения: 01.10.2017).
- 21 Романовская Е. В. Морис Хальбвакс: культурные моменты памяти. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moris-halbvaks-kulturnye-aspekty-pamyati>
- 22 Рысаева С. Ф. Мемориальная доска как историческая и художественная память города Кемерово // Вестник КемГУКИ. 2012. №21 С.186-193.
- 23 Териукова Е. Последний непокой: братская могила в центре Кургана // Новый мир. 2009. 19 марта. С.13.

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1917 г.)

А.В. Волков

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ 1917 ГОД В СОЗНАНИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация. *Статья посвящена отражению Февральской и Октябрьской революций в сознании военно-политической элиты начала XX века. Раскрыто отношение военных министров, члена правящей династии, боевых генералов и адмирала к основным событиям 1917 года, к действующим лицам, причины их перехода на ту или иную сторону социального конфликта или эмиграции.*

Ключевые слова: революция, 1917, Колчак, Брусилов, отречение Николая II.

1917 год стал переломным как для страны, так и для отдельных представителей ее военно-политической элиты. Однако революции по-разному повлияли на каждого человека, соответственно сформировалось и разное отношение к февралю и октябрю 1917 года. Так как революции 1917 года чисто хронологически входят в историю Первой мировой войны, то здесь будет проведен анализ и сравнение отношения и влияние на представителей военно-политической элиты России Февральской и Октябрьской революций, а также основные причины и предпосылки, которые, по мнению элиты, привели к краху империи.

В нашей работе в качестве представителей элиты России данного периода представлены А.Ф. Редигер – генерал, военный министр (1905-1909), член Государственного совета; великий князь Александр Михайлович – адмирал, один из создателей российской авиации; А.И. Верховский – полковник, военный министр Временного правительства, военный теоретик Красной Армии; А.А. Брусилов – генерал-адъютант, командующий Юго-Западным фронтом, Верховный главнокомандующий, инспектор кавалерии РККА; А.В. Колчак – вице-адмирал, командующий Черноморским флотом; В.А. Сухомлинов – генерал-адъютант, военный министр.

А.Ф. Редигер к моменту Февральской революции уже давно был на пенсии, поэтому ни предпосылок революции, ни ее ожидания в его воспоминаниях не видно. Жизнь течет своим чередом, и революция

происходит не одновременно, а постепенно, развиваясь. Мы видим события в Петрограде взглядом обычно человека – приемы, не работает транспорт, боязнь выходить на улицу. Революция у Редигера прошла быстро, без кровопролития и закончилась с отречением императора и великого князя Михаила Александровича [5, с. 545]. Объясняет Александр Федорович такое спокойное течение Февральской революции давним подрывом авторитета власти самим императором – Русско-японская война, неосторожная политика, неудачная конституция, «...вся Сухомлиновская эпопея, закончившаяся разгромом армии и преданием Сухомлинова суду; наконец, Штюрмер, Распутин и Протопопов!» [5, с.547]. Невозможность же подавить восстание в Петрограде Редигер логично объясняет отсутствием в городе надежных частей, которые могли бы подавить «...все движение; нестройные толпы бунтовавших запасных не могли бы устоять против нее, и весь государственный строй России не рухнул бы как карточный домик!» [5, с. 548]. Виновным же в дальнейшем хаосе страны Александр Федорович считает Временный комитет Государственной думы во главе с Родзянко, так как «...они стали сначала во главе движения и содействовали ему своим авторитетом, а затем отошли в сторону, предоставив совсем иным людям хозяйничать по-своему» [5, с. 545].

Редигер подробно описывает повседневную жизнь Петрограда после Февральской революции – грабеж домов офицеров, оскорбления и убийства офицеров, национализм и сепаратизм народов, входивших в состав Российской империи, сокращение пенсий, желание оставить Петроград. Октябрьский переворот не вызвал у Александра Федоровича бурной реакции, наоборот, он отмечает, что принципы большевиков «...были крайне соблазнительны для темных масс...» [5, с. 550]. Нельзя сказать, что Редигер приветствовал Февральскую или Октябрьскую революции, однако и ярко выраженного противодействия в его мемуарах нет. Объясняется это тем, что к 1917 году генерал уже давно находился на заслуженном отдыхе, и главное, что его волновало, это будут ли ему продолжать выплачивать пенсию в том же объеме. Поэтому единственное волнение и отношение к власти видно только во время реформы Государственного совета и возможного сокращения пенсий. В общем же Редигер нейтрально отнесся и к Февральской революции, и к большевикам, отметив, однако, и ошибки императора, и просчеты Временного правительства. Революции не коснулись непосредственно Александра Федоровича и не прибрели в его сознании какой-либо оценки.

По-другому отразился 1917 год в сознании великого князя Александра Михайловича. И он сам, и другие члены царской фамилии много раз сообщали императору о нарастании волнений, революционных настроений, однако император отказывался верить им. Великий князь показывает, что недостаток хлеба в Петрограде не мог стать причиной бунта, а был сигналом к началу выступления Государственной думы [3, с. 160]. Александр Михайлович отрицательно отнесся к отречению императора из-за мятежа в столице, когда у него была армия. Дальнейшие события описаны в атмосфере горечи, предстоящей разлуки членов царской фамилии и предательства генералов. Жизнь великого князя в Киеве, куда он был отправлен вместе с семьей, была вначале вполне благополучной, однако в дальнейшем унижения и опасность расправы вынудили Александра Михайловича переехать в Крым, и это в итоге спасло его жизнь [3, с. 160-161]. Скорее всего, великий князь считал, что в Крыму, где еще была сильна власть Колчака, он и его семья будут в безопасности. Однако постоянные обыски, разложение армии, попытки Ялтинского совета арестовать и расстрелять Александра Михайловича и его семью оставили яркий след в сознании великого князя и вынудили его к эмиграции.

У него же мы не видим какого-либо анализа причин и предпосылок революции, нет и ярких оценок революционных сил, и осознания ошибок, совершенных действующей властью, что объясняется принадлежностью к правящей династии. Вообще великий князь индифферентно относится к событиям Февральской и Октябрьской революций, всего 1917 года, к участникам переворотов. Главным событием для него стало отречение Николая II, которое, по мнению великого князя, стало ошибкой и привело к дальнейшим событиям. Остальные действия на фоне падения династии воспринимаются не столь ярко. Разумеется, большевики, которые уничтожили большую часть императорской фамилии, воспринимаются с отрицательной точки зрения, однако так как великому князю удалось эмигрировать, яркого отношения к революционерам нет. Зато есть ясная позиция по отношению к союзникам – эгоизм и нежелание помогать белым в реальной борьбе.

Совсем по-другому отразилась революция в сознании А.И. Верховского. Вообще 1917 год занимает основное место в его мемуарах. Положение в Петрограде описано в более мрачных тонах и Верховский не скрывает своего желания революции и участия в обсуждениях возможного переворота. Причинами революции в Петрограде

Александр Иванович называет голод, дороговизну и спекуляции. Верховский с радостью встречает революцию, хотя и высказывает опасения за судьбу армии [4, с. 144-146]. И эти опасения были не напрасны – Верховский, находясь в Севастополе, в первые же дни после Февральской революции столкнулся с волнениями среди солдат. Однако порядок в Черном море пытался поддерживать А.В. Колчак, и это ему удавалось в первую очередь за счет своего авторитета. Верховский высоко оценил действия Колчака по сохранению армии, а причинами падения адмирала называет нежелание устранить некоторых офицеров от командования и отрицание власти Советов [4, с. 150]. Александр Иванович выступал с позиции соглашательства, но хотел, чтобы солдаты были выше офицеров. Верховский пытался отговорить Корнилова от выступления, а после мятежа объявил себя его противником и активно боролся с мятежниками, но при этом считает восстание правильным, так как он помог убрать армию из рук Временного правительства [4, с. 396-424]. В дальнейшем Александр Иванович подробно описывает, как его уговаривали перейти на сторону большевиков после заключения Брестского мира, пытаясь оправдаться перед своими сослуживцами.

Таким образом, Верховский относится к революции положительно, особенно к Февральской, признавая, однако, что всегда был «...в плену народнических идей и в любую минуту мог соскользнуть в лагерь контрреволюции» [4, с. 430]. Однако главной причиной перехода на сторону большевиков он называет тот факт, что «Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средство насилия, в средство эксплуатации» [4, с. 432]. Однако следует уточнить, что свои мемуары А.И. Верховский закончил в 1937 году, через три года после своего освобождения и за год до своего расстрела, что, несомненно, повлияло на его отношение в воспоминаниях к большевикам.

А.А. Брусилов подробно описывает события, предшествовавшие Февральской революции, и отмечает, что «...государственная машина окончательно шатается и что наш государственный корабль носится по бурным волнам житейского моря без руля и командира» [2, с. 255]. Так генерал показывает проблемы в государстве и на фронте – непрерывная смена министров, проблемы в снабжении и спекуляции военной формой, ухудшение питания солдат и угрозы офицерам. Однако Брусилов признает, что после революции 1905 года он ожидал повторения бес-

порядков и в принципе был за смену власти, но только после войны [2, с. 258]. Он даже пытался предупредить императора через третьих лиц, членов царской фамилии, о настроениях в обществе, однако все усилия были тщетны.

Описание обстановки после Февральской революции и состояния русской армии Брусилов обходит стороной, говоря только о нежелании солдат сражаться, зато долго и подробно объясняет, почему принял пост Верховного Главнокомандующего, словно пытаясь оправдаться [2, с. 263-266]. Брусилов аргументирует это ошибками императора, приведшими к краху страны и армии, и желанием сохранить армию и спасти офицеров от истребления [2, с. 267-268]. Однако слова Алексея Алексеевича об отречении императора двойственны – писать о выполнении долга перед царем и страной до конца и поддержать отречение Николая II. С учетом времени создания мемуаров это явно попытка оправдания перед сторонниками императора и белой эмиграцией. Однако стоит отметить, что в конце первого тома, который был точно написан Брусиловым, он признает и свою вину, и вину командиров в развале армии, все-таки упоминая и ошибки правительства [2, с. 285]. В мемуарах Алексея Алексеевича не содержится оценки большевиков и Октябрьской революции, если не считать второго тома, который, по мнению ряда историков, был написан его женой. Там содержатся резкие выпады против большевистской партии в целом и Ленина в частности. Второй том был написан с целью оправдать Брусилова перед белоэмиграцией.

Из представленных военачальников правдивее всего события революции и отношение к ним, на наш взгляд, отразил адмирал А.В. Колчак. При создании своих воспоминаний – допросов, он понимал, что его ждет расстрел, поэтому у него не было смысла прикрывать свои истинные отношения к революционным событиям и их участникам. Однако можно провести сравнение, как революция проходила на Черном море, через воспоминания Колчака и Верховского.

Верховский в своих мемуарах отмечает, что Колчак часто находился в оппозиции к императору и его правительству и предпочитал работать с Государственной думой. Колчак это подтверждает, показывая, что действующая власть не могла справиться с ведением войны, и он приветствовал Февральскую революцию [1, с. 58]. И здесь мы видим другой взгляд на присягу. Адмирал считает, что он служит не форме правительства, а Родине [1, с. 59]. Удачной же формой власти Колчак

считает республику, однако замечая, что он не хотел и не стремился тогда об этом думать. Но несмотря на положительное отношение к революции, Александр Васильевич признал только власть Временного правительства, отвергая любые приказы Советов [1, с. 68].

В дальнейшем Колчак пытался любыми способами удержать вверенный ему флот в боеспособности и порядке, понимая, что положение будет ухудшаться. И здесь мы видим расхождение во взглядах на провал попыток установить порядок в войсках. Колчак, в отличие от Верховского, в своем поражении обвинил правительство, которое развалило общее командование войсками, подорвало авторитет генералитета и офицерства, а также работу германской агентуры [1, с. 104]. На наш взгляд, правда находится посередине – правительство должно было сохранить авторитет и власть армейского командования, однако и Колчаку, который видел бездействие правительства, следовало быть сговорчивее и сократить власть офицеров, что могло бы сохранить порядок на флоте еще на какое-то время.

Колчак не выражает резкой оценки большевиков и Октябрьской революции до заключения Брестского мира. Именно это событие и повлияло на его переход на сторону борьбы с советской властью, так как мир разрушил все, что было завоевано дорогой ценой. Таким образом, мы видим в сознании Колчака полное одобрение Февральской революции, отречения императора, а к борьбе против большевиков адмирала побудил Брестский мир.

Меньше всего революции отразились в сознании В.А. Сухомлинова. Февральская революция не стала для него важным событием, так как к тому времени он уже находился под арестом более года. Поэтому мы не видим ни анализа причин революции, ни предпосылок переворота. Однако отмечено и поведение революционных солдат, которые ограбили квартиру, и приходящее в расстройство хозяйство в тюрьме, плохое питание, издевательства надзирателей [6, с. 220]. Суд же над Сухомлиновым, по его мнению, был попыткой Временного правительства удержаться у власти и вынести общий приговор всему царскому режиму и военному ведомству в частности [6, с. 222]. Владимир Александрович справедливо считает, что Керенский пытался этим процессом «...учинить пропаганду и отвлечь им внимание солдатской массы от большевиков...» [6, с. 223]. Можно сказать, что он прав, так как большинство обвинений на суде не подтвердились, а обвинение в недостаточной подготовке армии к войне было явно политизированным. Сухомлинов был пригово-

рен к бессрочной каторге и переведен в «Кресты», после Октябрьской революции и посещения его М.С. Урицким и С.С. Зориным, председателем ревтрибунала Петрограда, был амнистирован. Освобождение и, можно сказать, спокойная эмиграция в Финляндию повлияли на его отношение к большевикам, характеристика и Урицкого, и Зорина только положительна, даже в описании внешности [6, с. 237].

В целом можно сказать, что революция прошла мимо Сухомлинова. Мы не видим ни анализа событий, ни подробной характеристики участников. Однако, так как Временное правительство устроило суд над ним, характеристика его участников имеет отрицательную оценку, большевики же, освободившие генерала, отмечены положительно.

Подводя итог, следует сказать, что почти все приветствовали Февральскую революцию и отречение Николая II. Все, кроме великого князя Александра Михайловича, ждали революцию, считали, что император не может управлять страной, и его надо свергнуть. Можно считать такое отношение к перевороту правдивым, революция не могла повредить никому из представителей военно-политической элиты, кроме великого князя. Причины Февральской революции в принципе у всех схожи – подрыв авторитета власти императора, неосторожная внутренняя и внешняя политика, непрерывная смена министров, проблемы снабжения армии и тыла. Однако и к Временному правительству у генералов отрицательное отношение – правительство не смогло удержать власть, развалило командование войсками, подорвало авторитет офицеров. Резкой оценки большевиков и Октябрьской революции нет, элита либо нейтрально, либо положительно отнеслась к перевороту поначалу. Лишь дальнейшие события и действия новой власти повлияли, в частности, на переход Колчака на сторону белого движения. Отдельно стоит позиция великого князя Александра Михайловича, что объясняется его положением члена правящей династии. Он отрицательно относится к обеим революциям, к большевикам, к Временному правительству. Однако также он отнесся и к отречению императора.

В целом военно-политическая элита приветствовала Февральскую революцию, веря, что она изменит положение к лучшему и поможет выиграть войну. Однако, по мнению генералов, у власти оказались не те люди, которые не смогли навести порядок и сохранить власть.

Источники и литература

- 1 Адмирал Колчак. Протоколы допроса. Санкт-Петербург : Питер, 2015. 272 с.
- 2 Брусилов А. А. Мои воспоминания. Москва : Вече, 2014. 304 с.
- 3 Великий Князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Приложение к «Иллюстрированная Россия» за 1933 г. 250 с.
- 4 Верховский А. И. На трудном перевале. Москва : Воениздат, 1959. 448 с.
- 5 Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра : в 2 т. Москва : Канон-пресс ; Кучково поле, 1999. 612 с.
- 6 Сухомлинов В. А. Воспоминания. Мемуары. Харвест, 2005. 432 с.

Г.А. Пономарёва

МАТРОС С АВРОРЫ

Аннотация. *Статья посвящена истории моряков крейсера «Аврора», которые были уроженцами Южного Зауралья. Основанием для ее написания стала обнаруженная в фондах Далматовского краеведческого музея фотография.*

Ключевые слова: Аврора, Зимний дворец, Корепанов, Жикин, Уткин, Чистяков.

В Далматовском краеведческом музее хранится письмо из музея на крейсере «Аврора» от 3 июля 1974 года. В нём сотрудники музея выражают благодарность Клубу следопытов Далматовского Дома пионеров за присланный им материал о судьбе Харитона Потаповича Корепанова, одного из 570 матросов «Авроры», участников Октябрьской революции. Его имя записано в корабельной книге личного состава под № 216, он был переведён на крейсер с транспорта «Митава» в 1917 году.

А вот о дальнейшей судьбе матроса известно не было. Следопыты под руководством З.И. Матвеевой провели поиск и установили, что Х.П. Корепанов родился в Далматово в 1895 году, после Гражданской войны вернулся домой, работал путевым обходчиком на станции Далматово, где и погиб в 1938 году при исполнении служебных обязанностей. Его жена Александра Васильевна воспитала троих сыновей и дочь, её не стало в 1970 году [1]. Младший сын Анатолий, проживающий в то время в Магаданской области, передал в музей фотографию (рисунок 1). На ней трое далматовцев в бескозырках с надписью «Балтийский флотский экипаж» [2]. Харитон Потапович стоит справа, а в центре Григорий Михайлович Пономарёв, который, вернувшись в Далматово, был одним из организаторов советской власти, председа-



*Рисунок 1 – Фото моряков.
Корепанов стоит справа*

телем волостного земельного комитета.

В 1974 году в газете «Советское Зауралье» вышла статья сотрудника Шадринского краеведческого музея Г. Попова «Матросы легендарного корабля», в которой он написал, что на крейсере в 1917 году служили четверо зауральцев [3]. Кроме Х.П. Корепанова, это Михаил Тимофеевич Жикин из деревни Калиновка Каргапольского района, Ефим Иванович Уткин из деревни Хлызовой, вошедшей ныне в черту города Шадринска, и Иван Фёдорович Чистяков из деревни Верхние Пески Катайского района.

Крейсер «Аврора» спущен на воду в 1900 году, он участвовал в Цусимском сражении. В

годы первой мировой войны «Аврора» вместе с другими кораблями Балтийского флота несла боевую службу по охране подступов к Финскому заливу. Уже в те годы на крейсере действовала революционная группа. Она распространяла листовки и нелегальную литературу. Когда в конце февраля 1917 года разнеслась весть о свержении царя, матросы крейсера захватили корабль и первыми на Балтийском флоте подняли на мачте красный флаг. В эти дни отряды «авроровцев» вышли на улицы Петрограда и присоединились к вооружённым рабочим и солдатам. 12 мая 1917 года на завод, где ремонтировался крейсер, приехал В.И. Ленин, моряки слушали речь вождя. На крейсере выступали М.И. Калинин, В.В. Володарский и другие большевистские пропагандисты. Рано утром 25 октября 1917 года, выполняя предписание Военно-революционного комитета, «Аврора» встала у Николаевского моста. В этот день радиостанция крейсера передала в эфир написанное рукой В.И. Ленина воззвание «К гражданам России», а в 21 час 45 минут носовое орудие крейсера произвело выстрел, послуживший сигналом к

штурму Зимнего дворца. Среди штурмовавших Зимний дворец был отряд «авроровцев» в 50 человек. Два других таких отряда вели патрульную службу в городе. С 1957 года крейсер «Аврора» – филиал Центрального Военно-Морского музея, является объектом культурного наследия.

Где были наши зауральские «авроровцы» в эти дни, неизвестно, но они прошли суровую школу флотской службы, стали свидетелями и участниками исторического события.

Источники и литература

1 Матвеева З. И. Благодарность «авроровцев» // *Путь к коммунизму*. 16 июня 1974 г.

2 МКУК «Далматовский краеведческий музей. Фонд Корепанова Х.П.

3 Попов Г. Матросы легендарного корабля // *Советское Зауралье*. 1974. 6 ноября.

Т.В. Козельчук, Е.В. Тершукова

ЖУРНАЛЫ КУРГАНСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА В КУРГАНЕ

Аннотация. *В данной статье на примере характеристики журналов Курганской городской думы поднимаются источниковедческие проблемы, возникающие при реконструкции событий 1917 года в Кургане. Авторы раскрывают информационный потенциал журналов как основной формы документирования работы органов местного самоуправления. Как исторический источник, эти документы достоверно отражают, прежде всего, реакцию представителей городского самоуправления на вызовы 1917 года, при этом ряд других сюжетов, например, повседневную жизнь курганцев, они отражают косвенно.*

Ключевые слова: 1917 год, Курганская городская дума, исторические источники.

Как известно, революции всегда происходят в столицах государств, именно там события развиваются стремительно и катастрофично. Окраины страны, маленькие провинциальные города, как правило, позднее и медленнее, но неизбежно вовлекаются в водоворот революционных преобразований. Тем более если это такой переломный момент, каким стал 1917 год в истории России, изменивший жизнь, без

преувеличения, каждого современника. Отсюда такой повышенный исследовательский интерес, стремление не просто детально реконструировать событийную канву, но и раскрыть сюжеты повседневной жизни, отследить переживания и реакцию разных людей на вызовы времени, понять их бытование в экзистенциальной ситуации.

Однако местная источниковая ситуация, образно выражаясь, охлаждает исследовательский пыл, не позволяя в полноценной мере раскрыть все желаемые сюжеты. Более конкретно её можно обрисовать следующим образом. Во-первых, отсутствие типового и видового разнообразия источников за 1917 год, так как архивы сохранили практически только письменные источники. На сегодняшний момент изобразительные источники (например, фотографии, кинохроники) либо отсутствуют в принципе, либо единичны. При этом сохранившиеся вещественные источники ещё не вовлечены в научный оборот, а собрать устные воспоминания уже не представляется возможным.

Во-вторых, недостаточность письменных источников. В распоряжении историков есть только делопроизводственные документы буквально нескольких архивных фондов (например, Союза Сибирских маслодельных артелей, Управляющего Временного Сибирского правительства по Кургану и Курганскому уезду, духовных консисторий, волостных/земских и некоторых других) и местные периодические издания («Известия Курганского совета рабочих и солдатских депутатов» начали выходить с 15 марта 1917 года, «Курганское свободное слово» – с 20 мая, «Крестьянский союз» с июля, «Земля и воля» – с 20 августа, «Новый мир» – с 6 сентября, с некоторыми перерывами продолжала издаваться «Народная газета»). Такие востребованные современной наукой источники, как эго-документы, являются редкостью, что подтверждает изучение состава фондов личного происхождения госархивов Курганской области. Возможно, таковые есть в личных архивах граждан, но это предполагает разработку и реализацию проектов по их выявлению.

В-третьих, это традиционный комплекс источниковедческих проблем, связанный с фрагментарностью и противоречивостью сообщаемых источниками сведений, с оценкой их достоверности, понимания специфики отражения действительности в зависимости от вида и характера источника. Эти проблемы можно продемонстрировать на примере журналов Курганской городской думы. В фонде Управляющего Временного Сибирского правительства по Кургану и Курганскому уез-

ду [1] отложились 17 журналов заседаний Курганской думы за 1917 год (а также 3 выписки журнальных постановлений думы, 5 журналов заседаний Курганской управы). Все эти документы – копии, заверенные представителем управы и секретарем, регулярно после каждого заседания отправлялись Курганскому уездному комиссару. Это подлинные документы.

К началу 1917 года Курганская городская дума накопила более чем сорокалетний опыт работы, касавшийся решения местных хозяйственных, культурных, социальных вопросов. Однако буквально в первые дни марта ей пришлось столкнуться с чередой политических и социально-экономических испытаний. Февральская революция стала отправной точкой, когда на органы местного самоуправления легла вся ответственность за стабильное существование города и общества.

Наименее информативны в плане отражения событий 1917 г. журналы заседаний Курганской управы [2]. Они касаются исключительно формирования избирательных списков для выборов органов городского самоуправления. Согласно этому источнику в июне управа ежедневно рассматривала жалобы избирателей о пропусках в списках, о неправильном написании фамилий, имен и отчеств избирателей и т.п. Никаких других сведений в сохранившихся журналах управы не имеется.

Самым ранним за рассматриваемый период документом является выписка журнального постановления Курганской думы от 25 апреля, благодаря которой мы узнаем, что органы местного самоуправления приступили к подготовке выборов гласных думы по новым правилам, изданным Временным Правительством 15 апреля 1917 г. Курган был разделен на три избирательных участка, на расходы по производству выборов были ассигнованы шесть тысяч рублей. Позже Курганская дума назначила проведение выборов на 2 июля 1917 г.

Благодаря журналу заседаний за 27 июня перед исследователем открывается обзор городской жизни: в нескольких обсуждаемых на тот момент вопросах переплелись проблемы, порождённые обстоятельствами войны, и текущие частные вопросы. Гласные удовлетворяли прошения частных лиц, различных учреждений и обществ: один хотел приобрести участок городской земли в собственность для устройства бани, другой не мог оплатить арендную плату за лавку и просил Думу отложить её взимание, городские трубочисты хотели повысить плату за свою работу, гимназистки ходатайствовали о выдаче пособия на учёбу. Одновременно обсуждались банковский займ «на военные расходы»,

отношение Курганского Совета рабочих и солдатских депутатов о введении таксы для извозчиков [3, л.64-65]. То есть город продолжал жить своей жизнью, обыватели устраивали свои дела.

Первое заседание Думы после выборов в новом составе, ход которого был зафиксирован в журнале, состоялось 13 июля. Будучи организационным по своим задачам (гласные выбрали городского голову и членов управы), заседание от 13 июля не касалось ни политических, ни социально-экономических проблем. Только косвенно, буквально намёком обозначается здесь исторический фон. Председатель собрания Михаил Константинович Сажин «...предложил почтить вставанием память павших борцов за свободу, благодаря которым избрана настоящая Городская дума...» [3, л.6]. Гласные успели только наметить повестку дня следующего собрания, обсудить положение «отдельных отраслей городского хозяйства и состояние финансов, ... сообщить о положении в настоящее время милиции» [3, л.7]. Так, в условиях политической нестабильности Дума не забывала о своём непосредственном назначении – решении «задач культурного благосостояния города» [3, л.6].

Подробнее проанализировать деятельность думы позволяет более полный корпус журналов, датируемых сентябрем – декабрем 1917 г. Оценка городской недвижимости, смета на ремонт школьных зданий, утверждение в должности нового ветеринарного врача, обеспечение поставок товаров первой необходимости, выделение средств на открытие сапожной мастерской и помещения для мусульманской школы – таков круг вопросов, решаемых думой. Таким образом, журналы как источники сообщают исследователю о различных сферах жизнедеятельности города. Пусть эти сведения косвенны и фрагментарны, но в условиях источникового «голода» их трудно переоценить.

Итак, судя по рассматриваемым текстам, городская дума преимущественно решала вполне повседневные текущие проблемы. Именно такая содержательная направленность определяет источниковедческое значение рассматриваемых документов. И все-таки политизация деятельности органов курганского городского самоуправления, как показывает содержание осенних журналов, была неизбежна. Политические события указанного периода не могли не повлиять на характер работы гласных думы, равно и на существенные содержательные моменты журналов заседаний. Гласным пришлось принимать без преувеличения судьбоносные решения. Осенью на повестке дня городских самоуправлений Сибири шла активная дискуссия о целесообразности отделения

Сибири от России. Журнал от 4 октября запечатлел целый спектр мнений курганских гласных по этому поводу. Так, Г.П. Шубский считал, что «идея автономии Сибири, как теоретически, так и практически не готова. Эта идея есть идея кучки автономистов. Масса народная не готова. Нужно только добиваться земского самоуправления». Гласный М.П. Князев, наоборот, высказался за широкую автономию Сибири [3, л.218]. Таким образом, узнавая персональный состав думы, мы узнаём и о взглядах думцев.

Уже на следующий день – 5 октября – на экстренном заседании думцам пришлось решать проблемы неких «неурядиц» [3, л. 220 об.], которые возникли в городе, как мы можем предположить, в начале октября. Сказать более точно, в чём заключались эти неурядицы, тексты журналов не позволяют. В этом проявляется их информационная неполнота. Зато становятся ясны причины нестабильной обстановки: это повышение твёрдых цен на муку как следствие распоряжения Временного правительства (которое, кстати, думцы осуждают), нехватка в городе предметов первой необходимости и, что особенно важно для характеристики общественных настроений, укоренившееся недоверие «населения ко всякой власти, как центральной, так и местной» [3, л. 220 об.]. В заявлении Г.П. Шубского упоминаются другие проблемы жизнедеятельности города: «отсутствия твёрдой власти и установления заработной платы» [3, л. 220 об.]. Другие журналы заседаний за октябрь также свидетельствуют о нарастании нестабильности в городе.

Особенно ценным является журнал чрезвычайного заседания думы от 28 октября 1917 г. Именно из него мы узнаём о реакции гласных на захват власти большевиками в Петрограде. Заседание «большинством голосов против одного постановило: выразить полное осуждение выступлению большевиков, посягнувших на суверенные права Учредительного собрания»; почти половина думцев требовала «немедленного восстановления власти Временного Правительства, незамедлительного созыва Учредительного собрания в назначенный срок и прекращения всяких дезорганизирующих выступлений» [4, л. 111].

В ноябре думцы наряду с очередными заседаниями собираются на чрезвычайные и так называемые соединенные (с членами Курганского уездного земского собрания [3. л.568], что, как известно, было новым для Сибири явлением). Но главное – в повестки заседаний буквально «вклиниваются» вопросы, выходящие за рамки традиционных полномочий городского самоуправления. Например, заседание от

28 ноября началось с внеочередного вопроса: гласные приветствовали Учредительное собрание и избрали своего делегата в Москву [5, л. 122].

Весьма показательно, что в ноябре гласные планируют участвовать в довольно крупном проекте «строительства водных путей в европейской и азиатской России, рассчитанном к осуществлению Управлением внутренних водных путей в течение 12 лет, и в связи с этим о судоходстве по реке Тоболу»; поддерживают инициативу Комиссии по народному образованию об открытии вечерних классов для взрослых, изъявивших желание обучаться грамоте [4, л.199]. Значит, ситуация в городе была такова, что позволяла думцам сохранять и осуществлять свою власть, строить планы на будущее.

Рассматриваемый комплекс документов позволяет проследить эволюцию взаимоотношений Курганской думы и Советов. Вплоть до ноября в журналах не встречается свидетельств, указывающих на их противостояние. Ситуация меняется 19 ноября, когда курганские Советы решают взять в свои руки власть и контроль над местным самоуправлением – городской, земской, продовольственными управами. Со своей стороны дума запрещает исполнительным органам подчиняться Совету рабочих и солдатских депутатов и призывает граждан «всеми мерами стоять на защите своих прав» [5, л.56]. Это не помогло. Через несколько дней Советы предпринимают очередной ход: 25 ноября они предлагают для поддержания революционного порядка в городе организовать Военно-Революционный Комитет с выгодным для себя распределением представительства. Оценивая такие комитеты, как фактически бесполезные («вносят только еще большее расстройство»), дума в ответ предлагает образовать объединенный Комитет общественной безопасности с согласительными функциями на паритетных началах [3, л.123-124]. Тем не менее, в большинстве случаев Курганская дума проявляла благоразумие и осторожность в политическом отношении, не спеша с радикальными методами решения острых проблем.

Декабрьские журналы подтверждают активность Курганской думы, на которой кроме традиционных направлений деятельности по урегулированию и стабилизации повседневной жизни города по-прежнему лежала необходимость оценки текущего политического момента. Однако второе оказалось сделать проще, чем первое: второе – декларативно, первое – требует конкретных действий. Так, признавая ужасающее положение детей в приютах, дума была вынуждена заявить, что «устранить в настоящее время все дефекты не представляется возможным»

[5, л.127]. При этом гласные заявили о присоединении к Союзу защиты Учредительного собрания. Какие при этом они предприняли действия и предпринимали ли вообще, из рассматриваемого источника узнать невозможно.

Постепенно выполнять свои должностные функции думе становится всё труднее, причиной тому была не политическая обстановка, а продовольственная ситуация в городе. Показателем социальной нестабильности, что собственно и отразили журналы, является «печальный инцидент» (как это охарактеризовали сами гласные), а именно нападение на одного из членов думы – Карпа Александровича Петунина. Как свидетельствует источник, 18 декабря «на почве объявления повышения цен на мясо... из толпы были нанесены побои члену Управы К.А. Петунину» [5, л.173].

Последний, сохранившийся журнал, датируется 2 января 1918 года. Дума продолжает работать, принимая меры к охране города, «... в виду роста преступлений», обсуждает мероприятия по предупреждению и прекращению заразных болезней, распространению среди жителей сведений по вопросам санитарии и гигиены», не забывает подумать об «открытии в городе смешанного реального училища» [5, л.206 об., 207, 208 об.]. Складывается впечатление, что в Кургане время остановилось: как будто не было октябрьского переворота, а местный Совет ещё в ноябре не объявлял себя единственной властью. Данный текст, тем самым, полноценно не отражает развития событий. Как известно по другим источникам, именно 2 января 1918 г. гарнизонный комитет 34 запасного Сибирского полка был распущен, офицеры разоружены, отряды красногвардейцев заняли почту, телеграф, продовольственную и городскую управы [6, с.119]. Деятельность Городской думы прекратилась.

Итак, как показывает анализ журналов, политические вопросы в количественном отношении уступали социально-культурным и хозяйственным проблемам местного значения. Открытие новых школ и учебных курсов, регулирование цен и тарифов, выделение денежных пособий и утверждение финансовых смет, помощь увечным воинам и беженцам, ремонт зданий и проведение санитарно-гигиенических мероприятий. На первом месте в деятельности Курганской думы 1917 г. – интересы города и его жителей.

В целом, оценивая источниковедческое значение журналов органов Курганского городского самоуправления для изучения истории города в 1917 г., следует отметить, что в них нашли отражение наи-

более насущные, важные для курганского общества вопросы, многие из которых напрямую были связаны с общероссийскими интересами, выходили за рамки традиционных функций местного самоуправления. Вместе с тем журналы не являются полным, самодостаточным источником. Изначально этот вид делопроизводственных документов не был «призван» фиксировать, например, социальный состав гласных думы, их профессиональную, партийную принадлежность и т. п. Поэтому интерпретировать некоторые действия думцев, объяснить постепенную потерю авторитета в местном обществе, понять уход гласных от принятия действенных мер в «говорильню» без привлечения других источников просто невозможно. На качестве реконструкции событий 1917 г. в Кургане сказывается также неполная сохранность журналов. В связи с этим ряд исторических сюжетов (например, оценка курганским самоуправлением известия о свержении самодержавия) может быть восстановлен по косвенным документальным свидетельствам.

В отличие от протоколов и стенографических отчетов журналы не фиксировали полных и дословных выступлений, высказываний, отдельных реплик гласных, но точно передавали основные существенные мысли, мнения членов Курганской думы, достоверно отражали реакцию курганского городского самоуправления на возникающие проблемы, которые поставил 1917 год.

Журналы Курганской городской думы – достаточно востребованный источник, уже введённый в научный оборот, как большинство материалов фонда Управляющего Временного Сибирского Правительства по Кургану и Курганскому уезду, поэтому на сегодняшний момент стоит задача привлечения к изучению событий 1917 года документов других архивных фондов, а также пополнения источниковой базы путём выявления документальных материалов в личных архивах курганцев.

Источники и литература

- 1 Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-852 - Управляющий Временного Сибирского Правительства по Кургану и Курганскому уезду. Оп.1. ДД. 2, 2а, 2б, 18, 19.
- 2 ГАКО. Ф. Р-852. Оп.1. Д.18.
- 3 ГАКО. Ф. Р-852. Оп. 1. Д. 2.
- 4 ГАКО. Ф. Р-852. Оп.1. Д. 2а.
- 5 ГАКО. Ф. Р-852. Оп.1. Д. 2б.
- 6 Курганские хроники (1662-2000) / сост. А. М. Васильева, Н. Ф. Скородумова, Е. В. Тершукова. Курган : Зауралье, 2002. 520 с.

ВОСПРИЯТИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ КОНЦА ФЕВРАЛЯ – ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА В КУРГАНЕ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Аннотация. *Революция 1917 года в России стала ярким явлением, которое впоследствии определило дальнейший вектор развития государства на многие годы вперед. Изменения, произошедшие во всех сферах жизни, не могли не отразиться на обществе в целом и на каждом человеке в частности. Поменялся привычный уклад жизни, соответственно, трансформации были в массовом сознании, восприятии событий, повседневной жизни и привычном укладе.*

Ключевые слова: революция, социальное проектирование, массовое сознание.

Социальные, экономические, политические, мировоззренческие изменения, происходившие в 1917 году, являют собой огромный пласт для изучения. Оценивая различные возможные подходы к исследованию общества в его историческом развитии, позволим себе рассуждать в контексте теории социального проектирования.

«Чаще всего в социологической литературе «социальное проектирование» определяется как вариант или этап принятия управленческих решений, связанный с выбором альтернатив или прогнозом развития социальных процессов и явлений, т. е. соотносится с управлением вообще и государственным управлением в частности» [6, с. 14]. Таким образом, социальное проектирование можно рассматривать как управленческий процесс, идущий сверху, который оказывает влияние на все слои общества.

Падение монархии стало важнейшим начальным событием в череде революционного накала. Его благосклонно восприняли на местном уровне различные группы населения. В поддержку свержения царя проводились митинги и демонстрации, печатные издания выходили с положительными отзывами по данному вопросу. Вот лишь один пример.

«В светлое, радостное и вместе с тем грозное и опасное время выходит первый номер нашей газеты.

После векового рабства, гнета и насилия – наконец-то вступила наша

многострадальная родина на путь свободы, путь свободного развития всех своих богатых и в значительной мере непечатых народных сил. Перспективы открываются заманчивые, светлые, широкие» [3, с. 1].

Газета «Новый мир», вышедшая в свет в конце лета, имела в своей основе лозунг «Отречемся от старого мира» [7, с. 1].

Еще одно печатное издание «Земля и воля» пишет: «28 февраля текущего года по всей России раздался мощный голос трудового народа, который докатился 5 марта и до нашего края призывая под свои красные знамена: «идемте, товарищи, к царству Свободы, она наша, и мы, крепко взяв друг друга за руки, не выпустим из рук наших, Красавицу Свободу, дружно около нее объединившись» [2, с. 1].

Три абсолютно разных издания, выпускающиеся на территории Кургана, встречают падение монархии, как минимум, с одобрением и поддержкой. Поэтому можем сказать о положительной реакции в целом. Соответственно, прекращение существования монархического строя ведет к необходимости принятия нового идеологического направления. Вот тут мы можем отметить важнейшую деталь, что предпосылкой создания советского общества (уже после Гражданской войны), как огромного социального проекта, стала именно необходимость в замене идеологической основы общества. Для этого требовалась постановка явных целей и задач.

Неопределенность в политической сфере, выражающаяся в неразделенности по властным полномочиям деятельности Городской думы Кургана, Советов и иных форм объединения, породила множество вопросов у населения, которое не всегда четко понимало степень ответственности политических элит. Данная проблема поднималась и на съездах Советов, и на собраниях Городской думы, но четкого ответа не следовало. С приходом к власти большевиков происходит единое оформление целей и задач, которые, несмотря на свою утопичность, явились консолидирующим фактором в среде революционеров. Подчеркнем, что только революционеров, так как далеко не все и не с радостью приняли их воззрения.

С другой стороны, именно социалисты-революционеры и социалисты-демократы проводят партийную работу на уровне города. Как уже говорилось, они являются организаторами митингов и собраний, выпускают различные газеты, тем самым формируя настроения и мысли в городской среде. Следовательно, рассматриваемый период можно считать временем проработки и постепенного внедрения новых полити-

ческих взглядов, которые станут заменой монархическому прошлому. Именно в это время актуальным становится принятие единой цели и конкретизация ее различными задачами. Примером этого может служить объединение Советов в единый орган – Совет рабочих и солдатских депутатов.

Оформление и становление программ, как второй пункт, необходимый для создания социального проекта, в Кургане по времени можно привязать к предвыборным кампаниям, которые были приурочены к июльским выборам гласных в Городскую думу и сентябрьским выборам земских гласных в Курганском уезде. Все печатные издания, которые так или иначе приветствовали определенную политическую идеологию, на своих страницах помещали программные документы, тем самым доводя их до конечного читателя и, как следствие, институализируя в сознании. Предвыборную агитацию, обещания и ознакомление населения со своим видением будущего страны в целом и города в частности можно принять как проработку задач будущего проекта.

Отметим, что в рассматриваемый временной период с февраля по октябрь в городе нет четко оформленной лидирующей группы в политическом плане. Все же следует понимать, что именно этот этап становится переходом от многообразия политических взглядов к последующему доминированию идей большевиков. Здесь важно понимать, что именно трансформация массового сознания и явилась важным аспектом в этом процессе. Остановимся на этом более подробно.

Процесс изменений в восприятии сложно рассматривать без освещения повседневности горожан, которая, на наш взгляд, является предопределяющим фактором исследовании массового сознания. Здесь мы сталкиваемся с проблемой, которая, с одной стороны, является фактором затрудняющим работу, с другой – предает выбранному для исследования периоду определенную особенность. Некоторые газеты, сохранившиеся в Государственном архиве Курганской области за 1917 год, датированы периодом ноября – декабря. Эго-документы, посвященные данному периоду, также отсутствуют. Поэтому исследование динамики изменений в массовом сознании и повседневной жизни было решено проводить именно на материалах сохранившихся газет.

Итак, один из первых аспектов, которые приходят вместе с началом революционных событий, – это издание различных газет. Выпуск общественно-политической прессы, которая ярко, иногда даже тенденциозно выражала свое мнение, показал, что в ней есть потребность у думающе-

го населения, которому не безразлична судьба страны и происходящие в ней изменения. Сама структура изданий была похожа. Из номера в номер, независимо от политической окраски, в издании были рубрики, которые содержали следующую информацию: хроника событий, произошедших в Кургане и его окрестностях; известия от Временного правительства, приходящие в редакцию по средствам работающего телеграфа и иной корреспонденции; в каждом номере содержалась информация о происходящих событиях на фронтах Первой мировой войны, стоит отметить, что она была четко структурирована по направлениям (допустим Восточный фронт, Турция и т.д.); фактически в каждом номере любой из рассмотренных нами газет были представлены сообщения от Продовольственного комитета, деятельность которого была направлена на обеспечение горожан продуктами питания. Помимо этого в периодической печати содержалось огромное количество объявлений, афиш, заметок, корреспонденции. Это именно те исторические источники, которые несли в себе именно субъективную информацию. Отметим, что есть в прессе и различия, например газета «Курганское свободное слово» не раз печатала на своих страницах различные фельетоны, стихи и т.д. «Земля и воля», «Известия Курганского совета рабочих и военных депутатов», а также «Новый мир» чаще всего публиковали статьи, которые несли в себе программную информацию и пропагандировали на борьбу за свои права. Также на страницах этих изданий можно увидеть информацию о кассовых отчетах.

Среди всех исследованных изданий выделяется «Народная газета», которая полностью оправдывала свое название и являлась наименее политизированной. На ее страницах можно найти сведения о результатах различных собраний (маслодельных артелей, бюро союзов, столовых и так далее), ценовой политике, советы для крестьян. На наш взгляд, подобная тенденция существовала потому, что последний номер, который доступен для ознакомления в архиве, датирован 4 марта 1917 годом. О дальнейшей судьбе газеты неизвестно ничего, на нее не было ссылок в иных изданиях, сведения о закрытии или продолжении печати также отсутствуют.

Рассматривая хронику происходивших событий, мы фактически не обращали внимание на культурную жизнь города. Между тем в Кургане продолжались показы киносеансов, работал городской цирк, проходили представления. С гастрольями приезжали разнообразные артисты. На курганском ипподроме проводили бега, это мероприятие было ежене-

дельным и проходило по субботам. Подводились итоги посевных работ, началась постепенная подготовка к уборке урожая и к зиме. В прессе все более часто обсуждался резкий рост твердых цен на дрова и проблемы с их заготовкой и вывозом с мест вырубki в город. Жители Кургана так же, как и остальной страны, продолжали активный сбор вещей для солдат, воюющих на фронтах Первой мировой войны. Собирали и отправляли теплые вязаные носки и варежки, сладости, открытки и письма от детей. Помимо этого солдаты, возвращавшиеся домой вследствие комиссования по ранению, не оставались без поддержки. Был организован Союз раненых и увечных воинов, который помогал решать простые бытовые проблемы, а также являлся существенным помощником при устройстве на работу.

Немаловажно рассмотреть и некоторые аспекты девиантного поведения населения в контексте меняющихся основ. Приведем некоторые примеры, показывающие негативную сторону девиантного поведения курганцев.

«Накурились. За курение табаку на улице, вопреки постановлению [...] комитета привлечены к уголовной ответственности по 29 статье граждане Е.К. Бабушкин, К.Т. Кобелев [...] П. Мухорин» [3, с. 4]. Подобная заметка не встречалась более нигде. Исходя из полученной информации, а также отсутствия подобных сведений в дальнейшем можно сказать, что курение табака в общественных было не характерным занятием для горожан. Более того, оно вело к суровому наказанию. Сложно говорить, что подобный запрет был обусловлен заботой о здоровье населения. Скорее это было вызвано страхом пожаров ввиду наличия деревянных построек. Также помещение этой заметки в газете, даже на последней странице, говорило о том, что подобное поведение было общественно осуждаемым.

Интересно рассмотреть Обязательное постановление Курганского исполнительного комитета «По городу Кургану и Курганскому уезду о мерах борьбы с приготовление и торговлей опьяняющими напитками.

1) Воспрещается приготовление опьяняющих напитков (как для себя, так и для продажи), а также частная торговля денатурированным спиртом.

2) Виновные в этом могут привлечься до 6 мес. тюрьмы и до 300 руб. штрафа.

3) Такое же наказание для пособников и укрывателей.

Председатель комитета И. Михайлов» [1, л. 75].

Данное распоряжение вкуче с решением Курганского медицинского общества о продаже коньяка и виноградных вин по рецепту и только из аптеки, а также тот факт, что во всех исследованных газетах нет информации о продаже алкогольной и спиртосодержащей продукции, приводит к тому, что данная возможность была только у государственной власти. Причем, судя по санкциям, грозящим за нарушение подобного запрета, каралась подобная деятельность достаточно строго. Несмотря на это, в периодике нет ни одного упоминания о поимке или наказании такого самогонщика. Притом заявлять о том, что горожане не употребляли спиртного, на наш взгляд, абсурдно, тем более, что то же «Свободное слово» приводит заметки о правонарушениях, совершенных в состоянии алкогольного опьянения.

«Быстрая езда. 15 октября в 5 часов вечера по Троицкой улице быстро мчалась пара лошадей, запряженных в коробок, в экипаже сидели два гражданина в веселом настроении. При повороте в Бакиновский переулок ими был сшиблен с ног, проходивший через дорогу мальчик, Виссарион Кузьминов, 8 лет, к счастью отделавшийся легкими ушибами. Веселых пассажиров задержать не удалось» [5, с. 4]. Этот случай также общественно порицаем и, соответственно, является показателем девиантного поведения.

Остановимся еще на одной важной детали, а именно на восприятии времени. В данной заметке присутствует фраза: «в 5 часов вечера» [5, с. 4], что для нас, современных горожан, считается весьма интересным, так как мы привыкли, что наступление вечера происходит только после 18.00. Вообще, когда речь заходит о времени, в объявлениях чаще встречаются примерно такие фразы: с 11 часов утра, в 3 часа дня, в 7 вечера. Это показывает следующие особенности: числа, используемые для указания времени были только в 12-часовом формате, т.е. восприятие суточного времени как 24 часа не было характерным для населения. Изменилось это уже позже. Весь 1917 год этой трансформации именно в контексте города Кургана не происходит.

Ухудшение финансового положения горожан вело к увеличению числа краж, причем абсолютно разных. Мы неоднократно видим объявления о конокрадстве, похищении личного имущества, причем это могли быть предметы кухонной утвари, одежда, продукты и многое другое. Создается впечатление, что подобные кражи и грабежи происходили от отчаяния, так как преступники брали то, что было необходимым.

Нередки были случаи всевозможных экономических махинаций, ко-

торые проводились также с целью обогащения. Учащается количество случаев подкидывания детей к домам состоятельных жителей города. Соответственно можно понять, что женщина, родившая ребенка, просто не в состоянии его прокормить по различным причинам и поэтому избавляется от него такими методами. При этом мы не фиксируем случаев убийства младенцев, которые освещались бы в прессе, но количество преступлений против жизни и здоровья людей растет из номера в номер.

Как уже говорилось, работая с газетными объявлениями, мы фиксируем кратное возрастание заметок об утере продовольственных карточек. Это можно объяснить следующими факторами:

1) продовольственные карточки действительно становятся целью грабителей, т. к. ситуация с продуктами первой необходимости, а точнее с ростом цен на них, становится тяжелым ударом для городского населения;

2) происходит изменение в процедуре поиска продовольственных карточек стражами порядка.

Еще один момент, который показывает отношение населения к происходящим событиям, – это восприятие горожанами военнопленных, размещенных на территории Кургана.

«От Курганского уездного воинского начальника.

За последнее время участились случаи задержания в городе и уезде военнопленных, находящихся на полевых работах и в частных предприятиях, катающихся по городу и уезду без всякого призора и наблюдения даже ночью. Напоминаю всем работодателям, что на основании приказа по Омской местной бригаде от 8 января 1916 года, за № 5, незнанием которого ни один работодатель оговариваться не может, надзор за военнопленными и соблюдение инструкции по содержанию их лежит всецело на работодателях, причем в случае несоблюдения означенных правил Воинскому начальнику предоставлено право снимать военнопленных с работ.

Предупреждаю всех работодателей, что в случае повторения нарушений военнопленными правил означенной инструкции, все военнопленные, находящиеся в работах на предприятии или на полевых работах, у лиц допустивших таковые нарушения, будут немедленно сняты с работ.

Вр. и. д. Курганского уездного Воинского начальника капитан Федоровский» [4, с. 1].

Данное объявление для работодателей, которое имеет форму предупреждения, раскрывает нам следующие моменты жизни общества: во-первых, отметим, что даже в городе Кургане находилось немало военнопленных с фронтов Первой мировой войны. Во-вторых, население города, а особенно сельские труженики неоднократно просили предоставить им для работы в поле отряд военнопленных. Чаще всего подобные просьбы писали женщины, мужья которых либо воевали, либо погибли. В-третьих, мы не фиксируем особой враждебности населения к военнопленным. Не было замечено ни одного упоминания драк или иных преступлений. На наш взгляд, такое поведение исходило не столько из-за гуманности и миролюбивости горожан, сколько из-за экономической выгоды.

Подводя итоги, можно сказать, что жизнь города в сложное и тяжелое время революционных изменений также была подвергнута трансформации, и не всегда в положительном ключе.

Системный кризис, породивший начальный этап революционных событий, не закончился в связи с падением монархии, а даже наоборот, привел к еще более тяжелым последствиям. В этом ключе деятельность социалистических партий становится прологом к последующему формированию советского общества посредством социального проектирования, которое было необходимым, так как могло охватить большинство сфер жизни города.

События конца февраля – октября показывают, что дестратификация общества, осознание и принятие новых идей происходит медленно ввиду аморфности и некоторой неповоротливости массового сознания, традиционность которого была гораздо более сильным явлением, чем тяга к нововведениям. Большинство горожан волновали насущные вопросы, такие как цены на продовольствие и товары первой необходимости, поиск жилья и работы, продовольственные карточки и пайки. Именно поэтому изменения, происходящие в городе, рассматривались в основном с точки зрения улучшения или ухудшения положения населения.

Отсутствие сильной власти также вызывало недовольство горожан, стало причиной того, что население было вынуждено самоорганизовываться и рассчитывать только на свои силы. Это приводит и к захвату посевных площадей, и к росту числа профсоюзных организаций, и к увеличению митингов, так как все это формы активности масс населения, которые просто нуждались в улучшении своей повседневной жизни.

Уходя от изучения классово́й борьбы, мы обратились к обществу как к массе, носителю сознания, обладающего своими законами и традициями. Это показало, что трансформации во власти, дестратификационные процессы, недостаточный уровень грамотности являются теми факторами, которые тормозят резкие изменения, коих требует революция. С другой стороны, именно они позволяют управлять массами, воздействуя на них на эмоционально-психологическом уровне, не затрагивая при этом рациональные аспекты.

Источники и литература:

1 Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. р. 852. Оп. 1. Д. 2.

2 Земля и воля. 1917. № 1.

3 Курганское свободное слово. 1917. № 1.

4 Курганское свободное слово. 1917. № 52.

5 Курганское свободное слово. 1917. № 120.

6 Мазур Л. Н. Раннесоветское общество как социальный проект: методологические подходы к изучению истории России в 1917-1936 годах // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С.7-28.

7 Новый мир. 1917. № 7.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА (1918-1922 гг.)

Е.А. Ничков, Л.Р. Сайранова

ЗАХВАТ КУРГАНА ЧЕХОСЛОВАЦКИМ ЛЕГИОНОМ 1 ИЮНЯ 1918 ГОДА

Аннотация. *В статье рассматривается ход событий, непосредственно предшествовавший захвату Кургана чехословацкими легионерами, и серия боестолкновений в ходе самого захвата города. Приводится анализ численности личного и командного состава легионеров, их вооружения. Показана решающая роль Чехословацкого корпуса в захвате Кургана.*

Ключевые слова: Курган, Чехословацкий корпус, иностранные военнопленные, Гражданская война, Зауралье.

История плена на территории Зауралья в частности и России в целом неразрывно связана с ходом Гражданской войны. Военнопленные не только принимали активное участие в боевых действиях, но и нередко были главными действующими лицами на ее различных этапах. В Южном Зауралье они сыграли особенно значимую роль. Именно с выступления Чехословацкого корпуса на этой территории в регионе развернулись полномасштабные боевые действия.

В Кургане 26 мая 1918 года на вокзале были задержаны 5-й и 6-й полки чехословацкого легиона «вследствие недоразумений между советской властью и стоящими здесь чехословацкими эшелонами» [7] (всего – 6 эшелонов [2, оп.1, д.69, л.142], более 2700 солдат и офицеров [9, с.61]). Причиной этому был приказ Центрального Комитета партии об остановке продвижения чехословацких соединений во Владивосток и их разоружение. Курганские большевики понимали, что силой отнять оружие у солдат не получится. Они приняли следующую тактику: пытались параллельно вести переговоры и агитацию среди населения с целью силой оружия противостоять продвижению легионеров. Для их остановки они разобрали участок железнодорожного пути на мосту через реку Тобол, тем самым прекратив любое движение эшелонов.

Для пополнения своих рядов Курганский исполком советов обратился с воззванием к крестьянам и казакам встать под ружье из-за угрозы мятежа в Кургане. В нем, в частности, указывалось, что «им (Чехословацкому легиону – прим. автора) предъявлено ультимативное

требование отправки вглубь в Сибирь на основании распоряжения СНК сделать не можем» [2, оп.1, д.69, л.142]. Единственным откликнувшимся на призыв был Андрей Пичугин, глава Моревской волости, являвшийся братом Дмитрия Пичугина. Он привел на помощь отряд крестьян. Вот как он описывал в своих воспоминаниях вооруженные силы большевиков в городе: «В Кургане нас встретил товарищ Зайцев, председатель Совдепа, Пичугин, председатель крестьянской секции. Дали распоряжение выдать членам дружины винтовки и берданы. Патроны дали по 10 штук на одну винтовку и по 5 штук на бердану и поставили нас на охрану железнодорожного моста через реку Тобол. А в самом Кургане гарнизон Красной гвардии был незначителен: одна рота солдат, отряд матросов – два десятка человек и конный отряд около 30 человек – вот и все вооруженные силы, которыми располагал Курганский совдеп, а посланное воззвание о призыве в ряды Красной гвардии для защиты молодой Советской власти на местах не нашло поддержки» [4].

29 мая 1918 года состоялось экстренное заседание Курганского исполкома. На нем обсуждался вопрос об дальнейших действиях властей по урегулированию конфликта с чехословаками. К моменту заседания станция уже была захвачена ими, охрана без боя сдала оружие. Было принято решение «ликвидировать конфликт путем агитации, по возможности без кровопролития» [1, оп.1, д.22, л.4]. При этом чехословаки также не бездействовали, они вели активную агитацию в поддержку своих идей среди местного населения, более того, их стали поддерживать эсеры, используя данный конфликт, чтобы вернуть себе власть. За день до захвата города представители чехословаков и советской власти в последний раз попытались договориться на совместном собрании. Легионеры до последнего момента пытались переубедить местный исполком не препятствовать их продвижению. Главная их цель – добраться до Владивостока и продолжить войну против Австро-Венгрии и Германии. «Все упреки распространившиеся среди населения по отношению к чехословацким войскам, что они являются единомышленниками Семенова и Корнилова, это ложь», – открыто заявлял представитель корпуса [1, оп.1, д.22, л.150]. Риторика советской стороны выражала полное непонимание целей чехословаков, это особенно заметно в упреке Князева, «зачем вам ехать куда то за синее море» [1, оп.1, д.22, л.151]. Вместо этого они приводили теоретические рассуждения о мировой революции и трудовом «братстве» всех трудящихся. Как итог, из попытки примирения собрание обернулось взаимными об-

винениями, словаки и чехи обвиняли русских в подписании Брестского договора и попытки примирения с империалистами, советская сторона в захвате Челябинска и революционной «несознательности».

На следующий день Курган был захвачен полностью. «В связи с требованиями, предъявляемыми советской властью к чехословакам о разоружении, 1 июня в г. Кургане с полудня наступило тревожное настроение. По требованию советской власти занятия и торговля с 2 часов дня всюду прекратились. Конные объезды предупреждали о закрытии окон ставнями и т. п. Во втором часу ночи началась ружейная и пулеметная стрельба. Оказалось, что стоявшие на железной дороге чехословаки перешли в наступление» [8]. Отряды красных оказались рассредоточены по городу, чехи заняли Красную площадь (Троицкая) и деревню Курганку (Галкино – северо-запад города). К 3 часам уже выяснилось, что красные перешли за Тобол к мельнице Бакинова и заняли учебные окопы. Красноармеец А. Попов вспоминал спустя годы, что один из интернационалистов-венгров отстреливался от нападавших, уже будучи раненым, пока не был зарублен чехами [3]. «Около 5 часов они подняли белый флаг и сдались в количестве около 150 человек. Наибольшее число красногвардейцев – по слухам, около 400 человек, с некоторыми руководителями бежали на ближайшие заимки и в деревни. К вечеру отправилась сформированная из чехов и добровольцев погоня...» [8].

В ходе боя со стороны чехословаков погиб лишь один легионер Франтишек Сайдл. Потери сторонников советской власти в том бою также сравнительно невелики. Согласно метрической книге Богородице-Рождественского собора 2 июня были убиты мещанин города Варшавы (он же председатель Курганского ревтрибунала) Игнатий Ястржембский, крестьяне Андрей Коневега и Федор Никифоров Коновалов, Александр Коробейников, Степан Банников, Степан Кунасюк, Григорий Белобородов. Все они были похоронены на городском соборном кладбище. И лишь «гражданин Петр Борисов» был погребен на месте своей гибели. В Троицкой церкви отпеты убитые в тот же день крестьянин Сычевской волости Курганского уезда Лука Иванов и умерший от огнестрельной раны прапорщик 34-го Сибирского запасного стрелкового полка Александр Ефанков. Обоих похоронили на Троицком приходском кладбище [4].

Участие в этих событиях принимали далеко не все чехословаки по простой причине недостатка в вооружении. По этому поводу чехословацким комендантом города Вацловом Сухий было сделано особое

объявление: «Военное имущество, отбитое у большевиков, сдано городской военной коллегии – за исключением только такого количества винтовок, револьверов, патронов, бомб и прочего, которое чешско-словацким частям крайне необходимо. За чешско-словацкими войсками из военной добычи также оставлено под расписку 8 лошадей, – остальные возвращены в военные заведения и частным лицам» [5].

Примером отсутствия конфликта между чехословаками и подавляющей массой местного населения в июне 1918 может служить статья, посвященная пятому уездному крестьянскому съезду, на котором выступил представитель корпуса Кудель: «Как сын крестьянина я хочу заявить, что политика советской власти не имела успеха потому, что она разъединила город и деревню... И мы, как участники этого переворота, хотя, несомненно, немного позже он случился бы и без нас, приветствуем ваши великие начинания к возрождению вашей родины!<...> Да здравствуют чехи! Спасибо, братья!» [5].

После захвата города из числа русских добровольцев и чехословаков был создан отряд общей численностью 100 человек для патрулирования улиц. Возглавил его подпоручик Франтишек Грабчик, чех по национальности. «Только что возвратился в Курган один из участников отряда, посылавшегося для преследования большого отряда Пичугина, сообщил нам следующее: 17 июня в понедельник добровольческий отряд совместно с чехословаками в составе около 130 пеших и 15 конных выехал по направлению к селу Белозерскому, куда прибыл утром 18 июня» [6]. Не обнаружив здесь большевиков, кроме нескольких членов местного сельсовета, один из которых при перестрелке был убит, отряд двинулся к Белогорскому монастырю, где, как ожидалось, должны появиться «красные». Однако советские разъезды, узнав о том, что к монастырю идет крупный отряд, ушли на северо-запад уезда [10].

«Оттуда (отряд Грабчика – прим. автора) двинулся к с. Усть-Суерскому (Пуховскому). Проехав верст 20, отряд, вследствие полученных данных о близости большевиков, выслал в обход им конную часть с пулеметом, а затем, немного продвинувшись на подводах, оставил их и, имея впереди дозоры, двинулся дальше. Пройдя до д. Памятной, отряд застал в ней нескольких красноармейцев, карауливших у казенного амбара сложенное в подводу оружие – винтовки. Дозорные отряда закричали красноармейцам: «Руки вверх, бросай оружие!» Красноармейцы как раз в это время заряжали винтовки, и, услышав окрик, не бросив оружие, кинулись бежать, отстреливаясь. Цепь следовала за ними.

Несколько человек из большевиков было убито и ранено. Подоспевший добровольческий конный отряд пересек им путь к отступлению, и, убив нескольких человек, остальных взял в плен. Цепь стрелков тоже взяла здесь нескольких пленных» [6]. Среди убитых был венгр. Он, будучи уже окружен, в одиночку сумел ранить троих, после чего его, израненного, добили на месте боя [10]. «Дальше все двинулись на с. Усть-Суерское, где местные крестьяне сообщили, что красноармейцы с оружием двинулись влево. Чехословакии заняли переправу, а по указанному крестьянами направлению немедленно был направлен конный разъезд при поддержке пехоты; и действительно вскоре в окрестностях с. Усть-Суерского были обнаружены красноармейцы и два воза винтовок. И те, и другие взяты в плен. Один пьяный красноармеец сообщил, что сам Пичугин побежал к Тоболу. Немедленно же была выслана за Пичугиным погоня, которого штаб-ротмистр Гусев настиг уже у реки: Пичугин снял сапоги и уже вошел в воду, очевидно, с целью переправиться. Не успев осуществить свое намерение, он был задержан штаб-ротмистром Гусевым. Между тем рассеявшимися по деревне чехословаками было доставлено 25 винтовок и инструктор пичугинского отряда. Отряд, забрав отнятое оружие и имея 21 пленного, из с. Усть-Суерского направился в обратный путь» [6].

Пичугина расстреляли на обратном пути в город, добычей отряда стало 150 винтовок. Пленных рядовых отпустили. После этих событий отряд в составе частей полковника Панкова перешел в наступление против большевиков, остававшихся в Шадринске.

Для пополнения своих рядов чехословаки фактически мобилизовали своих пленных соотечественников. Так, для этой цели 21 июня 1918 г. заведующий военнопленными Чешско-Словацкой революционной армии Зенонецкий разослал по волостным управлениям требование снятия с работ всех чехов и словаков или скрывавшихся в уезде и отправки их в канцелярию управления. Отправке в Курган подлежали и венгры, там они размещались в концентрационном лагере под охраной чехов, чтобы не допустить их побеги и переход на сторону красных [1, оп. 1, д. 20, л. 4]. Комендантом лагеря стал чех Ф. Р. Плицка. Власть в городе и уезде окончательно перешла в руки антибольшевистских сил при поддержке чехословацкого командования.

Источники и литература

1 ГАКО. Ф. Р-168. Глядянская земская управа.

- 2 ГАОПДКО. Ф. 6916. Глебов С. С.
3 Красный Курган. 1923. 23 февраля.
4 Кузьмин А. Д. Чехословацкий легион, 1918. URL: <http://www.kurgangen.ru/local-finding/grajdanskaya/cheh18/> (дата обращения 25.04.2017).
5 Курганская свободная мысль. 1918. 20 июня.
6 Курганская свободная мысль. 1918. 21 июня.
7 Народная газета. 1918. 27 мая.
8 Новая газета. 1918. 6 июня.
9 Очерки истории Курганской областной организации КПСС. Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 1977. 408 с.
10 Филимонов Б. Б. На путях к Уралу. Поход степных полков. Лето 1918 года. Шанхай, 1934. 156 с. URL: <http://www.dk1868.ru/history/filimonov.htm#z60>.

Н.Ю. Бринюк

ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЙ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ВЛАДИМИРА ОСКАРОВИЧА КАППЕЛЯ НА УРАЛЕ В 1918 ГОДУ

Аннотация. В статье рассматривается военная деятельность формирований под командованием полковника, с 17 ноября 1918 г. – генерал-майора Владимира Оскаровича Каппеля. Образованные в составе Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч), эти части позднее перешли в ведение Уфимской Директории, затем – правительства адмирала А.В. Колчака. Осенью 1918 г. формирования В.О. Каппеля осуществляли оборону против Красной армии на Урале. Их стойкость и боеспособность сыграла важную роль в вооруженной борьбе антисоветских правительств Востока России против большевиков.

Ключевые слова: Гражданская война, Урал, В.О. Каппель, антисоветские войска, тяжелые бои.

Осенью 1918 г. войска Поволжского фронта Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч) были оттеснены от Волги Красной армией и оборонялись в предгорьях Урала на Уфимском направлении. На северном участке фронта, прикрывая направление Симбирск – Бугульма – Уфа, сражались самарские и симбирские формирования полковника Владимира Оскаровича

Каппеля (1883-1920) (рисунок 1), к которым присоединились части казанского района. Южный участок (Бугуруслан, Белебей) обороняли чехословацкие легионеры и небольшие русские формирования. Все эти войска организационно объединялись в Самарскую группу со штабом в Уфе.

Мобилизованные войска Комуча к осени 1918 г. рассеялись, многие солдаты-крестьяне возвратились по домам, и вся тяжесть борьбы лежала на добровольческих формированиях. В свою очередь, среди добровольческих групп особой стойкостью отличались войска, возглавляемые полковником Каппелем. «Единственный отряд, крепко державшийся и отступавший шаг за шагом с боем, был отряд доблестного полковника Каппеля», – признавали сами белогвардейцы [18, с. 233].

Против белых оперировали войска 1-й (Бугурусланское направление) и 5-й (Бугульминское направление) Красных армий. 5-я армия действовала в двух колоннах: правая, или правобережная (действовавшая ранее на правом берегу Волги), преобразованная в начале ноября в 27-ю стрелковую, и левая (левобережная), переформированная в 26-ю стрелковую дивизию.

Правая колонна 5-й армии значительно отставала в своём продвижении от левой, действовавшей против отрядов Народной армии, отступавших от Чистополя и Елабуги. «Бездействие означенной группы вредно



Рисунок 1 – Владимир Оскарович Каппель (1883–1920). 1919 г. РГВА

но отражается на успехе 1 армии, войска левого фланга которой всё ещё связаны пассивностью Правой группы 5 армии», – отмечал главнокомандующий И.И. Вацетис [6, с. 450]. Это отставание, на которое не раз указывало красное командование, упрекая правую группу в пассивности, было обусловлено эффективной организацией обороны полковником Каппелем. В то время как войска 1-й Красной армии порой не встречали даже слабого сопротивления, их соседу приходилось иметь дело с серьёзным противником.

13 октября красные совершили

прорыв линии обороны в промежутке между населёнными пунктами Старой и Солдатской Письмянкой к северу от г. Бугульмы [14, л. 15]. Это вынудило полковника А.П. Перхурова, который временно замещал уехавшего в командировку В.О. Каппеля, сначала стянуть войска к Бугульме, а затем оставить её и, прикрываясь арьберггардами, отойти на восток.

«Бугульма противником оставлена, он укрепился в 40 верстах восточнее города на естественных позициях на реке Ик. Здесь на реке Ик закипели упорные, продолжительные бои: противник решил прекратить дальнейшее наше наступление», – рассказывает летопись 26-й советской дивизии [8, с. 15].

В течение октября в армии белых велись переформирования. Войска, действовавшие севернее линии, ограниченной городами Николаевск, Бузулук, Стерлитамак, Верхнеуральск, Кустанай, Павлодар (Западный фронт), были подчинены генералу Я. Сырову и разделены на три группы: Екатеринбургскую (генерала Р. Гайды), Камскую (генерала С.Н. Люпова) и Самарскую (генерала С.Н. Войцеховского) [14, л. 201]. В Самарскую армейскую группу был преобразован прежний Поволжский фронт Комуца. 12 октября В.О. Каппель стал командующим Симбирской (Волжской) группой в составе Самарской группы. «Вверенной мне группе приказано обеспечивать направление на Чишмы и, имея в виду возможную угрозу противника от Бугульмы на участок железной дороги Чишмы – Бугуруслан, не позволять противнику свободное маневрирование в названном направлении», – объявлял он войскам группы [14, л. 201 об.].

«На Бугульминском направлении весь октябрь месяц прошёл в арьберггардных боях, – отмечал эмигрантский военный историк Н.Н. Головин. – Вся 5-я Красная армия и части 1-й Красной армии [в частности 20-я Пензенская дивизия. – Н.Б.] напирала на войска Каппеля. Это не мешало последнему пользоваться каждой возможностью для нанесения коротких контрударов.

На Бугурусланском операционном направлении давление большевиков было слабее, чем на Бугульминском. Здесь наступала только часть 1-й Красной армии» [4, с. 117-118].

В начале ноября 1918 г. в 5-й Красной армии насчитывалось 19391 чел. (11183 бойцов) при 70 орудиях и 427 пулемётах. 1-я Красная армия (часть которой действовала на Бугульминском направлении) также определялась советскими исследователями в количе-

стве около 12 тыс. штыков и сабель при 70 орудиях [15, с. 59]. В отличие от войск противника, оперировавшего на Уфимском направлении, численность формирований Каппеля не превышала 4,5-5 тыс. бойцов (Самарская группа насчитывала до 8 тыс. штыков, 600 сабель и 32 орудия) [1, с. 191]. Красные имели, как минимум, 2-кратное превосходство над противником, вероятнее же, 3-кратное. Численный перевес над врагом признавался и командованием Восточным фронтом красных. «Данные разведки указывают, что на уфимском направлении силы противника значительно слабее нас», – утверждали члены РВС фронта С.С. Каменев и И.Т. Смилга [6, с. 717].

«Отступавший перед фронтом 5-й армии противник переходил в яростные контратаки, старался зацепиться на выгодных рубежах», – констатировал советский историк [16, с. 36]. Отойдя за р. Ик, войска Симбирской группы заняли линию обороны [14, л. 131], которая удерживалась ими не менее двух недель. Впоследствии войска медленно отходили с боями, опираясь на следующую естественную преграду на пути красных – реку Усень. Широкое маневрирование и короткие удары приводили к переменным успехам противников. Однако, несмотря на частные успехи, в целом положение на участке фронта, обороняемом войсками Каппеля, вызывало у командования беспокойство.

В начале ноября войска полковника В.О. Каппеля находились в тяжёлом положении. Советские войска обошли их левый фланг, и обстановка сложилась угрожающая: дальнейшее продвижение красных могло прервать единственный путь отхода на Уфу. «Как бы то ни было, а всё вместе взятое создавало трагическое положение и опасность, что [станция] Чишмы (узел Волго-Бугульминской и Самаро-Златоустовской ж[елезно-]д[орожных] линий) будет красными занята ранее Каппеля, не была исключена», – вспоминал начальник штаба Самарской группы С.А. Щепихин [5, л.27]. Пользуясь относительным затишьем на белебеевском направлении, командующий Самарской группой генерал С.Н. Войцеховский решил поддержать В.О. Каппеля.

По договоренности между Войцеховским и Каппелем операция проводилась силами обеих действовавших на уфимском направлении групп. Чехословацкие войска, имевшиеся в распоряжении Войцеховского, должны были ударить в правый фланг и тыл красных с юга, через Верхне-Троицкий завод. Каппелю одновременно с активной обороной на линии железной дороги ставилась задача, собрав возможно сильный ударный отряд, обойти красных с севера и действовать против их левого фланга.

Операция длилась около пяти дней и принесла значительный успех, обусловленный её внезапностью. «Колонна красных, сильно потрепанная, откатилась без задержки на Бугульму», – вспоминал С.А. Щепихин [5, л. 29 об.]. Поражение советских войск было тяжёлым. Сокрушительному разгрому подверглась 2-я бригада 4-й Петроградской пехотной дивизии 5-й армии. Командующий 5-й Красной армией Ж.К. Блюмберг сообщал командующему Восточным фронтом С.С. Каменеву, что численность 27-й дивизии сократилась до 500 штыков, «убыль командного состава громадна...» [2, с. 40-41].

«Поражение, нанесённое большевикам в только что указанной операции, позволило Самарской группе остановить свой отход», – отмечал военный историк Н.Н. Головин [4, с. с. 120]. Белые также понесли урон в личном составе, что повлекло дальнейшие переформирования. «Понесшая изрядные потери и сильно сократившаяся по численности 17 ноября 1918 г. Симбирская группа была переформирована в Сводный корпус под командованием Каппеля в составе особой Самарской, Казанской и Симбирской отдельных стрелковых бригад...», – отмечает исследователь А.А. Каревский [7, с. 678].

Кроме того, в последние дни ноября фронт покинула 1-я Чехословацкая дивизия. На защиту Белебея остались лишь слабые части недавно сформированного Русско-чешского полка и батальона Учредительного собрания. Белебеевское направление было обнажено, чем воспользовалась 1-я Красная армия, которая 28 ноября заняла город [3, с. 63]. Возникла серьёзная угроза левому флангу Сводного корпуса Каппеля. Одновременно с 1-й армией (30 ноября) 232 и 233-й полки 26-й дивизии 5-й Красной армии повели наступление на Бугульминском направлении. В тылу каппелевцев красные произвели диверсию с целью прервать транспортное сообщение Сводного корпуса с тылом [13, л. 24].

В такой обстановке Каппель смог осуществить стремительную операцию против обеих армий большевиков. Впрочем, первоначально им преследовалась лишь ограниченная цель овладения г. Белебей и рубежом реки Ря, что должно было повлечь за собой разгром 1-й Красной армии. При выполнении плана, разработанного штабом Каппеля в конце ноября, требовалась максимальная скорость, чтобы опередить советские войска, изготовившиеся к броску с Бугульминского плацдарма.

Операция началась 2 декабря. Часть войск (Казанская бригада) оставалась на Бугульминском направлении, а В.О. Каппель с отрядом в составе 1-го Польского полка, Самарской и Симбирской бригад, неболь-

ших кавалерийских частей стремительно продвинулся в район Белебея. Утром 3 декабря в тяжелых погодных условиях войска корпуса заняли город Белебей, выбив из него 1-ю Пензенскую дивизию красных. Наступление красных было остановлено, левый фланг Сводного корпуса, обеспечен.

Однако вследствие продолжавшегося упорного наступления красных на фронте Казанской бригады войска, оставленные Каппелем на Бугульминском участке, были оттеснены противником. Советские дивизии, охватывая войска Казанской бригады с флангов, значительно продвинулись в своём наступлении.

Поэтому 5 декабря, перегруппировав свой подвижный отряд, В.О. Каппель начал новый манёвр для броска в обратном направлении и отражения противника на р. Ик. Был произведён удар во фланг и тыл 26-й дивизии красных. 6 декабря к юго-западу от оз. Кандрыкуль развернулись ожесточенные бои, в результате которых наступление красных на Бугульминском направлении также было остановлено. «Противник был изумлён – Каппель у Бугульмы, Каппель у Белебея! – и остановлен», – писал С.А. Щепихин [17, с. 342].

Сводный корпус генерала Каппеля нанес двойное поражение 1-й и 5-й Красным армиям. Советское командование было обеспокоено. Реввоенсовет Восточного фронта отметил в директиве, анализирующей операцию белых: «Положение противника на уфимском направлении значительно уступает нам, противник сжимается с двух флангов и несмотря на это ему удастся частично наносить нам тяжёлые удары. Оставление Белебея частями 1 армии совершенно недопустимое явление» [6, с. 717].

Не менее десяти дней понадобилось 1-й Красной армии для восстановления боеспособности. Наступление на Бугульминском направлении 5-й армии возобновилось 11 декабря. Оставшиеся недели до прихода нового 1919 года для групп, действовавших на Бугульминском направлении, по свидетельству участника событий, стали «временем ежедневных боёв за деревни, которые часто переходили из рук в руки» [11, с. 60].

В середине декабря белыми вновь был потерян г. Белебей. Под давлением Красной армии фронт медленно и неуклонно откатывался к Уфе. Происходило сближение групп, державших оборону на двух направлениях: Бугульминском и Бугурусланском, и отходивших вдоль линий железных дорог, соединявшихся в районе узлового пункта – станции Чишмы.

Три бригады Сводного корпуса, без учёта приданных ему частей (польских и казачьих отрядов, вновь сформированных в тылу 21-го Челябинского горных стрелков и 47-го Тагильского стрелкового полков), к середине декабря состояли едва ли из 2000 штыков. Правда, в Самарскую группу прибыли на пополнение и союзники: батальон французских колониальных войск с артиллерией; это произошло во второй декаде декабря. Рота союзников поступила в распоряжение Каппеля.

Союзные войска, которых на фронте ждали с таким нетерпением, не оправдали даже самых робких надежд. Специальное предписание запрещало вводить их в бой без разрешения командующего союзными войсками в Сибири генерала М. Жанена. Исключение могло быть сделано только для самых критических случаев, не менее важных, чем непосредственная оборона Уфы.

Когда подразделение французских колониальных войск прибыло в Сводный корпус генерала Каппеля, он был вынужден предупреждать своих командиров: «В Ваше распоряжение посылаю взвод французской батареи под прикрытием [подчеркнуто В.О. Каппелем. – Н.Б.] роты французов. <...> Французская рота должна всё время оставаться как прикрытием» [12, л. 63-63 об.].

Кроме указанного выше обстоятельства, сводившего к нулю возможность применения союзных войск на фронте, существовали и другие, объективные и субъективные особенности этих формирований, вызывавшие досаду русского командования. Не привыкшие к морозу и снегу африканцы мёрзли, долго учились ходить в валенках, в итоге смогли двигаться только по накатанным дорогам, и для их перемещения штабом должны были изыскиваться дополнительные перевозочные средства. Для артиллерии и обоза, запряжённых мулами, также не выдерживавшими суровой русской зимы, пришлось выделять лошадей от русских батарей и обозов. Французы просили выдать им дополнительную тёплую одежду, «чуть ли не полный эскимосский костюм...» [5, л. 28 об.].

Некоторые командиры приданных Сводному корпусу полков были раздражены «декоративными» союзническими частями, как именовал французов командир 47-го Тагильского полка полковник В.В. Ванюков [12, л. 93 об.]. В конце концов, Каппель попросил освободить его от этой союзнической «помощи». «Так и кончились подвиги французов: ни одного выстрела не дали, оторвали русскую батарею от прямого дела,

много забот создали с их экипировкой и перевозкой, а результат ноль. Если не считать десятка полтора помороженных французов...», – иронизировал С.А. Щепихин [5, л. 39 об.- 40].

В середине декабря войска Сводного корпуса отошли за р. Кармасан на заранее укрепленные рубежи. Созданная здесь линия обороны, по воспоминаниям С.А. Щепихина, оказалась очень удачной, и «когда противник насел, то все каппелевцы с радостью уселись в окопы и стойко держались, зацепившись на этой позиции» [17, с. 340-341]. Таким образом, на несколько дней фронт остановился на рубеже р. Кармасан.

Поредевшим частям Сводного корпуса, сражавшимся непрерывно в течение семи месяцев, были необходимы отдых и переформирование. Их решили отвести в тыл, однако этому мешала напряженная обстановка на фронте, где продолжались ожесточенные попытки красных обойти противника с севера, занять станцию Чишмы и отрезать белым пути отхода [16, с. 43]. Войска В.О. Каппеля обороняли этот важный стратегический пункт до тех пор, пока основные силы Самарской группы не отступили за р. Белую.

27 декабря станция Чишмы была оставлена Сводным корпусом и перешла в руки 26-й дивизии 5-й Красной армии. Взятие станции Чишмы потеряло для красных то значение, которое могло бы иметь всего несколько дней назад. Лишь территориальное приобретение занесли в актив 26-й дивизии советские историки, говоря, что «27 декабря дивизия, совершив резкий бросок вперед, успешно справилась с этой задачей.

В тот же день Реввоенсовет Восточного фронта нацелил части 26 и 27-й дивизий на то, чтобы как можно скорее освободить Уфу» [16, с. 43].

Перед Каппелем же стоял вопрос выхода из соприкосновения с противником для отправки корпуса в тыл на переформирование. «Вся дивизия [Камская дивизия, двигавшаяся от Бирска. – Н.Б.] уже перешла, вся стояла за Уралом. Там [Западнее Уфы, на левом берегу р. Белой. – Н.Б.] только держался небольшой кусок, где Каппель был», – вспоминал участник событий [10, с. 106]. Малочисленные отряды из последних сил сдерживали дивизии красных, рвавшиеся к Уфе.

Однако 31 декабря 1918 г. Уфа была сдана. Войска генерала В.О. Каппеля ещё несколько дней находились на фронте. «По сдаче города каппелевцы опять-таки не были сменены, несмотря на то, что во всей группе не оставалось и 2000 штыков, а в полках было от 50 до 100 штыков», – вспоминал один из подчинённых Каппеля [9]. Последний

бой войска Сводного корпуса выдержали в 40 верстах восточнее г. Уфы, у деревни Кирилловка. После этого боя сменённые частями 6-го Уральского корпуса каппелевцы отправились в тыл. Тяжёлая осень закончилась.

Осенью 1918 г. войсковые формирования под командованием В.О. Каппеля противостояли значительно превосходящим силам противника. За эти месяцы командующим не раз был проявлен оперативный талант, его подчиненными – стойкость и мужество. Всё это позволяло малочисленным отрядам добиваться успеха, останавливать наступление противника, вносить в его ряды панику. Войска В.О. Каппеля, способные в наступлении преодолеть 140 вёрст за 4 дня, отступление на расстоянии 400 вёрст производили на протяжении четырех месяцев. Они сдерживали Красную армию в её продвижении на восток, обеспечивая деятельность антисоветских правительств по организации власти и строительству армии.

Источники и литература

- 1 Антонов А. Е. *Боевой восемнадцатый год (Военные действия Красной Армии в 1918 – начале 1919 г.)*. Москва : Воениздат, 1961. 262 с.; ил. и карт.
- 2 *В боях рожденная. Боевой путь 5 армии (1918-1920) : сборник документов / сост. С. Д. Гусаревич [и др.] ; предисл. В. О. Дайнеса, Т. Ф. Каряевой*. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. 416 с., ил.
- 3 *Годовщина Первой революционной армии*. Москва : Литературно-издательский отдел Полит. Управления Реввоенсовета Республики, 1920. 136 с.
- 4 Головин Н. Н. *Российская контрреволюция в 1917-1918 гг.* Ч. IV. Кн. 8. *Освобождение Сибири и образование «Белого» военного фронта Гражданской войны*. [Париж]: [б.и.], [1937]. 154 с.
- 5 Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. 6605. Оп. 1. Д. 8.
- 6 *Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.) / сост. Т. Ф. Каряева [и др.]*. Т. 1. Москва : Воениздат, 1971. 788 с.
- 7 Каревский А. А. *В.О. Каппель и Народная армия: к истории антибольшевистской борьбы в Поволжье в 1918 г. // Каппель и каппелевцы / ред. и сост. Р. Г. Гагкуев [и др.]*. 2-е изд., испр. и доп. Москва : НП «Посев», 2007. С. 580-679.
- 8 *Краткий исторический очерк 26-й Златоустовской стрелковой дивизии*. Красноярск : Изд. подива 26 и Ензубкома РКП, 1925. 72 с.
- 9 Михайлов А. *Казанцы // Каппелевцы*. Омск. 1919. Воскресенье, 12 октября.
- 10 Молчанов В. М. *Последний белый генерал : устные воспоминания, статьи, письма, документы / сост. Л. Ю. Тремсиной ; комм. С. В. Волкова*. Москва: Айрис-пресс, 2009. 400 с.
- 11 Петров П. П. *От Волги до Тихого океана в рядах белых : воспоминания*. Рига : Издательство М. Дидковского, 1930. 250 с.
- 12 Российский государственный военный архив (Далее РГВА). Ф. 39500. Оп. 1. Д. 2.

13 РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 6.

14 РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 11.

15 Спирин Л. М. Разгром армии Колчака. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1957. 295 с.

16 Тарасов Е. П. Краском Генрих Эйхе. Москва : Воениздат, 1975. 151 с.

17 Щепихин С. А. Воспоминания о генерале В.О. Каппеле // Каппель и каппелевцы. 2-е изд. Москва : НП «Посев», 2007. С. 337-356.

18 1918 г. на Востоке России / сост., науч. ред., предисл. и комментарии д-ра ист. наук С. В. Волкова. Москва : Центрполиграф, 2003. 463 с.

А.Н. Ильиных

БОЕСПОСОБНОСТЬ И ДИСЦИПЛИНА КРАСНОГО ДВИЖЕНИЯ В БОЯХ ЗА Г. ШАДРИНСК И ШАДРИНСКИЙ УЕЗД ЛЕТОМ 1918 Г.

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы принципов комплектования и дисциплинированности подразделений РККА в боях за г. Шадринск и Шадринский уезд летом 1918 г.

Ключевые слова: Гражданская война; Рабоче-крестьянская Красная армия; боеспособность; дисциплина.

От способов формирования Рабоче-крестьянской Красной Армии зависела и ее боеспособность. Первоначально в основу формирования Красной Армии был положен добровольческий принцип, а коллегиальное управление при отсутствии военных специалистов вело к ошибкам и нежеланию подчиняться вышестоящим командирам. Слабая дисциплина в отрядах и невыполнение приказов были частым явлением и делали добровольческие формирования не способными к ведению успешных боевых действий. В условиях Гражданской войны в период лета 1918 года в Шадринском уезде, красное движение испытывало серьезные трудности в вопросах боеспособности и дисциплины своих боевых подразделений. Анализу подвергаются принципы комплектования армии военнослужащими и командными кадрами, отношение руководства подразделений РККА к своим обязанностям и их профессионализм. Основные вопросы: насколько успешно Красная армия вела боевые действия летом 1918 года и по каким причинам терпела поражения в условиях военного времени.

Целью данной статьи является анализ боеспособности и дисципли-

ны красного движения в боях за Шадринск и Шадринский уезд летом 1918 года.

Обстановка на Шадринском направлении

При взгляде на Зауральский край, лежащий в четырехугольнике Челябинск – Екатеринбург – Тюмень – Курган, сразу видна важнейшая для всего края магистраль – железная дорога Шадринск – Синарская – Богданович. С ее утратой советская власть теряла контроль над богатым продовольствием Зауральем, а взятие станции Богданович выводило чехословаков и белых добровольцев на восточные подступы к главной базе уральских красных войск – Екатеринбургу.

Получив 27 мая известие о занятии чехословаками Челябинска Уральский областной совет начал вводить в уездах военное положение. В Шадринском уезде оно было объявлено 28 мая. 30 мая при военном отделе Шадринского исполкома организован полевой штаб для руководства боевыми действиями в уезде. Руководитель, бывший полковник В.Ф. Орел и военный комиссар В.Г. Верховных в своем подчинении имели 4-й Уральский стрелковый полк РККА и множество разбросанных по волостям мелких красногвардейских отрядов. 31 мая было опубликовано воззвание Шадринского уездного совета к рабочим и беднейшему крестьянству с призывом подняться на защиту советской власти. В селе Верхтеченском начали собираться отряды красных, основу которых составлял отряд Т.Г. Анчугова. В двадцатых числах июня войска Шадринского направления размещались уже в две линии. Первую, относительно малочисленную, растянувшуюся на протяжении около ста двадцати верст, составляли Каргопольская рота (120 штыков и один пулемет), Мингалевская рота (160 штыков, четыре сабли и два пулемета), отряд левых эсеров в селе Макаровское (47 штыков) и Верхтеченская группа из двух рот 4-го Уральского полка (260 штыков, семь сабель и три пулемета) и Верхтеченского отряда Т.Г. Анчугова (приблизительно 200 штыков и три пулемета). Вторую, более сильную линию, также растянувшуюся примерно на сто двадцать верст, составляли располагавшиеся в Шадринске две роты 4-го Уральского полка, дружина Адмицистративно-уголовного отдела и партизанский отряд М.Х. Петрова (330 штыков, 25 сабель, пять пулеметов и один броневтомобиль). В районе Катайска шло формирование Катайско-Далматово-Никитинского отряда П.Н. Подпорина: приблизительно в 300 штыков, район от Багаряка и до Колчедана прикрывал Каменский отряд Н.Н. Яковлева силою в 477 штыков, 25 сабель, 11 пулеметов и один

бомбомет (миномет). В помощь красным верхтеченцам из Шадринска выдвинута часть Петроградского отряда анархистов под руководством А. Румянцева.

Нужно учитывать, что при формировании заградительных линий командование РККА допустило несколько серьезных ошибок, направив фронт построения и основные боеспособные силы на участки, наименее важные белым отрядам.

В село Мингалевское направлена 3-я интернациональная рота 4-го Уральского полка, состоящая из венгров и небольшого количества анархистов. В роте насчитывалось до 160 штыков и два пулемета [8, л.95]. К ним присоединилась левозсеровская подрывная команда Савельева, всего 47 штыков. Командование осуществлял Ян Пушкаш. Позиции РККА в Мингалевке были устроены на возвышенности и имели хороший обзор и обстрел, а оба фланга были прикрыты окопами. Учитывая то, что у белых подразделений не было артиллерии, оборонять данный рубеж можно было достаточно долго, даже в случае количественного перевеса нападающей стороны.

Но за время нахождения красных в селе произошло разложение дисциплины, не проводились боевые занятия, личный состав злоупотреблял спиртным и вел разгульный образ жизни. Два взвода чехословаков и курганских добровольцев сумели подобраться к селу незаметно, уничтожить дозор, а когда бой завязался у венгерских окопов, исход его смогли решить несколько гранат, брошенных чехословаками. Венгры дрогнули, бросили свои позиции, бежали. Бежавших преследовали и добивали. Уйти удалось незначительной группе интернационалистов, в руки белых попали два пулемета, до сотни винтовок и 30 тысяч патронов к ним. Силы белых подразделений на данном участке не превышали 100 человек, то есть были вдвое меньше красных.

В боях за Шадринск можно выделить несколько характерных моментов, ярко иллюстрирующих уровень дисциплины в красных подразделениях. Сообщение о подходе белых подразделений были встречены красноармейцами без особого энтузиазма: «Что мы будем воевать, когда вся власть сбежала!» – кричали они и предпринимали попытки разойтись. Командующему Шадринским гарнизоном С.И. Вороткову потребовалось немало усилий, чтобы заставить подчиняться войска, приходилось прибегать к уговорам и угрозам [2, л. 273].

В ходе подготовки к отражению нападения белых выяснилось, что рабочая дружина, находившаяся под командованием комиссара

Саловарова, распалась после его отъезда с руководством совета городского исполкома.

Сил, оборонявших кладбище, было недостаточно для отражения быстрого продвижения белых.

Решающим событием в обороне города стало то, что разведывательная группа белых случайно наткнулась на командира 4-го Уральского полка С.И. Вороткова и взяла его в плен [3, л. 275-276, 280]. По не очень достоверным данным, в это же время партизанский отряд М.Х. Петрова и Дружина административно-уголовного отдела расстреливали заложников в тюрьме [1, с.99-100]. Красные отступили с кладбища [7, с.103], а с наступлением темноты, когда неразбериха, связанная с пленением командира С.И. Вороткова, усилилась слухами о подходе к белым силам чехословаков, красные стали неорганизованно покидать город [9, л.100]. Потери красных составили до двадцати человек убитыми и множество раненных. Курганским добровольцам и 2-му Степному отряду досталось множество трофеев: бронепоезд, девять паровозов, множество вагонов к ним, пять тысяч винтовок и полмиллиона патронов.

30 июня город был полностью сдан практически без боя. Красным пришлось восстанавливать фронт, а потеря Шадринска могла серьезно ударить по снабжению продовольствием Екатеринбурга. Комиссар И.Е. Георгенбергер, прибывший на фронт на бронепоезде, начал аккумулировать силы под Долматово. Здесь были отряды Т.Г. Анчугова, неполные роты 4-го Уральского полка, прибыли и члены Шадринского совета. 4 июля планировалось отбить Шадринск у белых. Наступление должно было идти тремя группами. Латыши с броневым автомобилем «Борец с контрреволюцией» продвигались через село Канашское и Иванищевское на станцию Шадринск с севера. Отряд Т.Г. Анчугова наступал через деревни Ивачева и Кайгородова также с северного направления. Роты 4-го Уральского полка наступали вдоль железной дороги под прикрытием бронепоезда, а вдоль реки Исеть шел отряд М.Х. Петрова. Всего в контраступлении участвовало до тысячи человек [5, с.8-9].

Все силы не смогли вовремя добраться до исходных позиций, наступление перенесли на 19 часов 30 минут 5 июля. Тут же выявились проблемы во взаимодействии красных частей, в отсутствии радиосвязи и разобщенности командования, наступление шло неравномерно. Первым к станции вышел бронепоезд, который не при-

цельно обстрелял город, сделав около двадцати выстрелов. По воспоминаниям В.П. Бирюкова, один из снарядов попал в местный ломбард, а другой разорвался в городском саду [3, л.29]. Ничем закончилась и попытка красных вызвать крушение поездов на станции, направив туда резервный паровоз. Бронепоезд красных подвергся обстрелу из винтовок и пулеметов и из-за ранений экипажа вынужден был отойти.

Наступавший южнее бронепоезда отряд П.Т. Чубарова окружил деревню Мыльниковка, разрушил мост через Исеть и начал грабеж. Причиной тому были проблемы с поставками продовольствия. На контролируемых советской властью территориях в условиях революционного кризиса было установлено нормированное снабжение населения товарами массового потребления, что дало возможность строго регламентировать расходование крайне незначительных продовольственных и промышленных ресурсов. Но этого не хватало, чтобы обеспечить необходимым минимумом части РККА. Военнослужащие получали красноармейский паек, который делился на фронтовой и тыловой. Первый получали лица, входившие в состав и в учреждения действующей Красной армии и в состав ее запасных частей, второй – личный состав тыловых строевых частей, все военнослужащие Полевого штаба РВС, рабочие предприятий, обслуживавшие нужды Красной армии. Красноармейский паек был самым высоким в стране.

Таблица 1 – Одновременная норма красноармейского пайка [4, с.83, 396]

Наименование продуктов	Фронтовой паек	Тыловой паек
Хлеб или ржаная мука	2 фунта 1 ½ ф.	1 ф. 72 золотника
Крупа	24 золотника	18 з.
Мясо или рыба	½ ф.	¼ ф.
Соль	3 з.	3 з.
Овощи сушеные или свежие	4 з. 60 з.	4 з. 60 з.
Масло или сало	8 з.	5 з.
Подболтная мука	4 з.	4 з.
Чай	24/100 з.	24/100 з.
Сахар	8 з.	6 з.
1 золотник = 1/96 ф. = 4,266. 1 фунт = 0,45 кг.		

Жалованья и пенсии командного состава Красной армии по сравнению с офицерскими 1914 г. увеличились в несколько раз. На это повлияли экономические трудности, вызвавшие рост цен и инфляцию.

Командиры РККА зачислялись на вещевое и провиантское довольствие. Оклады и жалования комсоставу РККА в денежном выражении были больше, чем такие же в контрреволюционных формированиях. При выдаче жалования противоборствующие стороны сталкивались с одинаковыми проблемами, жалование выдавалось с перебоями в связи с обстановкой военного времени. Материальные трудности противоборствующих сторон подталкивали военнослужащих к самообогащению и грабежу, как следствие – разложение дисциплины.

После завершения грабежа отряд П.Т. Чубарова занял позиции у деревни Городище в 5 верстах от города. Но после получения сведений об отступлении отряда с железной дороги он со своим отрядом отошел к деревне Лещевской [6, л.95].

Около 8 вечера с севера к станции Шадринск стали подходить латыши, их задержал бой с Канашской и Иванищевской крестьянскими дружинами.

Во время боя за Иванищевское латыши потеряли броневедомоцикл на Трихинском логу. Дружинники разобрали мост на пути броневедомоцикла, а пока экипаж раздумывал, как проникнуть в деревню, пять дружинников разобрали мост и позади него [10, с.456].

Подойдя к станции, латыши должны были встретить Верхтеченский отряд и поддержать его огнем, но тот уже митинговал после первой неудачной стычки с белыми и в конечном счете стал отходить на станцию Долматов.

Вечером того же дня комиссар И.Е. Георгенбергер рапортует о бое в радужных тонах, либо не зная полной информации, либо целенаправленно вводя в заблуждение начальника фронта Р.И. Березина. В боях за Шадринск численно превосходящие силы красных не смогли добиться контроля над городом. 6 июля в Долматово И.Е. Георгенбергер пытался заставить командиров и личный состав повторить операцию, но столкнулся с массовым неповиновением и уехал на станцию Синарскую [5, с.10].

Таким образом, можно утверждать, что в летней компании и боях за город Шадринск 1918 года боеспособность РККА была на крайне низком уровне.

Основными причинами этого стали, в первую очередь, неорганизованность быта, низкое довольствие, толкавшее личный состав на грабеж и обогащение. Набор целых подразделений из осужденных по уголовным статьям, а также отсутствие системной боевой подготовки и

выучки превращали личный состав РККА в неорганизованную массу. Отсутствие военных специалистов, качественной связи, ненадлежащее взаимодействие подразделений говорило о низком уровне подготовки и личного, и командного состава РККА.

Источники и литература

- 1 Гарнич Н. Ф. *Осьмнадцатый*. Москва : Московское товарищество писателей, 1932. 238 с.
- 2 Государственный архив в г.Шадринске (ГАСШ). Ф.1038. Оп.1. Д.14. Тетр.6.
- 3 Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф.р-2266. Оп.1. Д. 1348.
- 4 Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия. Москва : Советская энциклопедия, 1983. 702 с.
- 5 Кашеваров М. С. *Красная страничка из истории 4-го Уральского полка (Далматовский бой 11 июля 1918 г.): по воспоминаниям участников и архивным материалам*. Шадринск : Шадрин. гос. тип., 1928. 28 с.
- 6 Село Мыльниково. Русские Башибузуки // *Народная газета*. 1918. 23 июля.
- 7 Филимонов Б. Б. *На путях к Уралу. Поход степных полков*. Шанхай, 1934. 153 с.
- 8 Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.41. Оп.2. Д.361.
- 9 Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.41. Оп.2. Д.363.
- 10 *Za svobodu... Obrazkova kronika ceskoslovenskeho revolucniho hnuti na Rusi. 1914-1920*. D. 3. Praha, 1926.

М. Соегов

ВЕСТИ С ТОЙ СТОРОНЫ ЗАКАСПИЙСКОГО ФРОНТА В 1918 ГОДУ: КОМАНДУЮЩИЙ ОРАЗ-СЕРДАР И ЕГО СПОДВИЖНИКИ

Аннотация. В статье на материале воспоминаний английских и русских участников Гражданской войны, развернувшейся в 1918-1920 гг. в Закаспийской области (нынешний Туркменистан), рассказывается о боевых действиях путем описания участия в них генерала Ораз-сердара Туркменского и старших офицеров-туркмен Сейитмурада Овезбаева, Ходжагелди Хаджимурадова, Бекназара Хан Хаджиева и Николая Хан Иомудского. Приводятся отдельные важные детали и значимые подробности из их ратной деятельности и личной жизни.

Ключевые слова: война, воспоминания участников, белая армия, туркменские офицеры.

Введение

В науке постсоветского периода установлено, что в идеологии Белого движения, зарождавшегося в период подготовки к «корниловскому мятежу» в августе 1917 года, вступавшего как военно-политическое движение против большевиков и раскрывшего себя наиболее полно в период Гражданской войны 1918-1923 гг., несмотря на существование внутри движения других всевозможных мелких идей, в целом доминировала общая идея восстановления в России демократического, парламентского устройства, частной собственности и рыночных отношений. Именно этим можно объяснить идеологическую привлекательность Белого движения для других, нерусских народов России, хотя они имели еще свои собственные цели, заключавшиеся в создании своих национальных государств.

Представители туркменского народа в русском Белом движении участвовали в основном в качестве командиров войсковых объединений разной величины, а также рядовых бойцов, воевавших в Закаспийском фронте, бои которого развернулись в 1918-1920 гг. практически по всей территории современного Туркменистана вдоль железной дороги, начиная с Чарджоу (нынешний Туркменабат) и заканчивая Красноводском (ныне Туркменбаши).

В существующей литературе по истории Гражданской войны и иностранной интервенции в Туркменистане, изданной в бывшем Советском Союзе (Ташлиев и др.), преобладают, как и следует, выводы и обобщения исторических фактов, сделанные с позиций победивших большевиков и полностью установившегося тогда советского строя, и поэтому в них не нашли отражения, тем более поддержку, иные точки зрения, не соответствующие официально принятому взгляду в отношении борьбы красных против белых. Для устранения и недопущения подобных «перекосов» в будущих исследованиях важное значение имеет введение в научный обиход новых источников, которые по тем или иным причинам не были использованы или были использованы частично в прежних разработках ученых.

Ниже приводятся некоторые результаты нашей работы над текстами воспоминаний отдельных участников Гражданской войны в Туркменистане в 1918-1920 гг., взгляды которых на одни и те события или исторические личности могут не совпадать, ибо они представляли разные, хотя не противостоящие стороны этого большого социального катаклизма, не говоря уже об их национальной принадлежности.

Вести с той стороны фронта

Книга воспоминаний английского участника боевых действий Ч.Г. Эллиса «The British “Intervention” in Transcaspia 1918-1919» содержит более или менее достоверные сведения о туркменских руководителях Белого движения в Закаспийской области. Она снабжена большим количеством редкими фотографиями (Ораз-сердара и др.), что придает ей особую значимость. Следует также отметить, что в отличие от воспоминаний некоторых других участников этих событий (например, бухарца Салимбака, который не приводит личные имена туркменских руководителей вообще) в книге Ч.Г. Эллиса со стр. 28 по стр.157 непосредственно личное имя командующего Закаспийским фронтом Ораз-сердара (Oraz Sirdar) приводится не менее 43 раз, не считая использования для обозначения этого лица личного местоимения «он» и его производных.

Британский офицер в своих воспоминаниях несколько раз упоминает других туркменских офицеров-командиров подразделений Белой Армии, а именно С. Овезбаева (Obez Baev) и Х. Хаджимурадова (Hadji Murat), и констатирует, что они были высокообразованными людьми [7, с. 28, 98]. Он также пишет, что «Ораз-сердар и его сотрудники удостоились высоких наград британского правительства» [7, с. 156]. По сообщению другого английского участника событий тех лет L.V.S. Blacker, со стороны британской короны туркменскому генералу, сыну знаменитого защитника Геок-Тепе в 1882 году Тыкма-сердара (Tagma Sardar), был присужден почетный титул «Sir Oraz Sardar K.C.M.G.» [6, с. 138-139], который означает, что он был награжден британским орденом The Order of St Michael and St George второй степени. В свою очередь Ораз-сердар во время встречи, проходившей 19 ноября 1918 года в Байрамалы, вручил британскому генералу Моллесону от имени эмира высокий орден Бухарского эмирата – «Nishan-i Dar-es-Saltan-i Buhara-i Sherif» [5, с. 43-49].

Ч.Г. Эллис в своей книге очень подробно описывает ход обсуждений по координации военных действий между туркменами и англичанами. Он в частности пишет, что перед возвращением в Мешхед в середине декабря 1918 года генерал Маллесон воспользовался приездом Ораз-сердара в Ашхабад, чтобы обсудить с ним сложившее военное положение в Закаспийской области. До этого он уже провел консультации с командирами своих войск. Ораз-сердар не скрывал того факта, что он был сильно расстроен приказом Симла, ограничивающим движение

британских войск в оборонительных операциях. Он, казалось, был немного неуверен в своих силах, чтобы сделать дальнейшее продвижение без помощи британских и индийских войск, но в то же время он хотел продвигаться вперед, в направлении Амударьи (Окса), до наступления зимы. Ораз-сердар и генерал Крутен продолжали настаивать на том, что генералу Маллесону следует убедить своих начальников позволить британско-индийскому контингенту принять участие в наступлении на Чарджоу.

Далее в книге говорится, что в ходе встречи Ораз-сердар поднял вопрос о Бухаре. Эмир Бухары имел в своем распоряжении плохо снабженную, но большую армию и считал для себя угрозой большевистскую власть в Ташкенте. Он, вероятно, меньше всего хотел заключить договор с Закаспийским правительством, чем с англичанами. И едва ли можно было ожидать, что его войска будут играть какую-либо роль в операциях в Закаспии. Но было в его интересах сотрудничать с анти-Ташкентскими силами, чтобы освободить Чарджоу, который находился на территории Бухарского эмирата. Генерал Маллесон не смог оправдать надежду Ораз-сердара, что приказ индийского правительства будет отменен, но заверил его, что не было никакого намерения, насколько ему было известно, о выводе войск из Мерва. Что касается Бухары, Маллесон призвал Ораз-сердара установить, каковы взгляды эмира о ситуации, и его намерения в отношении Ташкента, но добавил, что эмир не должен надеется, что британская помощь обязательно будет оказана [7, с. 112-113].

В противовес книге британца Ч.Г. Эллиса в воспоминаниях русского генерала Бориса Ниловича Литвинова (1872 – после 1948 г.) личные ощущения преобладают над реальными событиями, происходившими в Закаспийской области в годы Гражданской войны (это особенно заметно вырисовывается в отношении исторических личностей нерусской национальности). В книге его воспоминаний, которая выставлена в Интернете на отдельных сайтах, чувствуется сильное настроение русофильства, хотя ее автор после окончания юнкерского училища более 20 лет (1893-1914 гг.) служил в Средней Азии на разных строевых должностях Туркестанского военного округа [2].

Особенно не понравилось автору воспоминаний нахождение его, русского полковника, в подчинении туркменского генерала Ораз (Ураз)-сердара: *...генерал Савицкий, вопреки кардинальному уговору, по каким-то причинам послал меня в подчинение Ураз-Сердару.*

21 мая утром я прибыл со своим отрядом в Теджен и тотчас же пошел являться командующему фронтом. Я долго стоял у подножки вагона где теперь помещался Ураз. Красавцы часовые туркмены, по-красивее, чем у Деникина, сурово смотрели на какую-то мелочь – русского полковника.

Наконец, чумазый зауряд ротмистр показался в дверях вагона, спросил, кто я, и исчез. Оказалось, и тут, как с англичанами, нужна была декорация. Я хотел уже позвать своих для этого, как меня попросили войти. Вошел в тот же салон, где я докладывал кое-что настоящим начальникам. Сел, опять жду. Что поделаешь – такова азиатско-мусульманская важность, иначе «баяр» – не «баяр». Наконец, вошел Ураз, маленький, черненький, в оспах, толстенький, в стальном халате и зеленой тюбетейке. – Вы меня извините, – заговорил он, представляя мне полковника Слинко.

– Да, да, это пустяки, – ответил я, – я понимаю Вас...

Мы расстались друзьями...

Интересно отметить, что даже при описании вооруженного противостояния красных и белых (т. е. своих) неутрачивающие личные чувства русофила Б.Н. Литвинова порою отодвигают на задний план его собственную классовую принадлежность (он как бы переходит на сторону красных): *Главное командование белых было в руках генерала Ураз-Сердара. Его начальником Штаба был генерального штаба полковник Слинко (он же Урусов), при нем состоял генерального штаба генерал-майор Ласточкин. Прибыли Денисов, Рогожин, группа «Цап-Царап»...* Надо упомянуть, что туркменские боевые единицы оказались, сверх ожидания, не такими стойкими в боях, как их привыкли считать, и потому, несмотря на количественное превосходство (5-6 тысяч), они не могли быть противопоставлены красным русским единицам в той же мере. Пришлось опять базироваться на прежнем недавно проверенном расчете на скромные не кричащие фигуры чисто русских бойцов из крестьян, рабочих и добровольцев и, конечно же, офицеров. Поэтому появление 4-5 тысяч хорошо сбитой конницы русской с красной стороны являлись для нас катастрофическими.

Что касается непосредственно утверждения Литвинова о присутствии в лице туркменского генерала следов, оставленных перенесенной им оспой («в оспах»), оно не подтверждается более ранними сообщениями. Так, например, петербургская газета «Вечернее Время» от 15 мая 1881 года, в частности, писала: «Он привез с собой в Петербург своего

сына, по имени Уразберды, 10-ти лет. Смугленькое личико его носит отпечаток добродушия и прямоты. Тыкма-Сердар желает оставить его в Петербурге, в одном из военных учебных заведений, на воспитание. Говорят он, будет помещен в Пажеский корпус» [3]. Действительно, Уразберды (будущий генерал Ураз/Ораз-сердар) был тогда оставлен отцом в столице империи для обучения военному делу, и его заболевание оспой там маловероятно.

После захвата силой оружия большевиками власти в Закаспийской (Туркменской) области в 1920 году многим туркменам, участвовавшим в Белом движении, не осталось иного пути, как перейти на сторону новой власти и служить советскому строю. Усилиями А. Кульмухаммедова и некоторых других, действовавших на стороне красных, белые туркмены Н. Иомудский, Х. Хаджимурадов, С. Овезбаев (имел заочное назначение на должность военного министра «Кокандской автономии»), братья Бекки (Бекмурад) и Какаджан Бердиевы и другие (всего 15 чел.) были амнистированы и как специалисты высокой квалификации начали трудиться на благо Туркменской ССР, образованной в 1924 году в составе СССР.

Полковник в отставке Николай Хан Иомудский, работавший директором Туркменского государственного музея, умер в 1928 году в Кисловодске на 60-м году жизни во время прохождения месячного курортного лечения. Но не всем бывшим белым туркменам «посчастливилось» умереть своей смертью. Накануне ареста в 1932 году 43-летний подполковник в отставке Сейитмурад Овезбаев работал рядовым экономистом-плановиком в Госплане Туркменской ССР. Коллегией Объединённого государственного политического управления при Совете Народных Комиссаров (Правительстве) СССР (ОГПУ) 10 мая 1933 года осужден по ст. ст. 58-2-11 («Контрреволюционная деятельность») Уголовного Кодекса РСФСР на 10 лет отбывания в Исправительно-трудовом лагере (ИТЛ). Отбывал наказание в Соловках, содержался на лагерном пункте «Кремль». «Особой тройкой» Управления Народного Комиссариата Внутренних дел (НКВД) СССР по Ленинградской области 9 октября 1937 года был приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 27 октября 1937 года. (В тот же день там были расстреляны его «однодельцы»-туркмены Оразмаммед Вепаев и Кумушали Бориев, представители национальной интеллигенции).

Подполковник в отставке Ходжагелди Хаджимурадов (Хаджи-

Мурад), занимавший должность директора Государственного музей после смерти Н. Иомудского, был задержан в 1932 году и осужден по тем же статьям УК на 15 лет и умер в лагере в 1939 году из-за тяжелой болезни (туберкулез) в возрасте 50 лет после семилетней каторги. Все туркмены-белогвардейцы наряду с другими узниками «архипелага ГУЛАГ» реабилитированы поэтапно в период с 1956 по 1989 гг.

Из белых эмигрантов-туркмен, избегавших, уезжая за рубеж, неминуемой репрессии, наиболее знаменитым является Хан Хаджиев (Надзар-Бек / Разак-бек, Байдаран Хаджиев), который с 1923 года проживал в Мексике, выступал со статьями в эмигрантских изданиях. Его роман «Великий бояр» (Белград, 1929) и повесть «Атчапар» (Лос-Анжелес, 1962) обогатили литературу русского зарубежья новыми образами исторических личностей-участников Первой мировой и Гражданской войн. Умер в Мехико 20 мая 1966 г. на 71-м году жизни [4, с. 259-266].

Автора «Белого Туркестана» генерала Б.Н. Литвинова в последующем настигла та же участь, что и многих туркменских «героев» его воспоминаний. Находясь в эмиграции в Югославии с 1921 года, проживал в Белграде. В 1945 году властями Югославии был выдан Советскому правительству. 12 марта 1948 года «особым совещанием» при МВД СССР по обвинению по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР приговорен к 10 годам ИТЛ. Умер в лагере. Реабилитирован значительно позже ранее осужденных белых туркмен, т. е. после распада СССР, лишь 13 января 1998 года [1].

Общие выводы и заключение

Туркменские авторы советского периода занимались в основном вопросами, связанными с большевистской стороной Закаспийского фронта, восхваляя победы отрядов Красной армии, мало освещая при этом в своих исследованиях ситуации, сложившиеся на обратной стороне фронта. Между тем документы, выявленные за последние десятилетия, и обнародованные воспоминания участников событий показывают, что именно туркмены-офицеры бывшей Царской армии, воевавшие ранее на фронтах Первой мировой войны, выступали командирами Белой армии на Закаспийском фронте. Их конечной целью, несбыточной мечтой было создание независимого Туркменского государства, и они никогда не боролись за единый Туркестан, тем более за большой Туркестан, а ставили перед собой конкретную цель: вели борьбу за создание самостоятельного туркменского государства. Это было основным водоразделом, отличавшим их от остальных. Мечты и чаяния туркмен

о национальной государственности после многовекового перерыва (т. е. после их государств Великих Сельджуков и Хорезмшахов) сбылись гораздо позже, спустя более чем 70 лет после описанных нами событий, а именно после фактического распада СССР: 27 октября 1991 года была провозглашена государственная независимость Туркменистана. Статус постоянного нейтралитета Туркменистана подкреплён дважды специальными резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН в 1995 и 2015 гг.

Источники и литература

- 1 Литвинов Борис Нилович (1872–04.03.1948). URL: [http://artru.info/ar/20861/\(29.05.2015\)](http://artru.info/ar/20861/(29.05.2015)).
- 2 Память чести: Б. Н. Литвинов. Белый Туркестан. URL: <http://www.white-guard.ru/go.php?n=54&id=1282> (30.05.2015).
- 3 Соегов М. «Белый» генерал Ораз-сердар в истории и литературе // Язык и культура. Научный интернет журнал Центра исследования лингвокультурологии и перевода Философского факультета Прешовского университета. № 16. Прешов, 2013. URL: http://www.ff.unipo.sk/jak/16_2013/soegov.pdf (10.10.2017).
- 4 Соегов М. Туркменский писатель-белоземigrant из Соединенных Штатов Мексики // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т.25 (64). № 3. Ч. 1. Симферополь, 2012. С.259-266.
- 5 Соегов М. Туркмены-командиры Царской и «Белой» Армий: генерал Ораз-Сердар, сын Дыкма-Сердара // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. 2015. № 3. С.43-49.
- 6 Blacker L.V.S. *On Secret Patrol in High Asia*. 1922. Reprint. London: Forgotten Books, 2013. 348 p.
- 7 Ellis C.H. *The British Intervention in Transcaspia, 1918-1919* (Published in the United States of America by University of California Press. Berkeley and Los Angeles. Published in Great Britain by Hutchinson & Co.). London, 1963. 176 p.

ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: СТЕПАН ВАСИЛЬЕВИЧ ДОМОЛАЗОВ

Аннотация. *Тобольско-Петропавловская военная операция 1919 года Гражданской войны в России вписала немало героических страниц в военную историю. Одной из легендарных личностей 5-й армии М.Н. Тухачевского был командир 39-го Нижегородского стрелкового полка С.В. Домолазов, деятельность которого очень высоко оценивалась современниками. В настоящее время имя С.В. Домолазова практически полностью забыто. Целью этой статьи является попытка восстановить боевую судьбу легендарного красного командира.*

Ключевые слова: С.В. Домолазов, Тобольско-Петропавловская операция, 39-й Нижегородский стрелковый полк.

После Октябрьской революции в России сложилась напряженная социально-политическая ситуация. Установление советской власти осенью 1917 г. – весной 1918 г. сопровождалось множеством антибольшевистских выступлений в разных районах страны, но все они были разрозненными и имели локальный характер. На первых порах в них были втянуты лишь отдельные, немногочисленные группы населения. Крупномасштабная борьба, в которую с обеих сторон влились огромные массы из самых разных социальных слоев, ознаменовала развертывание Гражданской войны – общесоциального вооруженного противостояния между красными и белыми.

В августе 1919 г. Гражданская война дошла до Зауралья. Здесь, на просторах современной Курганской области развернулась Тобольско-Петропавловская военная операция. В кровопролитных боях с обеих сторон отличились большое количество солдат и командиров. В предлагаемой статье рассматривается один из них, командир красного полка С.В. Домолазов.

Степан Васильевич Домолазов (1885-1938) родился в селе Албай Мамандышского уезда Казанской губернии в многодетной семье зажиточного крестьянина. Окончил в Казани Центральную крещено-татарскую учительскую школу и до призыва в армию в 1906 году был учителем. Степан Васильевич отличался богатырским телосложением и незаурядной силой. По словам современника, «Трудно представить себе лицо со столь грозно закрученными усами и с бесконечно добры-

ми, по-бабьи ласковыми глазами» [3, с. 225]. Февральскую революцию он встретил фельдфебелем и георгиевским кавалером на Юго-Западном фронте. Летом 1918 года после демобилизации Степан Васильевич возвращается к себе на родину, где добровольно уходит на службу в Красную армию, становясь одним из членов военного комиссариата Мамандышского уезда. Весной 1919 г. фронт подошел к г. Мамандышу. За короткое время из коммунистов и добровольцев С.В. Домолазовым был сформирован отряд в 600 бойцов, получивший наименование «Мамандышский коммунистический батальон». Батальон стал основой 39-го Нижегородского стрелкового полка [2].

Командиром С.В. Домолазов был талантливым, но со своими хитростями и причудами. В силу того, что 39-й полк был сформирован из малограмотных крещеных татар, жизнь и боевая деятельность полка имела свой колорит. Для своих красноармейцев-татар С.В. Домолазов был неоспоримым вождем, которому они были беззаветно преданы. С.В. Домолазов имел свою оригинальную стратегию действий полка в наступательной войне. Он отправлял в тыл к белым своих разведчиков-татар с крестами на груди. В селах они заказывали попам молебны на случай прихода полка, давая большой задаток, обещая, что командир полка уплатит вдвое больше [3, с. 226].

Командиры батальонов были кадровые офицеры. Они посмеивались над малограмотностью С.В. Домолазова, но любили его. Особенностью полка С.В. Домолазова была в том, что в отличие от других полков при штате в три батальона он имел четыре. Кроме этого у него было триста кавалеристов, и у каждого пятого кавалериста — ручной пулемет Шоша.

В боях на Курганской земле 39-й полк испытал многое. Степану Васильевичу пришлось проявить всю свою изворотливость, он часто выходил из самых критических, даже безнадежных положений [3, с. 218].

Так, в середине августа 3-я бригада вошла в г. Курган. Бойцы бригады обнаружили склад спирта и многие напились. Воспользовавшись этим, колчаковцы переправились обратно через Тобол, выбили из города бригаду и закрепились на его окраинах. На выручку бригаде начдив послал полк С.В. Домолазова, двигавшийся до того в резерве дивизии. Ознакомившись с обстановкой на месте, С.В. Домолазов отказался от штурма города. Во главе трех сотен кавалеристов в достаточном удалении от Кургана на рассвете вплавь переправился через Тобол, ураганом

налетел и стал громить тылы и штабы белых. Одновременно начал форсирование реки и его полк. Белые без боя оставили город и в беспорядке отступили на 40 верст.

В сентябре белые войска перешли в контрнаступление. Красные войска отступали. При этом полк С.В. Домолазова большую часть пути находился на открытом правом фланге, постоянно подвергался ударам больших сил белых. Однажды он очутился в положении, которое создавало угрозу не только его полку, но и всей бригаде. Обстановка складывалась довольно серьезная, даже угрожающая. Противник, действуя весьма энергично с фронта, охватывал с флангов все три его батальона. Намечалось окружение. Силы белых здесь, по данным разведки, должны были превосходить силы полка больше чем вдвое. Ставились под угрозу тылы всей бригады и даже дивизии. Но и в этом бою Степан Васильевич вышел победителем, умело используя свои резервы [3, с. 221].

Степан Васильевич был одержим желанием взять в плен самого А.В. Колчака. И доставить его в Москву к В.И. Ленину. Для выполнения этой задачи он отправил в тыл к белым специальную группу захвата из 17 добровольцев [3, с. 229].

Выдержав сентябрьское контрнаступление войск адмирала А.В. Колчака, красные войска закрепились на рубеже реки Тобол и готовились к новому наступлению. В ночь с 13 на 14 октября 1919 г. Красная армия начала вторую переправу через реку Тобол. 39-й полк форсировал Тобол первый в бригаде. Благодаря дружным и слаженным действиям разведчикам полка, которые уничтожили все средства связи и огневые точки противника в районе села Ялым за час до переправы, С.В. Домолазову удалось обмануть колчаковцев настолько искусно, что он со своим полком очутился на восточном берегу незамеченным. Противник, застигнутый врасплох, был отброшен далеко от реки. Другие полки бригады беспрепятственно переправились через Тобол вслед за 39-м полком.

Однако противник скоро пришел в себя и подтянул большие силы. Завязались ожесточенные бои. Некоторые селения многократно переходили из рук в руки. Обе стороны несли большие потери. В этих боях был тяжело ранен С.В. Домолазов [3, с. 234].

После выздоровления Степан Васильевич со своим полком участвовал в войне с белополяками и в освобождении Армении.

С окончанием Гражданской войны служба С.В. Домолазова не закончилась, он остался в Рабоче-крестьянской Красной Армии до 1930 г.

дослужившись до звания комдива. Выйдя на пенсию, он проживал в городе Горький, где был арестован по ложным обвинениям и расстрелян.

В заключение можно сказать, что, несмотря на всю свою неординарность, С.В. Домолазов многое сделал для победы революции. Легенды о нем ходили еще при жизни. Несомненно, Степан Васильевич из плеяды Котовского и Чапаева, рожденных революцией и беззаветно преданных своему делу. Он был единственным представителем татарского народа, который за подвиги в годы Гражданской войны был трижды награжден орденом Красного Знамени РСФСР. К орденам у Степана Васильевича было шестнадцать ранений и золотое оружие. Земляками он был прозван «Албаевским Чапаевым» [1, с. 178].

8 февраля 1956 г. решением Военной коллегии Верховного Суда СССР Домолазов был посмертно реабилитирован.

Источники и литература

1 Исмагилов И. Ф. Герои татарского народа : науч. изд. Казань : Тат. кн. изд-во, 2006. 200 с.

2 Татарский Чапаев. URL: <http://tatarfact.ru/?p=1302>. – 05.11.2016.

3 Федоров А. Ф. Октябрьские зори. Москва : Воениздат, 1962. 264 с.

Е.В. Усачев

ДОННЫЕ КЛЕЙМА НА ГИЛЬЗАХ ОТ ПАТРОНОВ К СТРЕЛКОВОМУ ОРУЖИЮ

**(на материалах Тобольско-Петропавловской операции,
август – октябрь 1919 года)**

Аннотация. *В статье систематизированы данные о донных клеймах на гильзах от патронов 7,62x54 к стрелковому оружию, использовавшихся в ходе Тобольско-Петропавловской операции на территории современной Курганской области. Статистические данные приводят автора к выводу о том, что без поставок импортных боеприпасов ведение полноценных боевых действий в тот период было бы невозможно.*

Ключевые слова: Гражданская война в России, Тобольско-Петропавловская операция, маркировка гильз, боеприпасы к стрелковому оружию.

Основной целью данной публикации является введение в научный оборот данных о части коллекции предметов, собранных в течение

10 лет при подготовке к изданию книги «Битва на Тоболе: 1919 год в Курганской области» О.А. Винокурова [1; 2; 3].

Наиболее репрезентативно в коллекции на сегодняшний день представлены гильзы от патронов к различным видам стрелкового вооружения, использовавшегося противоборствующими сторонами в ходе боестолкновений в рамках Тобольско-Петропавловской операции. Эти предметы представляют несомненный интерес, так как они относятся к событиям, которые А.М. Вольпе характеризует следующим образом: «...являясь по существу только эпизодом в гражданской войне, эта операция исторически замечательна тем, что именно здесь белым был нанесен последний смертельный удар, после которого они уже не смогли оправиться» [4, с. 79].

Гильзы к стрелковому оружию при всей своей невзрачной унификации являются чрезвычайно информативным источником, особенно если они имеют четкую привязку к историческому контексту (известно место боя, где они были обнаружены и известно описание боевых действий на обследуемой территории). Казалось бы, небольшой артефакт, имеющий узкую специализацию, может рассказать очень многое и о событиях ушедших дней, и о собственной «биографии», если к нему отнестись внимательно. В частности в ранее опубликованной работе мы рассматривали их повседневное, небоевое использование солдатами [6].

Практически все гильзы к стрелковому оружию в рассматриваемый исторический период (Гражданская война в России) имеют маркировку производителя, нанесенную различными способами. Благодаря этому можно с абсолютной уверенностью идентифицировать происхождение гильз к стрелковому оружию. В частности можно четко выделить 4 страны-производителя, чьи боеприпасы к стрелковому оружию массово использовались в ходе Тобольско-Петропавловской операции (август-октябрь 1919 года) на территории современной Курганской области. Это Россия, Англия, Франция и США.

Гильзы российского производства в подавляющем большинстве одного типа – к патрону 7,62x54 – штатному боеприпасу к винтовке системы Мосина. Франция представлена исключительно гильзами 8x50 от патронов к винтовке Лебеля. Англия и США являются источником двух типов гильз – 7,62x54 (российский заказ на патроны к винтовке Мосина) и 7,7x56 – стандартный английский патрон, также широко известный, как 303 British, использовавшийся с винтовками системы

Ли-Энфилд и пулеметами различных систем.

Опираясь на клейма на донной части гильз, можно уверенно идентифицировать не только конкретного производителя, но и год производства.

В представленной ниже таблице 1 (где сведены данные только по гильзам к патронам 7,62x54 в силу того, что они являются самыми массовыми из применявшихся обеими противоборствующими сторонами) можно ознакомиться со всем разнообразием зафиксированных клейм производителей на гильзах к стрелковому оружию, обнаруженных в ходе обследования мест боевых действий, разворачивавшихся в рамках Тобольско-Петропавловской операции.

Таблица 1 – Клейма производителей на донной части гильз от патронов 7,62x54

№	Маркировка		Производитель
1	Кайнок-17	7,62	Kynoch& Co. (Imperial Chemical Industries, Ltd.) Witton. Birmingham, U.K.
2	Кайнок 1-17	7,62	Kynoch& Co. (Imperial Chemical Industries, Ltd.) Witton. Birmingham, U.K.
3	G-17	7,62	Greenwood and Batley Ltd, Leeds, U.K.
4	G.17 F.1	7,62	Government Cartridge Factory No 1, Blackheath, Staffordshire, U.K.
5	G.17 F.3	7,62	Government Cartridge Factory No 3, Blackpole, Worcestershire, U.K.
6	G.17 F.4	7,62	Government Cartridge Factory No 4, Edmonton, North London, U.K.
7	G.18 F.1	7,62	Government Cartridge Factory No 1, Blackheath, Staffordshire, U.K.
8	G.18 F.4	7,62	Government Cartridge Factory No 4, Edmonton, North London, U.K.
9	RAL-17	7,62	Royal Laboratory, Woolwich Arsenal, Kent, U.K.
10	E.17	7,62	Eley Brothers, Ltd., Edmonton, London, U.K.
11	REMINGTON-16	7,62	Remington Arms Co., Inc, Bridgeport, Connecticut, U.S.A.
12	REMINGTON-17	7,62	Remington Arms Co., Inc, Bridgeport, Connecticut, U.S.A.
13	U.S.C.Co 16	7,62	United States Cartridge Co., Lowell, Mass, U.S.A.
14	U.S.C.Co 17	7,62	United States Cartridge Co., Lowell, Mass, U.S.A.

15	W 16	7,62	Winchester Repeating Arms Company, Bridgeport CT, U.S.A.
16	W 17	7,62	Winchester Repeating Arms Company, Bridgeport CT, U.S.A.
17	П 02 Р I		Петербургский патронный завод
18	П 03 Ф I		Петербургский патронный завод
19	П 04 Ф III		Петербургский патронный завод
20	П 04 Р I		Петербургский патронный завод
21	П 06 Ф III		Петербургский патронный завод
22	П 07 Т I		Петербургский патронный завод
23	П 12 Р III		Петербургский патронный завод
24	ПП 14		Петербургский патронный завод
25	П 10		Петербургский патронный завод
26	П 14		Петербургский патронный завод
27	П 15		Петербургский патронный завод
28	П 16		Петербургский патронный завод
29	П 17		Петроградский патронный завод
30	П 18		Петроградский патронный завод
31	П 19		Петроградский патронный завод
32	С 19		Самарский патронный завод
33	П ТУЛЬСКИЙ З 902		Тульский патронный завод
34	П ТУЛЬСКИЙ З 905		Тульский патронный завод
35	П ТУЛЬСКИЙ З 906		Тульский патронный завод
36	Т 09		Тульский патронный завод
37	Т 11		Тульский патронный завод
38	Т 13		Тульский патронный завод
39	Т 14		Тульский патронный завод
40	Т 15		Тульский патронный завод
41	Т 16		Тульский патронный завод
42	Т 17		Тульский патронный завод
43	Т 18		Тульский патронный завод
44	Т 19		Тульский патронный завод
45	Т 3 19		Тульский патронный завод

46	Л 904 Г I		Луганский патронный завод
47	Л 904 К I		Луганский патронный завод
48	Л 905 III		Луганский патронный завод
49	Л 911 Г II		Луганский патронный завод
50	Л 010		Луганский патронный завод
51	Л 915		Луганский патронный завод
52	Л 916		Луганский патронный завод
53	Л 917		Луганский патронный завод
54	Л 918		Луганский патронный завод

На данный момент обобщены данные по артефактам, собранным на местах 43 боев, в количестве 8440 гильз к патронам 7,62x54, из которых выявлены 54 варианта донных клейм 14 уникальных производителей. Следует отметить, что коллекция формировалась постоянными поступлениями в течение 10 лет. На протяжении всего этого времени наблюдалась четко выраженная тенденция – вне зависимости от увеличения количества артефактов процентное соотношение гильз разных стран-производителей оставалось практически неизменным. Здесь необходимо учесть также тот факт, что гильзы к патронам американского и английского производства относятся исключительно к 1916, 1917 и 1918 годам, тогда как гильзы от патронов российского производства представлены промежутком от 1902 до 1919 года.

На рисунке 1 представлено процентное соотношение гильз 7,62x54 от патронов к стрелковому оружию с привязкой к странам-производителям.



Диаграмма 1 – Процентное соотношение гильз от патронов 7,62x54 с учетом стран-производителей боеприпасов

Таким образом, мы можем видеть, что практически 77% боеприпасов 7,62x54 к стрелковому оружию, использовавшихся в ходе Тобольско-Петропавловской операции, имеют иностранное происхождение.

Такое количество импортного вооружения объясняется тем, что еще во время Первой мировой войны текущая потребность России в винтовочных патронах значительно превысила отечественные производственные мощности. «Для удовлетворения потребностей армии в винтовочных патронах в России было три патронных завода; заводы были рассчитаны на производительность: первый 200 000 000 патронов, второй – 150 000 000 и третий – 200 000 000, а всего 550 000 000 патронов в год» [7, с. 189].

Первый же год войны показал, что потребности армии превышают 3 млрд патронов 7,62x54 в год, вследствие чего уже в начале 1915 года российские власти были вынуждены прибегнуть к активным действиям по массовым заказам патронов 7,62x54 за границей. В частности в Англии и США.

Поставки боеприпасов по данным заказам осуществлялись стабильно и были прекращены сразу же после вооруженного государственного переворота в России в октябре 1917 года. Впоследствии с началом Гражданской войны в России и оформлением Белого движения страны Антанты наладили поставки в том числе и уже произведенных по русским заказам патронов противникам большевиков, в частности армии адмирала Колчака, участвовавшим в боевых действиях на территории современной Курганской области в августе-октябре 1919 года.

Вместе с тем из отечественных производств полностью работоспособным к 1919 году оставался только частный Тульский патронный завод. Луганский патронный завод в апреле 1918 года был захвачен немцами, а к ноябрю перешел под контроль атамана Краснова. Петроградский патронный завод весной 1918 года был частично эвакуирован в Симбирск, а его оборудование перераспределено между другими заводами, включая завод в Симбирске. Соответственно собственное, российское производство патронов к стрелковому оружию было сведено к минимуму. Рассматриваемые материалы коллекции могут являться одним из косвенных подтверждений этого факта.

Несомненным лидером среди поставщиков боеприпасов, опираясь на материалы коллекции, можно назвать английскую фирму Kynoch&Co. (Imperial Chemical Industries, Ltd.). На ее долю приходится 2637 артефактов, что составляет 31,2% от общего известного количе-

ства. Только боеприпасы этой фирмы численно превосходят все российские вместе взятые, их насчитывается 1951 единица (23,1% от общего количества). Следующими по массовости следует признать английскую фирму Greenwood and Batley Ltd – 1358 единиц и 16% и английский же консорциум Government Cartridge Factory (созданный специально под выполнение русского патронного заказа) с 1348 единицами и 15,9%, соответственно.

Превалирование боеприпасов к стрелковому оружию английского производства является не случайным. В своей монографии «Снабжение русской армии в великую войну винтовками, пулеметами, револьверами и патронами к ним» А.П. Залюбовский указывает, что заготовки русских 3-линейных патронов в Англии в 1915 году превысили 1 млрд штук, в 1916 году – 2,3 млрд штук, а в 1917 году – 1,4 млрд штук [5, с. 111].

Доля американских производителей относительно невелика – 951 единица и 11,3% от общего числа. Чаще всего встречается продукция фирмы Remington Arms Co., Inc – 519 единиц (более половины от всех американских поставщиков) и 6,1% от общего количества. Как отмечает А.П. Залюбовский, к концу деятельности Русского заготовительного комитета в Америке в Россию было отправлено 816 153 000 штук русских 3-линейных патронов [5, с. 110].

Среди отечественных производителей несомненным лидером является Петроградский (Санкт-Петербургский, Петербургский) патронный завод (наиболее массово представленный продукцией 1917-1919 гг.), на долю которого в коллекции приходится 1739 единиц. Это чуть более 20% от общего количества собранного материала и почти 90% от количества, принадлежащего отечественным производителям. Вторым по численности является Тульский патронный завод, представленный в коллекции 173 единицами, что составляет 8,8% гильз всех отечественных производителей.

Опираясь на материалы коллекции, можно утверждать, что без поставок импортных боеприпасов полноценное ведение боевых действий противоборствующими сторонами в рамках, как минимум, Тобольско-Петропавловской операции было бы фактически невозможным, что заставляет по-новому взглянуть на роль стран Антанты в Гражданской войне.

В связи с этим стоит особо отметить интересный и немаловажный факт, содержащийся в работе А.П. Залюбовского: по его данным, заго-

товки русских 3-линейных патронов в Англии продолжились и в 1918 году, когда в масштабах России уже шла полноценная Гражданская война. И они составили более 2,7 млрд штук, что превосходит заготовки любого года Первой мировой войны [5, с. 111].

374 гильзы от патронов к стрелковому оружию английского производства, представленные в материалах коллекции, имеют маркировку, указывающую на то, что они были произведены в 1918 году. С одной стороны, это косвенно подтверждает сведения из монографии «Снабжение русской армии в великую войну винтовками, пулеметами, револьверами и патронами к ним», а с другой – является ярким свидетельством того, что страны Антанты были заинтересованы в активном стимулировании ведения Гражданской войны на территории России.

Источники и литература

- 1 Винокуров О. А. *Битва на Тоболе: 1919-й год в Курганской области. Кн. 1. Шумиха : Шумихинская межрайонная типография, 2013. 272 с.*
- 2 Винокуров О. А. *Битва на Тоболе: 1919-й год в Курганской области. Кн.2. Шумиха : Шумихинская межрайонная типография, 2015. 464 с.*
- 3 Винокуров О. А. *Битва на Тоболе: 1919-й год в Курганской области. Кн.3. Шумиха : Шумихинская межрайонная типография, 2016. 509 с.*
- 4 Вольпе А. М. *Петропавловская операция // Сборник трудов военно-научного общества при Военной академии. Кн.3. 1922. С. 77-107.*
- 5 Залюбовский А. П. *Снабжение русской армии в великую войну винтовками, пулеметами, револьверами и патронами к ним. Белград : Издание центрального правления общества русских офицеров-артиллеристов за рубежом, 1936. 127 с.*
- 6 Усачев Е. В. *Гильзы от патронов к стрелковому оружию как один из аспектов предметно-бытового мира Гражданской войны (на материалах Тобольско-Петропавловской операции) // Пятая Югорская полевая музейная биеннале : сборник докл. научн-практич. конф. «Роль полевых исследований в сохранении историко-культурного и природного наследия Югры». Ханты-Мансийск : Печатный мир, 2014. С.79-81.*
- 7 Федоров В. Г. *Эволюция стрелкового оружия. Москва : Воениздат, 1939. Ч. 2. 517 с.*

СОЛДАТСКИЕ ОБЕРЕГИ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (на материалах находок в Зауралье)¹

Аннотация. В статье рассматривается феномен солдатского оберега. На материалах находок в Зауралье (в пределах территории современной Курганской области) подобных предметов периода Гражданской войны делается анализ проявлений религиозной и «бытовой» мистических функций солдатских оберегов как способов формирования субъективной защиты индивида от угрозы ранения и гибели в период боевых действий.

Ключевые слова: солдатский оберег, протективная (охранительная) функция, Гражданская война, Зауралье.

Кризисные периоды развития общества провоцируют в массовом сознании веру в сверхъестественные явления, рост суеверий. По данным аналитического агентства Washington ProFile, во времена кризисов заметно возрастает популярность услуг магов, гадалек и т.п. Кроме того, существенно увеличиваются продажи различных талисманов, а популярность суеверий достигает невиданных масштабов [11]. Причиной этого является известный в психологической науке факт, что в ситуации неопределенности, когда резко возрастает риск нанесения ущерба жизни, здоровью либо материальному благополучию индивида, а факторы, которые определяют этот риск, практически независимы от действий индивида, для сохранения психологического здоровья он нуждается хотя бы в иллюзии контроля над происходящими событиями [см. например, 13, р.187-190].

Одним из ярчайших примеров подобного является вооруженный конфликт. Ситуация вооруженной борьбы противостоящих групп провоцирует социальный хаос в виде распада привычных систем управления обществом, при этом сопрягаясь с реальной угрозой для жизни, здоровья и материального благополучия индивида. Соответственно во время вооруженных конфликтов, военных действий происходит очевидный рост суеверий, возрастает популярность мистических практик

¹ Автор выражает благодарность сотрудникам экспертно-криминалистического центра УМВД России по Курганской области Р.С. Юмозжанову и А.Г. Татарникову за помощь в обработке материала находок.

и ритуалов и т.д. Наиболее уязвимой социальной группой в вооруженных конфликтах являются непосредственные участники столкновений – солдаты. В силу очевидных причин именно они выступают в качестве уничтожаемого ресурса в ходе боевых действий. Естественный страх перед смертью, присутствие реальной угрозы жизни и здоровью солдат на войне породили особую ритуалистику, призванную создать у солдата веру в свою неуязвимость, возможность сохранить жизнь и здоровье в ходе боевых действий. Примерами такой ритуалистики являются солдатские заговоры, амулеты, обереги, солдатские суеверия и т.д.

«Общая суть этих предметов и действий, как уже было указано ранее, заключается в создании хотя бы иллюзии контроля над факторами, несущими реальную угрозу жизни и здоровью солдата на войне, а именно поражающими элементами оружия (при этом реальный контроль над этими явлениями невозможен). При этом существование в условиях постоянного присутствия фактора угрозы жизни и здоровью индивида в ходе боевых действий имеет крайне негативное влияние на психику. Как отмечается в психологических исследованиях «Астено-депрессивные симптомы у военнослужащих выражались в постоянном чувстве тревоги, страха, нарушении сна, снижении физической работоспособности, подавленном настроении, в некоторых случаях – в проявлении аутизма или повышенной возбудженности, предъявлении большого количества жалоб на самочувствие и др. Для психотической симптоматики было характерно наличие чувства страха, нервные тики, ступорозные или эксплозивные реакции, временное нарушение сознания вплоть до возникновения зрительных или слуховых галлюцинаций, нарушение адекватности восприятия происходящего, частичная деперсонализация и социальная дезадаптация. Результаты психологических обследований, наблюдений и бесед с военнослужащими позволили определить динамику появления и развития психических нарушений. Так, формирование предпосылок к психическим нарушениям происходит в период подготовки к ведению боевых действий. На данном этапе отмечается перенапряжение механизмов нервно-эмоциональной регуляции, что приводит у некоторых военнослужащих к срыву адаптации и проявляется в разнообразных астено-невротических реакциях и состояниях. Наивысшего пика выраженность астенических состояний достигает в период ведения боевых действий, когда угроза смерти как никогда реальна, но на этом же этапе происходит трансформация невротических нарушений в психотические реакции. После заверше-

ния боевых действий или вывода из них военнослужащих на кратковременный отдых выраженность астенизации и возрастание признаков психотической симптоматики снижаются. Таким образом, воздействие психотравмирующих факторов боевых условий затрагивает, прежде всего, эмоциональную сферу, а затем в силу личностных особенностей у многих военнослужащих нарушается регуляция поведения, а также морально-нравственной и когнитивной сфер» [7].

Для снижения негативного воздействия психотравмирующих условий в ходе боевых действий и сохранения функционирования психики в приемлемом (адаптивном) режиме, позволяющем выполнять поставленные боевые задачи, индивид вынужден использовать имеющиеся у него психологические ресурсы, направленные на формирование субъективного чувства психологической защищенности и контроля над ситуацией. Во многих случаях элементом такого ресурса являлись проявления так называемой «бытовой» религиозности и мистики как призыва высших сил к сохранению жизни и здоровья солдата на войне: чтение молитв, соблюдение религиозных ритуалов, заговоры, суеверия, вера в приметы, ношение амулетов и оберегов и т.д. При этом, как отмечают исследователи, проявление бытовой религиозности на войне в значительной степени зависит от общей религиозной ситуации в обществе. Так, в анализе проявлений религиозности на войне Е.С. Сенявская отмечает выраженное присутствие традиционной, преимущественно православной религиозной ритуальности в бытовой религиозности российских солдат в военных конфликтах первой половины XX века (Русско-японская война, Первая мировая война, отчасти Великая Отечественная война) с постепенным переходом к преобладанию бытовой мистики и языческих проявлений в религиозности солдат в военных конфликтах с участием Советской и Российской Армии в войнах второй половины XX века (война в Афганистане, вооруженный конфликт в Чечне). Данный процесс, по мнению Е.С. Сенявской, обусловлен государственной политикой России и Советского Союза по отношению к религии в обществе [12].

При этом независимо от исторического периода, в который происходил вооруженный конфликт, ряд элементов солдатской религиозной ритуальности остается неизменным: «хранение амулетов и талисманов (не обязательно религиозных символов, хотя часто талисманами служили ладанки и нательные крестики; молитвы (не обязательно традиционные, часто – у каждого свои – самодельные)» (12, с. 75].

Соответственно можно сделать вывод о том, что молитвы, талисманы и амулеты относятся к наиболее устойчивым элементам солдатской протективной (охранительной) ритуалистики, сохраняющим свою значимость относительно независимо от исторической эпохи.

Предметом исследования в данной работе являются случайные находки элементов солдатской протективной ритуалистики на местах боевых действий во время Гражданской войны на территории Зауралья (в границах современной Курганской области). Она характеризовалась активными боевыми действиями в период июля-ноября 1919 г. Их жесточенность, отмечаемая исследователями [см. например, 5], очевидным образом обусловила стремление солдат сохранить свою жизнь и здоровье, в том числе прибегая к религиозным и мистическим ритуалам. Примером этого являются найденные в гильзах от патронов к 7,62 мм винтовке системы Мосина артефакты, которые могут быть интерпретированы как солдатские обереги, то есть «предмет, оберегающий, охраняющий от чего-н.» [9]. В качестве оберегов традиционно использовалась религиозная и мистическая символика. Помещение оберегов так же, как и иных мелких предметов солдатского быта, в гильзы от патронов являлось утилитарной традицией военных конфликтов первой половины XX века. Примером подобного может служить гильза, найденная на левом берегу р. Тобол в окрестностях с. Бараба Кетовского района Курганской области. Внутри гильзы находился фрагмент листа бумаги с частично сохранившейся надписью синими чернилами, начинающейся словами: «Отче наш еже ... Небесе ...» и заканчивающейся словом «Аминь» (рисунок 1).

Несмотря на то, что надпись сохранилась не полностью, уцелевшие фрагменты текста позволяют с уверенностью утверждать, что это – рукописный текст православной молитвы «Отче наш» (молитвы Господней). «Эта молитва называется Господнею, потому что ее дал Сам Господь Иисус Христос Своим ученикам, когда они просили Его научить, как им молиться. Потому эта молитва — самая главная молитва для всех» [8]. Использование текста молитвы «Отче наш» в качестве оберега позволяет предположить, что в данном случае солдат выбирает наиболее важную в православии молитву в качестве обращения к Богу для сохранения своей жизни и здоровья. «Протективная (охранительная – С.Д.) функция сакрального текста псалма (молитвы) реализуется через номинации обещания спасения, защиты, охраны ... при условии любви к Богу, веры в него и исполнения его заповедей» [3]. Особую

значимость найденному артефакту с текстом молитвы придает то, что на обратной стороне листа указаны имя, фамилия и звание военнослужащего – владельца данного оберега: Прохоров Ефим Митрофанович 1882-Х-17 Унтер-офицер ?8 Симбирского стрелкового батал(ьона – С.Д.) (рисунок 2).



Рисунок 1 – Фрагмент листа бумаги с текстом молитвы Господней (фото А.Г. Татарникова)



Рисунок 2 – Обратная сторона фрагмента листа бумаги с текстом молитвы Господней (фото А.Г. Татарникова)

Как указывают исследователи, именно 9-й Симбирский полк, в состав которого, по-видимому, входил указанный стрелковый батальон, находился на позициях возле с. Бараба, противостоя войскам РККА [5, с. 111]. Таким образом, представленный артефакт является персонализированным оберегом, выполняющим не только протективные функции, но и, по всей вероятности, функции солдатского медальона, обозначая тем самым оригинальную двойственность ситуации – сочетание охранительной функции с подразумеваемой функцией солдатского медальона в качестве способа идентификации погибшего бойца. Одна из возможных интерпретации такой двойственности заключается в том, что военнослужащий, не исключая возможности своей гибели и, будучи психологически готовым к ней, хотел бы погребения по христианскому обряду, о чем и просит в своем молитвенном обращении.

Еще одним примером солдатского оберега является гильза, найденная на левом берегу р. Малый Кизак, на месте бывшего села Мало-Кизацкое Мокроусовского района Курганской области. В гильзе находился фрагментированный лист бумаги с печатным текстом, включающим следующие слова «...ово осанн... значить ...ропась праздни-ка ... ме...ь воздвигль е... знаменія носяще, «Теб...вень г...дый

... Ты Хри ... дь ... посему мы подобно дѣтям ... взываемъ къ Тебѣ, Побѣдителю ... во Господне!)» (оригинал написания сохранен – С.Д.) (рисунок 3).

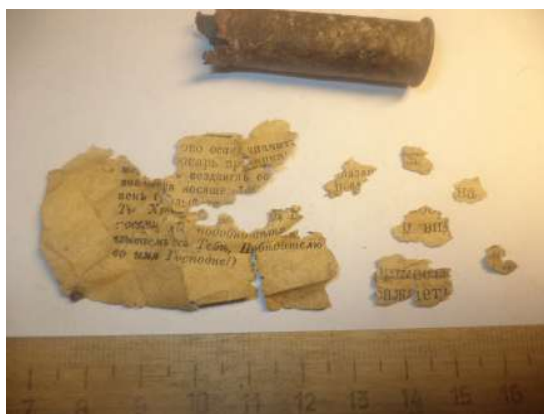


Рисунок 3 – Фрагментированный лист бумаги с печатным текстом тропаря к празднику Вход Господень в Иерусалим (фото автора)

Данный текст является текстом из православной богослужебной книги с фрагментом тропаря к празднику Входа Господня в Иерусалим (Вербное Воскресение) (современное написание): «В общем воскресении прежде Твоего страдания удостоверяя, Ты, Христе Боже, воскресил из мертвых Лазаря. Посему мы, подобно детям, нося знамение победы, восклицаем Тебе - победителю смерти: «Осанна в вышних, благословен идущий во имя Господне». Помещение именно данного текста в гильзу, позволяет утверждать о неслучайности данного действия. Как свидетельствуют священнослужители по поводу тропаря к празднику Вход Господень в Иерусалим: «В сем церковном песнопении прославляется Христос, как победитель смерти. Так Он назван потому, что из мертвых воздвиг Лазаря единственно силою своего всемогущего слова. Для чего совершил Он это чудо? Для того, чтобы уверить нас в общем для всех воскресении» [6].

Соответственно в представленном тропаре к празднику Входа Господня в Иерусалим присутствует подразумеваемая победа над смертью, выражаемая в изложении чуда о воскресении Лазаря, т. е. данный текст, по ожиданию солдата, вероятно, должен был выполнять протективную функцию, предохраняя его от гибели. В исследованиях отмечен

факт использования информации о чуде воскресения Лазаря в качестве религиозного охранительного текста. «Притчи являются базовым элементом пасторских бесед, в которых описываются примеры защиты истинных христиан Богом и чудес, творимых им (воскрешение Христом Лазаря, исцеление им прокаженного, хромого, слепого; утоление Богом голода страждущих семью хлебами и т. д.)» [3]. Примечателен факт использования текста именно из богослужебной книги. В исследовании, посвященном изучению обережных текстов в военном быту забайкальских старообрядцев, зафиксирован следующий факт: «... когда сын уходил на войну, ему кроме медной иконки и других оберегов давали текст «Символа веры» и «Живые в помощи». А чтобы этот текст был ещё более действенным, его «брали» из святой книги, а не переписывали» [4]. Возможно, в данном случае заимствования тропаря к празднику Входа Господня в Иерусалим из богослужебной книги проявляется стремление солдата усилить действенность оберега, придав ему дополнительные сакральные черты.

Кроме православной религиозной протективной ритуалистики в качестве оберега могли использоваться и предметы «бытовой» мистики. Примером такого оберега, возможно, является янтарная бусина из гильзы, найденной в окрестностях с. Кукушкино Лебяжьевского района Курганской области (рисунок 4).



Рисунок 4 – Янтарная бусина (фото автора)

Янтарные бусы являлись традиционным и излюбленным элементом женского костюма, что отмечается в целом ряде исследований. «Старообрядки очень любили украшения, особенно янтарные бусы» [2].

Само по себе изделие из янтаря являлось мощным оберегом. «Янтарь – оберег от злых духов, всевозможной нежити и нечисти, врагов, недоброжелателей и преследователей» [1]. Также янтарная бусина могла выступать в качестве оберега, амулета, врученного солдату-мужчине от женщины: матери либо жены. В этом случае оберег выступал в качестве предмета, хранящего солдата от гибели посредством эмоциональной связи с родным домом и близкими, причем в качестве хранительниц выступали именно женщины. «Вот война была, один солдат пришёл с фронта. Всю войну прошёл и пришёл домой. Пришёл и говорит матери: "Мать, ты за меня, наверное, молилась. Я всю войну прошёл, стреляют, я двадцать пять шинёлок сменил. Всю шинёлку истреляют, а тело целое". Вот мать молилась за него, и его Бог хранил, его пуля никакая не брала» [10]. Использование в качестве солдатских оберегов символов, связанных с родным домом, является традицией, которая, утратив религиозную составляющую, во многом сохранила «бытовую» мистику и в такой форме дожила до настоящего времени. Так, в воспоминаниях участника войны в Афганистане присутствует такая фраза: «Но у значительной части солдат были какие-то религиозные амулеты, и солдаты несколько иронично говорили об этом, – говорили, что это память о доме, что это дали родители или кто-то из членов семьи» [12, с.70].

Представленный анализ солдатских оберегов, найденных на территории Зауралья в границах современной Курганской области, позволяет сделать следующие выводы:

1 Несмотря на количественную незначительность проанализированного материала, сам факт того, что солдатские обереги найдены в различных местах Курганской области, разделенных десятками километров, предполагает достаточную распространенность подобных артефактов. Крайняя редкость случаев нахождения солдатских оберегов – обнаруженные автором солдатские обереги (рисунки 2, 3) были найдены в ходе осмотра нескольких тысяч гильз – может быть объяснена недолговечностью материала оберегов – бумаги с рукописным или печатным текстом, а также отсутствием целенаправленного поиска подобных артефактов.

2 Выявленные варианты солдатских оберегов периода Гражданской войны, найденные на территории Зауралья, представляют собой примеры «бытовой» религиозности и мистики, включающие как православную протективную ритуалистику, так и элементы языческой охранительной магии. Причем оба варианта являются вполне традиционными

для подобного рода артефактов, существовавшими на протяжении многих веков и благополучно доживших и до настоящего времени.

В целом проведенное исследование показало необходимость дальнейшего поиска и изучения материалов, связанных с использованием протективных ритуалов солдатами в ходе боевых действий на территории Зауралья, равно как и других регионов, в годы Гражданской войны с целью определения региональных, социальных и психологических особенностей создания и применения солдатских оберегов в данный исторический период. Результаты, полученные в ходе подобных исследований, позволят понять восприятие Гражданской войны и отношение к ней воюющих сторон, получить информацию о психологическом состоянии солдат на этой войне, определить сходство и различия между психологией солдат РККА и Белого движения и, в итоге, глубже понять саму сущность Гражданской войны 1918-1922 гг.

Источники и литература

- 1 Авнерова С. Полная энциклопедия камней и амулетов. Лечебные и магические свойства. Санкт-Петербург : Лениздат, 2006, 496 с.
- 2 Архипова Н. Г. Наименования женской одежды в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // Вестник СВФУ. 2013. №5. С.96-100.
- 3 Астафурова Т. Н., Олянич А. В. Лингвосомиотика сакральности: знак, слово, текст // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2009. №1. С.80-87.
- 4 Буралева С. В., Костров А. В. «Сия богодухновенная книшка писана в городе Осаки в плену»: рукописные молитвы и обережные тексты в военном быту забайкальских старообрядцев (нач. XX в.) // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2012. №2. С.120-127.
- 5 Винокуров О. А. Битва на Тоболе: 1919-й год в Курганской области. Кн.1. Шумиха : Шумихинская межрайонная типография, 2013. 272 с.
- 6 Епископ Виссарион (Нечаев). Костромские поучения. Прославление победы Христа над смертью. Поучение в неделю Ваий // Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vissarion_Nechaev/kostromskie-poucheniya/2_5.
- 7 Маклаков А. Г., Чермянин С. В., Шустов Е. Б. Проблемы прогнозирования психологических последствий локальных военных конфликтов // Психологический журнал, 1998. Т. 19. № 2. С. 15-26.
- 8 Объяснения церковных и домашних молитв // Портал «Православие.Ру». Религиозная организация «Сретенский ставропигиальный мужской монастырь Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)». URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/biblio/molitva/06.htm>.
- 9 Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Москва : ООО «Темп», 2006. 947 с.
- 10 Подюков И. А., Свалова Е. Н. Образ войны в народном представлении (по диалектным и фольклорным материалам Прикамья конца XX – начала XXI В.) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. №3 (23). С.17-27.

- 11 Приметы глобального кризиса. URL: <http://www.inostran.net/article.php?new=1&idart=10020115/>
- 12 Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. Москва : Институт российской истории РАН, 1997, 232 с.
- 13 Thompson, Suzanne C. Illusions of Control: How We Overestimate Our Personal Influence // Current Directions in Psychological Science (Association for Psychological Science). Т. 8 (6): 187-90.

Е.В. Журавлева

О ПЕСЧАНО-ГАЛКИНСКОМ ОТРЯДЕ ПАРТИЗАН-КУСТАРНИКОВ В 1919 ГОДУ

Аннотация. В 1919 году Шадринск и шадринский район захвачен белочехами. В районе села Пески в урочище Ржавцы был создан отряд партизан-кустарников. В статье подробно описаны бытовые условия партизан, их вооружение, бой с карательным отрядом белых 29 июля 1919 года и их последующая казнь в городе Шадринске.

Ключевые слова: партизаны-кустарники, сопротивление белогвардейцам, крестьянское движение, революционное подполье, народное сопротивление призыву в армию Колчака.

В 1919 году в начале июня вблизи села Пески возникает достаточно крупный партизанский отряд. На 7 июня отряд насчитывал около 991 человек крестьян [1, л.3]. Отряд объединял 3 волости полностью: Песчанскую, Галкинскую, Николаевскую – и частично Прошкинскую, всего 20 сел и деревень. Возникновение партизанского отряда было обусловлено необходимостью защиты своих родных сёл от поборов со стороны армии Колчака, от призыва в армию детей с 12 лет. Крестьяне ликвидировали власть Колчака на местах, работа волостных управ по борьбе с дезертирами и большевиками была полностью парализована, сельские старосты скрывались, так как боялись партизан. Тогда как в сёлах стало спокойнее: люди выпасали скот, зная, что в случае нападения продотрядов, партизаны защитят своё имущество. Каков же типичный портрет партизана-кустарника? (Кустарники – от «кустарник, кусты», где они и скрывались). Конечно, это были представители беднейших слоёв населения, бывшие батраки. Один из представителей руководящего состава отряда – Созыкин Степан Фомич, родился в 1896 году в семье бедняка, в 6 лет остался без матери с 3 братьями и одной сестрой. Уже с 10 лет

Степан пошёл в батраки, работал пастухом, борноволоком. Детей воспитывала бабушка, вести хозяйство ей было тяжело, поэтому Степан решил жениться, чтобы взять в дом работницу. Но денег на свадьбу у него не было. Тогда Степан договорился с хозяином, что отработает долг, если тот оплатит женитьбу. На тот момент Степану было 19 лет, через 2 месяца после свадьбы его призвали в царскую армию (1915), а молодая жена осталась у хозяина отрабатывать долг за свадьбу. Воевал в I Мировой войне, с 10 февраля 1919 года демобилизовался на родину, а с 10 марта был призван в армию Колчака. Вместе с другими солдатами решил уйти по своим деревням. От станции Катайск шли пешком, заградотряды по дороге не задержали и не оказали никакого сопротивления. По возвращении домой «дезертиры» колчаковской армии стали собираться на базаре в селе Песчанка, чтобы установить связь с другими сёлами и деревнями. На базаре они выступали с речью, что «колчаковская армия отступает, разлагается изнутри». В результате было решено организовать отряд и укрыться в лесах, так как крестьяне хорошо понимали, что нужно собирать силы для самообороны, и не хотели воевать в белогвардейской армии.

Урочище Ржавцы будто специально для этой цели было создано самой природой. С юга в 100 метрах проходил заболоченный проток вод, что давало возможность охранять отряд. От него к штабу партизан был мелкий лес с кустарником. Чтобы скрыться в нём, достаточно было зайти вглубь 5-10 метров. Массив леса был сплошным, березняк большого возраста пересекался лишь ручьями и небольшими сенокосными лужайками.

Каким образом был организован быт партизан? В организации продовольственного снабжения партизанам помогали их семьи. В сёла высылали подводу с сопровождением 1-2 человека, которые «извещались по адресам семьям партизан, чтобы они несли продукты для своих с запиской в мешке или корзине». Родственникам не разрешалось проникать в отряд, чтобы не выдать место нахождения штаба. В расположении отряда стали организовывать строительство из плетней. Было загорожено арестное помещение, где впоследствии содержались захваченные отрядом колчаковские солдаты, офицеры и другие лица. Для себя партизаны-кустарники стали готовить шалаши человек на 6 или 12, в соответствии с тем, как были разбиты взводы и отделения, и в них подбирались соседи или знакомые. Отряд стал быстро расти – за счёт сбежавших от Колчака. Какое вооружение имелось в отряде? Примерно

у 10% партизан было винторезное оружие (винтовки), 15% имели ружья и берданки, у остальных сбежавших крестьян были лишь пики, топоры и примитивное оружие.

Одной из первых операций стал захват продотряда, в котором было 40 подвод с мукой и часть с зерном, захвачен офицер Кочетков, а также 12 вооружённых солдат. Вскоре о партизанах и их самоуправстве стало известно белогвардейцам. 26 июля 1919 года через связного пришло донесение, что через село Прошкино на Песчанку выслан карательный отряд. «Едем ликвидировать Песчанскую банду». Отряд карателей состоял из 50 подвод по 5-6 человек в каждой, 35 кавалеристов, был хорошо вооружён, в том числе пулемётами. Партизанам стало понятно, что силы не на их стороне. Тогда Степан Созыкин выдвинул предложение, чтобы встретить карателей на дороге против озера Риги и внезапно напасть. Но куда пойдут каратели, было неясно.

В этот момент прибежал один старичок, задыхаясь, он сообщил, что идут вооружённые солдаты просекой на Михайловскую дорогу. В отряде поднялась тревога, начали строить роты к выступлению навстречу карателям. Стало понятно, начали партизан предали, вероятнее всего, свои же, деревенские, что были на стороне белых.

Бой пришлось принимать вблизи штаба партизанского отряда. Навстречу шли цепи карателей. Выстрелы усилились, заговорил и пулемёт. Партизаны пошли в атаку с криком: «За Советскую власть, вперёд, ура!» Эхо переплелось с выстрелами. Один взвод «угадал» против пулемёта, который был установлен на телеге. Лошади уйти назад не позволял лес. Партизаны захватили пулемёт, в то время как пулемётчик карателей сбежал. Казалось бы, победа близка, но партизаны Антон Ефремович Сумин и Василий Семенович Иванищев не смогли открыть огонь из пулемета, так как не были этому обучены и, вероятнее всего, видели такую технику впервые. Тогда командир карателей закричал: «У них нет оружия!» И отряд белых снова ринулся вперёд. Пулемёт отбили, Сумина сразу зарубили, двоих тяжело ранили. Пулемёт вторично захватить не удалось. В это время Степан Созыкин, в руках у которого был лишь топор, схватил документы (списки отряда) и, чтобы не выдать состав, завернул их в пальто и забежал в кусты. Степан закричал часовому: «Бросай пост и уходи!» Партизаны потерпели поражение, многим удалось скрыться в лесу, погибли 62 человека, около 40 человек, раненых и избитых, захватили и отправили в город Шадринск. Самых тяжёлых погрузили на подводы, остальных связали и погнали пешком.

Пленных доставили в городскую тюрьму на берегу реки Исеть. Но пробыли они там недолго, так как фронт наступления Красной армии приближался. Колчаковцы понимали, что скоро придёт новая власть, что им придётся бежать, и не собирались никого оставлять в живых. 29 июля 1919 года пленных партизан и всех, кто находился в тюрьме, повели по городу, чтобы, как им сказали, судить по законам военного времени. О дальнейшей судьбе пленных узнаём из воспоминаний свидетельницы, медсестры Анисьи Осиповны Глебовой. «По улице Розы Люксембург ведут связанных, избитых, грязных арестованных по направлению к бору» [2, л.73]. Через некоторое время охрана на подводе и всадники вернулись в город.

За процессией наблюдали прохожие, был также один мужчина, который увидел в числе пленных своего брата. Прохожие, в числе которых была и медсестра Глебова, направились в бор через кладбище, реку Канаш и железную дорогу. Картина, свидетелями которой они стали, была ужасающей: «На поляне лежат изрубленные люди, стон, среди них один сидит, весь в крови, плачет и жалуется, что вместо суда привели в лес и давай рубить» [3, л.79-80]. В то же время слышались стоны, просьбы пить. Мужчина из числа прохожих нашёл своего брата, который был мёртвым. Он упал на землю и заревел. Медсестра и некто из прохожих стали развязывать верёвки стонущим, кто оказался в живых. Глебова изорвала подол своего платья, стала перевязывать раны. Во время перевязки один из раненых назвался: «Я Бурдин Николай. Скажите жене, что изрублен, но жив». Назвал адрес и имя жены. Один из выживших в кожаной тужурке, когда его развязали, оказался способным встать и пойти на своих ногах. Выживший чудом мужчина решил пойти на железную дорогу к будке охранника и попросить там попить. Но охранник оказался предателем, увидев, что среди казнённых остались выжившие, он сообщил об этом факте в комендатуру города по линии связи.

Вскоре слышался конский топот и крики, сплошной мат. Медсестра и другие прохожие побежали в лес, а каратели всех перевязанных живых снова изрубили саблями. Выходя из лесу, прохожие увидели труп гражданина в кожаной тужурке, недавно ушедшего на своих ногах.

Когда медсестра Глебова вернулась домой, то от волнения (шока) от всего пережитого заболела и не могла встать. Через свою сестру она передала жене Николая Бурдина о трагической судьбе её мужа. Жена Бурдина Анна Семёновна направилась к коменданту города с прось-

бой разрешить похоронить мужа. Комендант разрешил, но при условии, чтоб не разрывать яму, если казнённые уже закопаны. Но женщина не стала выполнять его указания, направилась в лес. Могила была примерно 2×2,5 метра. Сначала нашли брата – Бурдина Александра, голова которого была разрублена пополам до плеча, мозга внутри не было. Стали доставать остальных, чтобы найти Николая Бурдина, который находился в самом низу, его опознали по нательному белью. Братьев увезли в гробах домой, где и установили во дворе. Лишь на второй день увезли хоронить на городское кладбище, неподалёку от церкви. Во время похорон уже была слышна орудийная стрельба, Красная армия была совсем близко.

Известно, что главарём расправы был некто Пётр Тимофеевич Труфанов, владелец мыловаренного и пимокатного заводов, который эвакуировался вместе с белыми за границу. 1 августа 1919 года в Шадринск вступила Красная кавалерия, за ней пехота – всего 184 полка.

10 августа в городе все лавки и учреждения были закрыты, состоялись торжественные похороны всех казнённых. Их привезли в красных гробах в сквер Революции в центре города и захоронили в общей могиле. Через 40 лет в 1959 году Михаил Виноградов по воспоминаниям очевидцев восстановил их имена (список в архиве в наличии), но памятник до сих пор безымянный. Учёный-краевед надеялся, что в бору на месте казни партизан поставят хоть какой-либо памятник. Но прошло уже 100 лет, и этого события так не случилось, благодарные потомки забыли об этой трагедии 1919 года.

Во время работы в государственном архиве города Шадринска в поисках совершенно других материалов я случайно узнала об этой истории и решила обязательно поделиться с современниками. Очень жалко ни в чём не повинных людей, которые стали жертвами и заложниками политических репрессий. Они были неграмотными крестьянами, простыми людьми, которые мало чего хорошего в своей жизни видели. С партизанами поступили с чудовищной жестокостью, зверски расправились, причём дважды. За какую такую вину? Бывшие хозяева покидали город навсегда, вывозили нажитое имущество, но оставляли свои дома, при этом понимая, что за границей их не ждёт ничего хорошего. Оставляли землю, богатство, власть. От этого и нечеловеческая, нереляльная злоба, которая оказалась сильнее совести, сильнее веры, сильнее всех человеческих законов и заповедей.

Источники и литература

- 1 Воспоминания Созыкина С.Ф. об участии в установлении советской власти в Шадринском уезде. «О Песчано-Галкинском отряде партизан «кустарников» в 1919 году. (Часть I, 1959 год) // Шадринский филиал ГАКО. Ф. Р-1038. Коллекция воспоминаний и документов об установлении советской власти и гражданской войне в городе Шадринске и уезде. Оп.1. Ед.хр. 20.
- 2 Воспоминания медсестры Глебовой Анисьи Осиповны // ШФ ГАКО. Фонд Р - 1038. Оп. 1. Ед. хр. 21.
- 3 Письмо гражданки Е.А.Силаковой // ШФ ГАКО. Фонд Р - 1038. Оп. 1. Ед. хр. 21.

С.И. Пудовкин

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО РЕВКОМА ЛЕТОМ И ОСЕНЬЮ 1919 ГОДА

Аннотация. *Завоевание власти рабочим классом создает новый тип политической организации общества, необходимый для построения социализма и коммунизма. Основой этой политической организации является государство диктатуры пролетариата. Уже в первые месяцы существования Советской власти трудящимся массам пришлось вступить в яростную борьбу с остатками свергнутых классов, внешними и внутренними врагами, пытавшимися разгромить молодое социалистическое государство. 22 октября 1919 года вопрос о революционных комитетах обсуждался в ЦК РКП (б). В результате рассмотрения Секретариат ЦК РКП (б) принял Положение о революционных комитетах. 24 октября Положение было подписано Председателем ВЦИК М.И. Калининым и Председателем Совета рабоче-крестьянской обороны В.И. Лениным. 28 октября Положение было опубликовано в «Известиях». В новом декрете был обобщен опыт строительства ревкомов как чрезвычайных органов Советской власти 1918-1919 годах в Средней Азии, Сибири, на Украине, Урале и в центральных губерниях страны. В Положении ревкомы как органы военной и гражданской власти, создаваемые «для упорной обороны против врага и поддержания революционного порядка», были впервые классифицированы по трем типам: в местностях, освобожденных от неприятеля, в прифронтовой полосе и в тылу.*

Ключевые слова: Гражданская война, горнозаводской Урал, революционный комитет (ревком).

Задачи ревкомов, создавшихся в освобожденных от неприятеля местностях, были весьма разносторонними: от военно-организационных до хозяйственных и административных. Это и борьба с бандитизмом, диверсионными группами, остатками белогвардейских шаек, мобилизация всех ресурсов на нужды фронта, обеспечение Красной армии продовольствием, фуражом, восстановление всех отраслей народного хозяйства (промышленности, сельского хозяйства, транспорта и т. д.), организация культурно-просветительной работы, забота о повышении материального благосостояния трудящихся масс: помощь семьям красноармейцев, обеспечение рабочих квартирами, создание пунктов питания, детских учреждений и, наконец, создание условий для передачи власти в руки Советов.

Ревкомы прифронтовой полосы, отмечалось в Положении, должны создаваться реввоенсоветами при обязательном участии местного губернского исполкома и состоять из представителей Реввоенсовета армии и исполкома.

В состав ревкомов тыла входили председатель исполкома, один из членов исполкома и местный военный комиссар. Ревкомы тыла своих отделов не создавали, а пользовались советским аппаратом губерний и уездов, приспособленным для нужд обороны [1, с.26-28].

Широкое распространение получили ревкомы с конца 1918 года и особенно в 1919 году в суровых условиях Гражданской войны. Именно тогда они получили и юридическое оформление в законодательстве Советского правительства. В основу законодательных актов были положены ленинские идеи о специфике ревкомов как чрезвычайных органов диктатуры пролетариата, а также использован уже накопленный ими в то время практический опыт.

То, что ревкомам приходилось работать в различных условиях, в конечном счете определявших особенности их состава и функций, было отмечено «Положение ВЦИК и СНК о ревкомах» от 24 октября 1918 года, где выделено три основных типа ревкомов (в их числе названы и ревкомы освобожденных от неприятеля областей). По положению эти последние создавались в количестве от 3 до 5 человек Реввоенсоветы армии при участии местных органов Советской власти (губисполкомов).

На Урале, освобожденном в результате стремительного наступления Красной армии летом 1919 года, преобладали ревкомы именно этого типа. Существовали они сравнительно недолго и уже осенью 1919 года были распущены и заменены Советами. То же происходило и в

других районах страны. Постановлением Совета обороны от 2 января 1920 года ревкомы были упразднены всюду, за исключением действующих в местностях, только что освобожденных от неприятеля. Там Реввоенсоветам фронтов и армий предоставлялось право ставить вопрос о сохранении ревкомов в случае необходимости [4, с.42-44].

В 1919 году ревкомы возникали, как правило, в городах и в промышленных центрах с преобладанием рабочего населения. В деревне волостные (т. е. сельские) ревкомы создавались далеко не везде. Сельские ревкомы, однако, возникали в отличие от волостных в поселках и бывших волостных центрах также не везде. Но там, где они имелись, волостные ревкомы подчинялись районным (окружным), а также уездным ревкомам, а последние, в свою очередь, губернским и областным ревкомам. Оттуда, т. е. от вышестоящих ревкомов, получались инструкции и распоряжения, которые наряду с инструкциями и декретами центральных советских правительственных органов были обязательны для всех ревкомов [3, с.150-151].

Ревкомы всех видов и ступеней занимали определенное и весьма важное положение в системе органов диктатуры пролетариата в Советской республике периода Гражданской войны. Однако деятельность их носила временный характер, что подчеркивалось во всех юридических документах 1919 года, в том числе и в Положении 24 октября 1919 года. Они должны были произвести «советизацию» освобожденных районов, подготовить условия для выборов в местные Советы и затем уступить им место.

В создании и деятельности ревкомов так же, как и Советов, всюду, в том числе и на Урале, главную, определяющую роль играли коммунисты армейских политотделов и местных организаций. Они опирались на поддержку трудящегося населения, в первую очередь, наиболее сознательной его пролетарской части. Именно в силу этого особенно важную роль играли ревкомы крупных промышленных центров. Одним из них был Нижнетагильский ревком.

Условия создания Нижнетагильского ревкома. С 4 октября 1918 года по 15 июля 1919 года Нижний Тагил находился под властью белых. Но никакие репрессии со стороны колчаковцев не могли устрашить трудящихся, примирить их с угнетателями. Они поднимались на борьбу против интервентов. К июню 1919 года на Урале сложилась и работала разветвленная подпольная организация, объединявшая революционно настроенных рабочих и крестьян [5, с. 62-77].

Однако подавляющее большинство наиболее активных тагильских рабочих, в первую очередь большевиков, сражалось в составе регулярных частей Красной армии на фронтах Гражданской войны. Война оставила тяжелые следы в хозяйстве Нижнего Тагила. Из 9 промышленных предприятий действовала только одна электростанция. Транспорт был разрушен, население голодало. Срочно надо было решать административные вопросы, 20-21 июля состоялись выборы в Нижнетагильский совет рабочих и солдатских депутатов. На общих собраниях граждан Троицко-Александровской, Выйско-Никольской и Нижнетагильской волостей от предприятий и организаций было избрано 35 депутатов.

Но для установления твердого революционного порядка в тылу Красной армии на организационном собрании вновь избранного исполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов с представителями 29-й стрелковой дивизии 3-й Армии было решено образовать Нижнетагильский революционный комитет, который бы сосредоточил в своих руках всю полноту власти, как военной, так и гражданской. То есть первый Совет фактически действовал два дня, а затем передал все полномочия Ревкому, который в свою очередь просуществовал с 23 июля по 30 августа 1919 года.

В сложной обстановке нужны были чрезвычайные, решительные меры. 21 июля состоялось объединенное заседание Исполнительного комитета Временного Совета с представителями командования 29-й стрелковой дивизии 3-й армии. На собрании был заслушан доклад о создании ревкома в Нижнем Тагиле. Принято решение в его состав выбрать трех представителей из исполнительного комитета Временного Совета, а сам Совет распустить, поскольку в данной обстановке не было условий для его широкой деятельности и организации выборов в постоянный Совет. Затем состоялись выборы ревкома и назначение заведующих отделами ревкома [6, оп.1, д.12, л.1-3].

Из протокола от 23 июля 1919 года: *«Первое организационное собрание временного исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов с представителями 29 стрелковой Дивизии и из политотдела с тов. Семеновым Василием Ивановичем (лидер левых эсеров Н.Тагила, делегат 2-го съезда Советов, первый красный директор НТМЗ – прим. Автора) под председательством тов. Семенова, секретарь Михайлов. Заслушав доклад тов. Семенова о создании временного Ревкома, который должен приступить немедленно к организации отделов и управлений Советской Федеративной Республики,*

постановлено: из Исполнительного комитета выбрать трех лиц во временный Ревком, а Совет распустить: 1. Выборы в Ревком из трех лиц прошли единогласно при одном воздержавшемся. Избраны следующие лица: тов. Бабин, Носов, Некрасов» [6, оп.1, д.12, л.4]. Как видно из сохранившихся протоколов этого собрания, большую помощь в создании тагильского ревкома кроме Политотдела 29-й дивизии оказала Екатеринбургская губернская партийная организация большевиков.

Но в отличие от других уральских ревкомов ревкому в Тагиле пришлось действовать вначале без помощи местной партийной организации, так как ее еще предстояло воссоздать. Как видно из архивных материалов, 7 августа 1919 года по инициативе и при активном содействии ревкома проводится организационное собрание тагильских большевиков, на котором было избрано Оргбюро РКП (б) в составе Лисина (председатель), Милованова (зам. председателя) и Бобкова (секретарь). Через некоторое время Оргбюро, а затем и Нижнетагильский РКП (б) начинают действовать уже самостоятельно, опираясь на помощь губернских партийных органов [7, оп.1, д.12, л. 12, 20, 30].

Нижнетагильский РКП (б) проводит большую организационную и политическую работу, подбирая и направляя людей в отделы и подотделы ревкома. Вместе с ревкомом Нижнетагильский РКП (б) подготавливает и проводит важную политическую кампанию выборов в местные Советы рабочих и крестьянских депутатов. Трудности с созданием партийной организации в Тагиле, очевидно, объясняются тем, что видные большевики были в это время на фронте, а немногие оставшиеся рядовые члены партии не смогли сразу организовать работу по восстановлению организации. Поэтому эту роль пришлось взять на себя ревкому.

Структура и состав Нижнетагильского ревкома. Как уже отмечено выше, в состав Нижнетагильского ревкома первоначально было избрано 3 человека: П.И. Бабин и И.Р. Носов и В.К. Некрасов. Петр Иванович Бабин (1891-1938 гг.) по профессии был рабочий, по своим идейным взглядам в 1917 году был близок к партии левых эсеров, но позже отошел от нее и стал активно поддерживать большевиков. Бессменный член тагильского Совета и организатор первой Красной гвардии в Тагиле, он пользовался большим авторитетом среди населения и неслучайно был назначен первым председателем ревкома, хотя при белых он работал разметчиком и был заведующим больничной кассой. Убежденным большевиком был и рабочий Иван Романович Носов (1883-1937 гг.), также активный участник революционных событий в

Тагиле. Участник Первой мировой войны, прапорщик, имевший 17 ранений на фронте. По просьбе тагильских рабочих он был отозван из армии с должности командира роты Первого крестьянского коммунистического полка для работы в ревкоме. В.К. Некрасов, также рабочий, в 1917 году примыкал к меньшевикам, но позже ушел из их партии как разделяющий взгляды большевиков.

Тагильский ревком с самого начала своего существования имел следующие отделы: финансовый (заведующий А.Т. Федосеев), продовольственный (заведующий А.И. Бородин), отдел социального обеспечения (заведующий С.В. Михайлов), отдел юстиции (заведующий Ф.М. Деров), отдел здравоохранения (заведующий П.Е. Осокин), жилищный отдел (заведующий Н.А. Банников), земельный отдел (заведующий А.И. Лапин), отдел Советской охраны (заведующий И.В. Густов). Заведующие отделами ревкома большей частью были выходцами из пролетарской среды, сочувствующими советской власти и разделяющими взгляды большевиков. Несколько позже все они вошли в состав ревкома, численность которого увеличилась к августу 1919 года до 25 человек [7, л.1-1 об.].

Из протокола 29 июля 1919 года общего заседания заведующих отделами Ревкома Рабочих и Крестьянских депутатов:

«2. Продовольственный вопрос

- а) делегировать одного депутата в г. Екатеринбург;
- б) организовать отделы в волостях из трех лиц на выборных началах;
- в) завести регистрацию на выдачу печеного хлеба беднейшему населению;
- г) поручается волостным ревкомам выяснить самым точным образом беднейшее население, которое очень нуждается в дневном пайке печеного хлеба;
- д) выдавать паек печеного хлеба по одному фунту на каждого человека в день;
- е) поручается союзам кооперативов возобновить столовую; обеды должны быть по себестоимости;
- ж) предлагается тов. Бородину командировать в продовольственный отдел одного человека...;
- з) мельница Селиванова считается советской собственностью, рабочие и служащие остаются на местах;
- и) все магазины, которые не открываются, согласно объявлений, реквизируются и передаются продовольственным отделом кооперативам;

к) ... открытие торговых заведений разрешается по контролю продовольственного отдела;

л) трудовым артелям, какой товар у них есть, не выдавать до выяснения...»

Как уже отмечалось, первым председателем тагильского ревкома был Н.М. Бабин, 14 августа его сменил Василий Романович Носов [7, оп.1, д.19, л.34].

Руководство ревкомов нуждалось не только в авторитетных, но и в опытных людях, которые бы твердо стояли на позициях партии большевиков. Именно таким человеком был В.Р. Носов (1882-1941 гг., брат члена ревкома И.Р. Носова). Участник революционного движения с 1905 года, рабочий Нижнетагильского завода, он за революционную пропаганду среди солдат в 1907 году был арестован и выслан на каторгу в Сибирь. В 1917 году после возвращения из ссылки он принял самое активное участие в революционных событиях, неоднократно выбирался в местный Совет и Комитет большевиков, был делегатом от Нижнего Тагила на Втором Всероссийском съезде Советов. В годы Гражданской войны В.Р. Носов находился в частях Красной армии и работал в Вятской губЧК и был членом Глазовского ревкома. В августе 1919 года после неоднократных ходатайств Нижнетагильского ревкома его откомандировали на партийную работу в Нижний Тагил, и где его избрали председателем ревкома, а после выборов в Совет в сентябре 1919 года – председателем Нижнетагильского городского Совета [2, с.9-10, 20-25].

С приходом В.Р. Носова в ревком деятельность его заметно активизировалась. По его инициативе производится чистка состава ревкома от неустойчивых и пассивных элементов, проведена была также и смена ряда заведующих отделами. Так, например, на пост зав. отделом продовольствием был назначен рабочий Дайбо, на пост отделом социального обеспечения – также рабочий Черкасов (вместо служащего Кутемова). Состав ревкома был расширен (до 25 человек), и всем им (в том числе и председателю ревкома) была назначена одинаковая заработная плата – 480 рублей в месяц [7, оп.1, д.20, л.34].

Кроме Нижнетагильского ревкома на территории бывшего Нижнетагильского и соседнего Невьянского горных округов начиная с 31 июля 1919 года функционировали местные волостные ревкомы. Большая часть их, а всего было создано 32 ревкома, подчинялись Нижнетагильскому ревкому, получившему в августе 1919 года

официальный статус районного, а позже районно-городского ревкома [7, оп.1, д.26].

Для деятельности всех этих ревкомов важное значение имели взаимоотношения Нижнетагильского ревкома с Верхотурским уездным ревкомом и Екатеринбургским губревкомом. По старому административному делению Нижнетагильский заводской поселок (соответственно Нижнетагильский ревком) продолжали вводить в состав Верхотурского уезда. Впоследствии этого Верхотурский уездный ревком продолжал посылать в течение длительного времени (вплоть до середины августа 1919 года) Нижнетагильскому ревкому различные указания и инструкции, требуя его подчинения Верхотурью. Но Нижнетагильский ревком считал себя вправе действовать самостоятельно, так как Нижнетагильский заводский поселок не только был крупнейшим промышленным, но и фактически административным центром обширной территории бывших демидовских горнозаводских округов – Тагильского и Невьянского. Выполнение инструкций и указаний Верхотурского ревкома для Нижнетагильского ревкома не имело смысла еще и потому, что они, как правило, поступали с большим опозданием и недостаточно учитывали своеобразие местных условий. Так, например, инструкцию о подготовке в выборы в Совет тагильский ревком получил из Верхотурья только 24 августа, тогда как фактически выборная кампания началась уже 14 августа. С опозданием были получены в Тагиле также и указания о переписи семей красноармейцев и имущества бежавших белогвардейцев [7, оп.1, д.27, л.4-14].

Из протокола от 6 августа 1919 года: *«Вопрос: распределение финансов Постановлено: получить сначала списки из волостей особенно нуждающихся семей красноармейцев и только тогда распределять деньги на удовлетворение нужд семей».*

Сложные отношения с Верхотурским уездным ревкомом, затруднявшие деятельность тагильского ревкома, разрешились лишь после того, как Нижний Тагил 20 августа 1919 года официально получил статус города, а Нижнетагильский ревком – статус районного и районно-городского ревкома [7, оп.1, д.6, л.1].

Определяющую роль в деятельности Нижнетагильского ревкома играли его непосредственные связи с Екатеринбургским губернским ревкомом. К губревкому он обращался по всем вопросам текущей работы, от него получал все основные инструкции.

Председатель Висимо-Шайтанского ревкома Жигульский на осно-

вании «уполномочия от Особого отдела ВЧК при 3-й армии Восточного фронта» 29 августа 1919 года, рассмотрев обвинения по делу бывшего члена ревкома Никитина, передал материал расследования в «Особый отдел Екатеринбургской Губернской Чрезвычайной Следственной Комиссии для предания суду». Из многочисленных обвинений представителя местной власти в превышении должностных полномочий до словно приведем следующие:

«1. Из произведенного учета денежных сумм ясно видно, что бывший заведующий подотдела социального обеспечения В. Никитин вел дела халатно, небрежно и денежные суммы выдавал безалаберно и по своему усмотрению, чем обрек некоторые семьи красноармейцев на голод..., не давая отчета, а представляя какие-то клочки бумажек.

2. Не имея полномочий..., заявился с охраной в Деловой совет платиновых пришков и, угрожая насилием, оружием и арестом, самовольно забрал динамо-машину из мехмастерских, ...и своими незаконными действиями чуть не навлек крупные убытки по добыче платины, и пресек действия техническо-рабочего аппарата.

3. Когда В. Никитин был командирован в Екатеринбург по делам службы, он растратил народные деньги, ...приобрел в свою пользу револьвер - браунинг, но который от него отобран...

7. Согласно выданных ему документов, он должен был явиться в свою часть для несения военной службы, он ...избегал явиться в воинскую часть, но прекрасно понимал и ясно подведя себя этим поступком, ...как дезертир» [7, оп.1, д.9, л.31,39].

Строгий суд в суровое время мог лишить подследственного не только всех его предыдущих приобретений, но и свободы.

Кроме разоблачения Никитина, «еще будучи секретарем Висимо-Шайтанского ревкома», деятельный коммунист Жигульский с полномочиями представителя Особого отдела собрал жалобы жителей Висимо-Шайтанского завода на незаконные действия председателя ревкома Алексея Бородина, а также членов ревкома Антона и Петра Баклыковых (отец и сын) в части осуществления последними незаконных обысков и присвоения конфискованных ценностей.

В своих действиях Баклыковы, по-видимому, руководствовались чувством мести, припомнив односельчанам их «поведение» в отношении семей Баклыковых осенью 1918 года.

Собранные материалы представитель Особого отдела доложил на общем партсобрании (25 коммунистов), которое постановило пере-

дать их далее в распоряжение 8-го пункта Особого отдела ВЧК при 3-й армии. Допуская, что военные органы ВЧК могли уже выехать из Нижнего Тагила, документы также адресовали в Верхотурскую уездную следственную комиссию ЧК и губревком [8, оп.1, д.81, л.3-6]. В своем докладе в уезд Жигульский писал следующее:

1 До 13 августа 1919 г. село Висимо-Шайтанска состояло из белогвардейцев¹, которые занимались расхищением чужой собственности, превышали власть. Это председатели А. Бородин, А. Баклыков, П. Баклыков. Они арестованы и переданы в Чрезвычайную Следственную Комиссию 3-й армии.

2 По разоблачению всех преступных деяний бывших членов ревкома, исключить их из состава ревкома.

3 По указанию секретаря тов. Жигульского, прибывшего из командования в г. Екатеринбург, в полном и спешном порядке приступить к общественно-политической работе.

4 По отделу административного (общего) управления приняты меры к улучшению и правильному делопроизводству всего ревкома. Охрана общественной безопасности от набега или выступления преступников и вообще сохранение правопорядка доверяется вновь сформированной советской милиции из 9 человек (бывших красноармейцев).

5 Земельному подотделу: приняты в срочном порядке к учету засеянные земельные угодья. Поскольку советская власть отменила всю частную собственность, приступили к засеву «всем миром» для всего поселка. По отделу продовольствия и снабжения: после белогвардейцев хозяйство поселка было полностью разрушено. Ревком принял все меры к снабжению граждан хлебом, осуществлял своими силами посылки по грунтовым дорогам за покупкой хлеба, была установлена картонная система, приняты срочные меры вторичной переписи всего населения.

6 По отделу социального обеспечения и народного образования принимаются меры к искоренению нищенства, и приступили к организации устройства: а) приюта для детей-сирот красноармейцев и др.; б) дома для увечных воинов; в) дома для престарелых лиц, не имеющих пристанища.

¹ *Примечание автора: Баклыковы – герои-красноармейцы, будучи правоверными коммунистами, они конечно же ни в коем разе не были белогвардейцами, как пишет Жигульский. Однако их расправа над односельчанами, совершаемая из чувства мести, очень напоминала уполномоченному ВЧК банальный разбой, сеявший негативное отношение селян к Советской власти, что приравнялось к контрреволюционным деяниям и белогвардейщине).*

7 При отделе общего управления имеется регистрационный отдел совершения актов брака, крещения и смерти по установленным книгам с приложенной инструкцией.

8 Устраивались общие собрания коммунистов, общие собрания граждан местного завода с целью оповещения, объявления призывов и приказов [8, оп.1, д. 81, л. 31, 39].

Именно Екатеринбургский ревком дал инструкцию Нижнетагильскому ревкому, как поступать с лицами, служившими у белых, потребовал принять меры к охране государственного имущества. По его распоряжению были распущены волостные земства в Тагиле и в окрестных поселках и деревнях, действовавшие до конца июля 1919 года. Губревком поддержал ходатайство о предоставлении Нижнему Тагилу прав города [7, оп.1, д.26].

Деятельность Нижнетагильского ревкома была кратковременной, но чрезвычайно разнообразной и интересной. Основными ее направлениями были борьба с контрреволюцией и оказание помощи фронту, восстановление промышленных предприятий и борьба с хозяйственной разрухой, а также реализация аграрной программы Коммунистической партии и Советского правительства, борьба с эпидемиями и культурно-просветительная работа.

Источники и литература

1 Бугай Н. Ф. Ревкомы. Москва : Политиздат, 1981. 175 с.

2 В ответе за город. Руководители Нижнего Тагила 1917-2007. Нижний Тагил : Репринт, 2007. 207 с..

3 Гимпельсон Е. Г. Советы в годы революции и гражданской войны. Москва : Наука, 1970. 512 с.

4 Декреты Советской власти. Т.6. Москва : Наука, 1973. 584 с.

5 Кашин В. В. На службе у государства. Органы государственной безопасности города Нижний Тагил: люди, судьбы, факты. Нижний Тагил : Репринт, 2007. 338 с.

6 НТГИА (Нижнетагильский городской исторический архив) Ф.99. Нижнетагильский уездно-городской Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет (уисполком).

7 НТГИА Ф.195. Нижнетагильский революционный комитет (ревком).

8 НТГИА Ф.226. Управление советской рабоче-крестьянской милиции отдела управления исполкома нижнетагильского уездно-городского Совета рабочих крестьянских и красноармейских депутатов.

ФУНТИКОВ ФЕДОР АДРИАНОВИЧ (из истории Закаспия)

Аннотация. *В статье кратко рассказывается о жизни и деятельности главы рабочего правительства так называемой «Независимой Республика Закаспия», лидера правых эсеров Закаспийской области Ф.А. Фунтикова, в том числе в связи с историей английского вторжения в Закаспий и делом о расстреле «бакинских комиссаров».*

Ключевые слова: Закаспий, правые эсеры, Ф.А. Фунтиков, У. Маллесон, Р. Тиг-Джонс, «бакинские комиссары».

Одна из ярких фигур политической борьбы в Средней Азии – Федор Фунтиков. Родился в 1875 или 1876 году. До 1917 г. – паровозный машинист. Член партии эсеров с 1905 года. Работал на Среднеазиатской железной дороге. Лидер правых эсеров Закаспийской области. 11.07.1918 г. – 12.07.1918 г. – был одним из руководителей антибольшевистского восстания рабочих в Ашхабаде [5, с.57-64 и др.]. С 12 июля 1918 г. – глава избранного Асхабадским стачкомом Временного исполнительного комитета Закаспийской области («Закаспийского временного правительства» [15], правительства «Независимой Республики Закаспия»), составленного в основном из рабочих – эсеров и меньшевиков, ранее членов Советов рабочих депутатов (по мнению историков М. Геллера и А. Некрича [2], единственного подлинно рабочего правительства в России). Участвовал в расстреле 9 асхабадских комиссаров 23 июля 1918 г. [3, с. 125-127; 10]

После поражения повстанцев под Чарджоу 28 июля 1918 г. Фунтиков обратился за помощью к главе английской военной миссии в Мешхеде (в северо-восточном Иране-Персии), генералу Уилфреду Маллесону [16] и подписал с ним 19 августа 1918 г. договор. Маллесон прислал 2 тысячи солдат (индийских сипаев) во главе с полковником Ноллисом, взявшим на себя командование объединенными силами. В результате правительство Фунтикова попало в известную зависимость от англичан, что впоследствии дало некоторое основание советской историографии рассматривать его как «марионеточное». 19 сентября 1918 г. Фунтиков участвовал в совещании в Красноводске, где было принято решение о расстреле «бакинских комиссаров» [1, с.194-197, 204-211].

На территории современного Туркменистана были казнены

26 человек [17]. Впоследствии их назвали 26 бакинскими комиссарами, что было не совсем верно. Среди расстрелянных (по другим данным, зарубленных) были и простые делопроизводители, охранники и просто случайные попутчики. История эта до сих пор несет в себе много загадок и вызывает множество споров. Одной такой загадкой является участие в расстреле подданных Британской Империи, в частности капитана Реджинальда Тиг-Джонса. Кадровый английский разведчик Тиг-Джонс в тот момент был представителем английской военной миссии и немало сделал для того, чтобы задержать возвращение большевиков в Закаспийскую республику. Капитан Тиг-Джонс всегда отрицал свое участие в казни комиссаров, указывая, что все решения были приняты Закаспийским временным правительством, а точнее его главой Федором Фунтиковым. Возможно, Тиг-Джонс недооценил важность тех, кто прибыл из Баку, как впрочем не уделил этому должного внимания и его начальник генерал Уилфред Малессон. На телеграмму капитана в Мешхед о возможности вывоза важных пленных в Индию генерал ответил, что людей для конвоирования у него нет, и пусть местные власти сами как-то позаботятся о снаряжении соответствующего отряда.

Сообщение с Мешхедом (северный Иран), где находился Малессон, на тот момент было непростым – необходимо было преодолеть пустыню на верблюдах или мулах. Все силы в это время были брошены на «восточный фронт», на котором крайне малочисленные и неустойчивые подразделения Закаспийского правительства, поддерживаемые английскими войсками (состоявшим главным образом из сипаев), сражались против наступавших большевиков. В боях принял участие и Тиг-Джонс [14], а как раз к моменту получения известия о комиссарах проходил лечение от ранения. 28 августа он был ранен в левое бедро пулеметной пулей. Это на некоторое время ограничило его в перемещении и вынудило оставаться в Ашхабаде.

Из записей в дневнике Тиг-Джонса следует, что после полудня 18 сентября в доме графа Доррера (одного из членов Закаспийского правительства) собралось совещание, которое решало, что делать с находившимися в Красноводске комиссарами. Местные власти в лице Куна не хотели оставлять комиссаров у себя, тюрьма в Ашхабаде тоже была полна [12]. Генерал Малессон не собирался присылать за ними войска из Мешхеда. Единственным выходом со стороны Фунтикова был расстрел. В этом его поддержал его заместитель Курылев, а вот бывший

директор реального училища Зимин, занимавший позицию «комиссара по внутренним делам», высказался за то, чтобы поискать иные методы решения проблемы, впрочем, ничего не предложив [3, с. 224-230; 11].

После Тиг-Джонс вспоминал, что 19 сентября Фунтиков сказал ему, что принял решение о расстреле комиссаров и послал людей для организации этого. Через три дня Фунтиков заявил Тиг-Джонсу, что «большинство заключенных было тихо расстреляно», о чем капитан сообщил в Мешхед. Точно неизвестно, ездил ли сам Фунтиков в Красноводск. Он это отрицал, в том числе на суде. Тиг-Джонс считает, что убийство было организовано Куном и Курылевым.

2 января 1919 г. после рабочих волнений в Ашхабаде Временное правительство было смещено и заменено «Комитетом общественного спасения» и так называемым «Советом пяти», которым 15 января 1919 г. Фунтиков был арестован по обвинению в коррупции [3, с.307; 4, с.58-60]. В ходе следствия 2 февраля 1919 г. Фунтиков дал показания бывшему члену ЦК эсеров России Вадиму Чайкину, проводившему по поручению ЦК расследование участия членов партии эсеров в убийстве комиссаров. О своей роли в расстреле он сообщил: «об этом предстоящем деле был осведомлен, но не считал возможным помешать этому... расстрел был решён предварительно по настоянию английской миссии». Фунтиков обвинял в организации расстрела комиссаров офицера связи Маллесона Реджинальда Тиг-Джонса и начальника полиции Закаспия (при правительстве Фунтикова) Дружкина; но, например, другой арестованный член совещания Седых заявил Чайкину, что Фунтиков был «в курсе всего». Вскоре после этого Фунтиков был освобожден и уехал в Россию как частное лицо. Был в тесном контакте с известным эсером А.И. Доррером.

Алексей Иосифович Доррер родился 19 марта 1885 года в Харькове в семье графа Иосифа Филипповича Доррера и Екатерины Вячеславовны Доррер. Помимо него в семье Дорреров еще были сыновья Георгий, Сергей и Борис и дочери Евгения и Вера [6, с.111]. А.И. Доррер учился в Харьковском университете. 10 мая 1906 года он был арестован по обвинению в принадлежности к партии эсеров и 4 апреля 1907 года был приговорен к тюремному заключению на два с половиной года с лишением графского достоинства, после чего отправлен под гласный надзор полиции в Вологду. В Вологде А.И. Доррер женился на Виктории Владимировне Дилевской, которая тоже отбывала ссылку по обвинению в принадлежности к Тульской организации партии эсеров. Из Вологды А.И. Доррер с женой уехали в Ашхабад.

В июле 1918 года принял участие в антибольшевистском Ашхабадском восстании. В дальнейшем секретарь полевого суда при штабе главкомандующего Добровольческой армии. Скончался 25 апреля (по старому стилю) 1920 года на русском госпитальном судне в Аббасии близ Каира.

У. Маллесон в воспоминаниях дает Ф.А. Фунтикову такую характеристику: «Председателем временного правительства был некто Фунтиков, машинист, веселый малый, который, к несчастью, чрезмерно любил водку и был окончательно отстранен от работы после обвинения в растрате государственных денег на сумму не менее 7 млн. рублей».

С 1922 года Федор Фунтиков проживал на хуторе Ляпичево (Нижне-Волжский край) и вёл небольшое частное хозяйство. Среди окрестных крестьян выделялся разве только тем, что неплохо разбирался в машинах. Никто в тех местах, конечно, и подозревать не мог, что это был «тот самый Фунтиков». В советский период писали, что Фунтиков спокойно жил на своем хуторе, уверенный, что никто его здесь разыскивать не будет. Скрываясь «от справедливого возмездия, он постарался хорошенько замести следы в тех краях, где совершал кровавые преступления». В Закаспии распространился слух, что Фунтиков расстрелян в Ашхабаде еще в 1920 году. В 1925 г. выдан советским властям собственной дочерью-комсомолкой и в январе арестован. В апреле 1926 года судим в Баку и приговорён к расстрелу.

Полковник юстиции Н. Смирнов так описывает Фунтикова во время процесса: «Это был человек среднего роста, одетый в поношенную чуйку и сапоги, с густой бородой на слегка продолговатом лице. Опустив глаза, Фунтиков тяжелым шагом прошел через зал и занял место на скамье подсудимых. Внешне держался спокойно. Только глубоко запрятанные под нависшими бровями глаза смотрели настороженно. На вопросы членов суда Фунтиков отвечал не спеша, лаконично» [7, с. 58-71].

17 апреля 1926 года в столице Азербайджана в здании театра им. Буниат Заде началось слушание дела Фунтикова. Подготовка к судебному процессу и сам процесс проходил в условиях широчайшей гласности. Судебные заседания проводились в зале, вмещавшем полторы тысячи человек. Кроме того, на одной из площадей Баку были установлены мощные громкоговорители. Регулярно и полно освещали процесс центральные газеты «Правда», «Известия», а также «Заря Востока» и «Бакинский рабочий».

Два красноармейца ввели Фунтикова в зал суда. Это был уже не

тот Фунтиков, с заливчатски закрученными усами, наглым взглядом острых колючих глаз, каким его знали в Ашхабаде, когда он был главой Закаспийского контрреволюционного мятежного правительства. На вопросы членов суда Фунтиков отвечал не спеша, лаконично. Хотя и с некоторыми оговорками, он признал себя виновным в организации контрреволюционного восстания и захвате власти в Закаспийской области, в связях с английским командованием и в расстреле 9 ашхабадских комиссаров. Вместе с тем Фунтиков отрицал свою причастность к расстрелу так называемых бакинских комиссаров. Военная коллегия Верховного Суда СССР, признав Фунтикова виновным в организации контрреволюционного восстания и захвате власти в Закаспийской области, в преступной связи с английским командованием с целью склонения его к вооруженному вмешательству в дела Республики Советов и в организации и осуществлении террористических актов, жертвой которых стали девять ашхабадских и двадцать шесть бакинских комиссаров [13], то есть в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58, ч. 1, 59 и 64 УК РСФСР (1922 г.), 27 апреля 1926 года приговорила его к высшей мере наказания – расстрелу [9]. Ходатайство о помиловании официально было отклонено. 5 мая 1926 г., по одним данным, он был расстрелян, но в то же время есть данные, что позднее он ещё долгое время находился в Соловецком Лагере Особого Назначения (СЛОН).

Источники и литература

- 1 Алескеров Ю. Н. *Интервенция и гражданская война в Средней Азии. Ташкент, Ташкент : Госиздат УзССР, 1959. 234 с.*
- 2 Геллер М. Я., Некрич А. М. *История России в 1917-1995 : в 4 т. Москва : Изд-во «МИК», 1996.*
- 3 Голиков Д. Л. *Крушение антисоветского подполья в СССР (1917-1925 гг.). Москва : Политиздат, 1975. 703 с.*
- 4 Козловский Е. *Красная армия в Средней Азии. Военно-исторический очерк. Ташкент : Издание Политуправления Ср.-Аз. В.О., 1928. 72 с.*
- 5 Куц И. Ф. *Годы в седле. Москва : Воениздат, 1964. 152 с.*
- 6 *Река времени. Кн. 4. Русский провинциальный некрополь. Картоотека Н. П. Чулкова из собрания Гос. лит. Музея. Москва : Эллис Лак, 1996. 415 с.*
- 7 Смирнов Н. *Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. Москва : Воениздат, 1979. 294 с.*
- 8 ЦГА РУз. Ф. 17. Оп.1. Д.175.
- 9 Большаков В. П. Введение к «Записке» Ф.А. Фунтикова. URL: <http://istprof.ru/175.html> (дата обращения: 14.08.2017)
- 10 *Девять ашхабадских комиссаров* : http://www.oldmikk.ru/Page3_let_ashabad.

- html* (дата обращения: 18.07.2017)
- 11 В начале века перемен. URL: <http://infoabad.com/forum/thread790.html> (дата обращения: 12.08.2017)
- 12 Махмуда Керимов: «Позитивно оцениваю факт перезахоронения». URL: <http://ru.ara.az/print/125830> (дата обращения: 14.07.2017)
- 13 Дело 26 бакинских комиссаров (в двух версиях). URL: http://velib.com/read_book/bez_avtora/100_velikikh_tajjn_sovetskojj_ehpokhi/sgorevshie_v_ogne_revoljucii/delo_26_bakinskikh_komissarov_v_dvukh_versijakh (дата обращения: 14.08.2017)
- 14 Как Реджи стал Ронни // gistory. URL: http://nik191-1.ucoz.ru/publ/istorija_sobytija_i_ljudi/istorija_sobytija_i_ljudi/rasstrel_26_bakinskikh_komissarov_ili_kak_redzhi_stal_ronni/7-1-0-2547 (дата обращения: 13.08.2017)
- 15 Закаспийское временное правительство. URL: <http://allencyclopedia.ru/26348> (дата обращения: 17.07.2017)
- 16 Шамбаров В. Белогвардейщина. Россия и иностранцы. URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/86275p.html> (дата обращения: 14.08.2017)
- 17 Шамбаров В. Белогвардейщина. От Белого до Каспийского. URL: <http://tululu.org/read13288/> (дата обращения: 14.08.2017)

В.Г. Иофе

ВЫДВИНУТЫЕ ИСТОРИЕЙ

(индивид и общественные движения в условиях революционного и военного времени на территории Туркестана в 1917-1920 гг.)

Аннотация. *Краткая характеристика биографии и деятельности К.И. Монстрова, руководителя Народной Крестьянской Армии, действовавшей на территории Туркестана (Ферганская долина) в 1918-1920 гг.)*

Ключевые слова: Ферганская долина, Народная Крестьянская Армия, Мадамин-бек, К.И. Монстров; Временное Ферганское правительство.

О бурной эпохе войн и революций на территории бывшей Российской империи в первые десятилетия XX века написано немало больших монографий и отдельных статей. Но и сегодня многие стороны исторического процесса остаются сравнительно малоизученными. И среди многих интересных сторон эпохи то, как в условиях крутых исторических перемен менялись судьбы обычных людей, многие из которых ранее были вдали от бурной политической борьбы. И независимо на чьей стороне оказывался тот или иной человек, круто менялась его жизнь,

общественная роль, да и семейные отношения порой тоже. Здесь нам хотелось бы проследить конкретные интересные биографии разных людей в бурную историческую эпоху, неожиданно порой оказавшихся на авансцене истории на территории бывшего Туркестанского края. В данном случае мы берем не видных деятелей национальных общественно-политических движений (это интересная, но отдельная большая и самостоятельная тема), а игравшие активную роль в событиях 1917-1920 гг. яркие фигуры как из числа русского, русскоязычного переселенческого населения в Туркестане, так и оказавшихся на территории Туркестана в условиях армейской службы.

Один из них – это командарм Народной Крестьянской Армии (НКА) Константин Монстров в районе Ферганской, Джалалабадской и Ошской долин Средней Азии. Эта армия в союзе с влиятельными лидерами повстанческого движения, такими как Мадаминбек Ахметбеков, в своё время едва не вытеснила Красную армию из Ферганской долины. В начале XX века в Фергану активно переселяли крестьян из России. Щедро наделяли землёй, давали ссуды и налоговые льготы. Иногда целые районы оказывались почти сплошь русскими. Разумеется, делалось всё это при участии и покровительстве властей. НКА Ферганы можно определить как военное формирование в Фергане в 1918-1919 годах во время Гражданской войны; она была образована на основе отрядов самообороны [3, с.55], созданных из русских крестьян-переселенцев в конце 1918 г. в Джалал-Абаде (Ферганская область) для «борьбы с басмачеством» [2, с.303], как часто называли повстанческие отряды. Действия этой армии и были значительным и массовым эпизодом Гражданской войны в Средней Азии. Ведь численность Крестьянской армии Ферганы достигала 20 тысяч человек, и состояла из 10 полков.

Командарм Монстров (рисунок 1) – масштабная личность, в чем-то в духе батьки Махно, но с иными взглядами и установками. Однако в результате проведения правительством Туркестана земельной и продовольственной политики (хлебная монополия, продовольственная диктатура) и попыток советских органов власти отбирать землю русских переселенцев К.И. Монстров 22 августа 1919 года заключил соглашение с отрядами Мадамин-бека о совместной борьбе против советской власти и поднял восстание против большевиков. После заключения соглашения Крестьянская армия под руководством Монстрова выступила против Красной армии, проведя ряд успешных боев, овладев обширной территорией в Туркестане.

Отец Константина Иван Павлович Монстров был довольно видной фигурой в народовольческом движении. Сын псаломщика, он во время обучения в Самарской духовной семинарии пришёл к выводу, что Бога нет и бросил учёбу, став видным деятелем революционного движения. Среди его последователей можно увидеть будущего писателя Н.Е. Каронина-Петропавловского (известного как С. Каронин) и Ливанова, который в Самаре обучал юного В.И. Ульянова тюремной азбуке. И.П. Монстров создал народовольческую коммуну в селе Моркваши Самарской губернии, куда к нему приезжала, в частности, известная народоволка Софья Перовская. Возможно, она познакомила Монстрова со своей подругой, его будущей женой Варварой Эдемовой. Во всяком случае, когда в 1874 году жандармы их арестовали, основной интерес они проявляли именно к Варваре. Дочь Монстрова, жившая в Петербурге, утверждала, что её отец родился во время пребывания матери в Петропавловской крепости. Она указывала в качестве года рождения Константина Ивановича 1874 год.



Рисунок 1 – Константин Иванович Монстров

По документам, найденным в Сызранском архиве, Монстровы жили в Сызрани с 1880-х годов. Иван Павлович был здесь мировым судьёй и видным земским деятелем. Регулярно избирался членом уездной управы. Был не беден. Имел 2-этажный дом в центре и хороший дом с участком земли в селе под Сызранью. У них с Варварой Николаевной были также сын Сергей и дочь Елена. Елена стала земским врачом. Сергей был женат на дочке (по другим данным, родственнице) активного народника Газенгегера, дети другого видного народника Топоркова были крёстными внуков И.П. Монстрова. Родители Константина Монстрова попали в 20-е годы в словарь революционных деятелей.

Сам Константин Иванович Монстров был женат на Марии Степановне, имел трёх сыновей [8; 9]. Жена с детьми жила в доме свёкра. В годы Первой мировой войны два его старших сына сдавали экзамен на вольноопределяющихся, старший Иван поступил в морское училище. В Гражданскую войну он примкнул к белым, последние сведения о нем – из Екатеринбурга в 1919 году. Другой сын – Виктор воевал в

Красной армии, причём в Средней Азии, где служил и потом, а в 1930-х годах был репрессирован в Самарканде.

Позднее сам К.И. Монстров уехал в Среднюю Азию, оставив семью в доме родителей. Там встретил другую женщину. С ней у него было двое детей – сын и дочь. Вероятно, Константин Иванович уехал после сызранского пожара 1906 года, когда весь город выгорел дотла. Хотя киргизский исследователь Э. Шишкараев писал, что «Константин Иванович Монстров происходил из переселенцев первой волны, осевших на окраине кишлака Джалал-Абад во второй половине XIX века» [14]. Константин Монстров окончил 5 классов реального училища, работал конторщиком на Ташкентской железной дороге, арендовал сады под Ташкентом, был писарем Китай-Тюбинской волости. Простой конторский служащий, в 1914 году – перед войной – он стал одним из состоятельнейших людей Джалал-Абада, уже получившего к тому времени статус города. Достичь такого успеха ему удалось, скупив у местных бай-манапов необрабатываемые земельные участки. Имея землю (с 1914 г.), он купил и мельницу под Джалал-Абадом. Нет никаких данных о том, чтобы Константин Монстров, несмотря на революционное прошлое родителей, занимался какой-либо политической деятельностью до 1918 г., пока не организовал Крестьянскую Армию из числа переселенцев для защиты своих земель от набегов криминальных элементов, выпущенных декретом ещё Временного правительства на свободу [7].

23 ноября 1918 года командиры крестьянских отрядов организовали в Джалал-Абаде штаб армии и Военный совет, который и объединил командиров отрядов и представителей сел. 2 декабря 1918 года Военный совет определил структуру штаба, армии и обязанности крестьян перед штабом. Армия делилась на 10 полков, из которых первые 4 предназначались для активных походов, иногда даже наступательного характера, другие 4 полка – для охраны крестьянских владений на случай ухода первых, и, наконец, 2 полка являлись резервом, состоящим из малопригодных к бою и стариков. Штаб НКА располагался в Джалал-Абаде, а личный состав армии формировался большей частью из местных переселенцев. Командующим армией вскоре стал К.И. Монстров [1, с.426]. По данным В. Клавинга, Монстров был избран командующим в марте 1919 года [4, с.57]. В известной мере К. Монстров воспользовался тем, что на территории Ферганской области большевиками не проводилась широкомасштабная мобилизация в Красную армию из числа переселенцев, и даже частичная мобилизация была проведена лишь осенью 1918 года.

Первоначально НКА была как бы подразделением Красной армии, но весьма своеобразным: здесь не было политических ячеек и органов, контролировавших личный состав и его «благонадежность» [1, с.426-428]. Монстров лично требовал от командования Ферганским фронтом, чтобы в Крестьянской Армии не было политических работников из числа большевиков. Также он сохранил ношение погон, что в Красной армии в то время исключалось. Это, впрочем, не мешало ему беспрепятственно получать от того же командования амуницию, боеприпасы и жалование. В более поздних советских источниках в санкционировании Крестьянской армии обвиняется (в декабре 1918) военный комиссар Туркестанской Советской республики К.П. Осипов (впоследствии организатор антисоветского мятежа в Ташкенте в 1919 г., так называемого Осиповского мятежа) в период его пребывания в Фергане. Впрочем, в 1928 г. Е. Козловский писал, что вооружение ферганских крестьян было вынужденным шагом ввиду невозможности защитить крестьян «от нападений басмачей», так как численность вооруженных сил в Фергане была не велика. На фоне развернувшегося повстанческого движения и красные отряды были вынуждены перейти к обороне, сосредоточившись вдоль железных дорог [5, с.30].

Организация НКА происходила вопреки мнению ряда партийных и советских работников Ферганы, командования Ферганского фронта, предлагавших Совету народных комиссаров Туркестанской республики провести ещё в октябре 1918 на общих основаниях частичную мобилизацию в Красную армию крестьян из русских посёлков Ферганской области. Надо заметить, что ферганские крестьяне-переселенцы в массе своей отрицательно относились к советской власти. По мнению ранних советских исследователей, большинство крестьян-переселенцев, устроившихся в Ферганской долине при усиленной поддержке властей Туркестанского края, превратилось в кулачество, эксплуатировавшее разоренную дехканскую бедноту [5, с.38]. К причинам, побудившим русское крестьянство Ферганы вскоре разорвать отношения с Советами, можно отнести и попытки советских органов регулировать вопросы национальных взаимоотношений с обезземеленным дехканством, в известной мере пересматривая права на землю в пользу коренных народов.

Руководители НКА твердо требовали сохранения беспартийности и внутренней самостоятельности армии. 15 марта 1919 года от командования Ферганским фронтом в местный ревком приходит приказ вести

наблюдение за Монстровым, а также разъяснительные работы среди переселенцев и личного состава НКК. Доходит до того, что штаб армии решается переподчинить НКК Андижанскому уезду, где располагался тогда оперативный штаб. Штаб НКК делать это отказывается. Это и положило начало конфликту. К тому времени большевики уже развернули деятельность по продразверстке и распределению земли среди бедноты. Местное переселенческое (славянское) население, видя, что Красная армия не может защитить их имущество от набегов местных повстанческих отрядов, поддерживает Монстрова, который умел находить общий язык с последними.

Летом 1919 года Монстров заключает соглашение с видным лидером повстанческого движения (причем его наиболее прогрессивного крыла), бывшим начальником маргиланской милиции Мадамин-беком о совместной борьбе с большевиками при обещании впредь не нападать на крестьянские селения. Мадамин-Бек Ахметбеков пользовался наибольшими симпатиями населения. Сын родовитого бека Ферганы Мадамин Ахметбеков (рисунки 2, 3) получил мусульманское образование в самаркандском медресе, много путешествовал по Туркестану и Памиру, был в Персии и Кашгарии. Как человек, выделявшийся среди мусульман образованностью, Мадамин тяготел к европейской культуре, постоянно поддерживая тесную дружбу (как это принято в Туркестане) с русскими образованными людьми, особенно военными.

Командование Ферганским фронтом, которому стало известно о переговорах, дважды пыталось разоружить НКК, отправив в район Джалал-Абада несколько красных отрядов (в том числе кавалерийский отряд туркмен). Обе попытки закончились неудачно. 25 июня 1919 года в Туркесреспублике была объявлена хлебная монополия. В ответ на заседании Военного Совета НКК окончательно оформился разрыв с Советской властью (а затем он был утвержден на съезде в переселенческом селе Благовещенском). Штаб НКК призвал к свержению советской власти. Договор с Мадамин-беком был пересмотрен и был заключен новый – о совместных действиях против большевиков, по которому Мадамин-бек не только запрещает своим отрядам нападать на русские селения, но и сам проводит наступление на отряды Хал-Ходжи, виновного в расправах над русскими жителями.



Рисунок 2 – Мадамин-бек Ахметбеков



Рисунок 3 – Мадамин-бек

Среди знакомых Мадаминбека был вернувшийся с западного фронта «русский тюря», то есть генерального штаба генерал-майор Муханов, активный сподвижник генерала С.Г. Корнилова. Мадамин-Бек установил с ним тесное общение и по его совету приступил к переформированию отряда на основах правильной военной организации. В ка-

честве инструкторов были русские офицеры. Закончив организацию, Мадамин-Бек возобновил борьбу с большевиками. Начав продвижение с юга Ферганы, от Иркештама на Андижан-Скобелев, он достиг значительных успехов; взял, в частности, укрепление Гульча. Имя Мадамин-Бека как национального героя привлекло общие симпатии, и другие вожди стали тоже приглашать к себе русских офицеров, обращаясь за советами к генералу Муханову, который пользовался большой популярностью среди военных. Подготавливавшиеся события в Фергане не застали его врасплох. Генерал Муханов объединил вокруг себя значительную группу военных, создав ряд организаций, подготавливавшихся к активной борьбе. Всем антибольшевистским отрядам была придана правильная организация. Было мобилизовано русское население (от 21 до 40 лет). В результате образовалась «армия» общей численностью до 12 тысяч в составе 8 полков пехоты, 4 полков так называемой туземной конницы с двумя батареями артиллерии. Вооружение состояло из винтовок и карабинов, пулеметов было только 12. Запас патронов был невелик – до 300 штук на винтовку, снарядов было по 50. В незначительном количестве имелись ручные гранаты. Таким образом, вооружение хотя и было удовлетворительное, но запас патронов мал, и надо было изыскивать способы пополнения. Одним из них был способ «базироваться» на противнике, то есть захватывать у частей большевиков. Командный состав состоял из русских офицеров и инструктированных ими курбаши.

Этим же летом начались активные боевые действия с регулярными силами Красной армии. Объединённые силы НКА и Мадамин-бека (всего 20 тысяч штыков) занимают города Узген. Есть данные, что там была объявлена власть «Верховного Правителя государства Российского» адмирала А.В. Колчака. Земли возвращались помещикам и биям, которые, впрочем, не успели принять этот дар новой власти, здания и объекты – их прежним владельцам, реввоенсоветы упразднились. На сторону Монстрова и Мадамин-бека переходит и пограничная стража, дислоцированная в селе Гульча (Алай). Начинается наступление на Андижан, где располагался штаб красного командования Ош-Андижанским участком. В августе в Джалал-Абаде прошло совещание представителей Колчака, лидеров басмачей и руководителей Крестьянской армии. Были обсуждены конкретные планы совместных действий. 1 сентября 1919 года Монстров и Мадамин-бек подписали договор об объединении своих войск, которые также пополнились в сентябре прибывшими

в Фергану белогвардейцами из Семиреченской казачьей армии. В начале сентября объединенные силы Мадамин-бека и Монстрова захватили город Ош. В ходе боев за город погиб командир дружины Андижанского уездного комитета большевистской партии Бильдин. Подойдя к Ошу, части НКА армии залили город водой (запрудив арыки), чем вызвали панику. В то же самое время на сторону НКА перешли ряд командиров стоявших в Оше красных отрядов. Под их влиянием части Памирского отряда, 3-я и 4-я роты советского полка, стоявшие в Оше, сдались без боя. В руки Мадамина попало значительное количество (до 4000 человек) пленных, оружие, патроны и снаряжение. Южная Фергана была освобождена от большевиков.

Несмотря на внешние успехи, положение властей Ферганы было тяжелое. Фергана, как известно, довольно богата предметами натурального хозяйства. Чай, сахар, одежду, обувь, воинское снаряжение нужно было доставать у противника или в Западном Китае, а огнестрельные припасы – только у англичан через Индию или с востока. В этом отношении правительство провело ряд мероприятий, войдя с предложениями через Российского консула в Кашгаре к Вице-Королю Индии, но удовлетворительных результатов не получило. Попытки связаться с правительством адмирала Колчака долго не удавались.

Командующий Ферганским фронтом красных М.В. Сафонов двинулся с отрядом на подкрепление оказавшихся в сложном положении красных чачстей Ферганы. В Араванском ущелье он неожиданно столкнулся с отрядом, высланным Монстровым ему навстречу. Бой шёл трое суток. Понеся большие потери, расстреляв все патроны, отряд красных отступил, с трудом выскочив из заготовленной ему ловушки. Отряд мятежников преследовал отходивших и вступил с ними в бой у железнодорожной станции Федченко, но его атаки были отбиты благодаря полученной поддержке и подвозу патронов. После взятия Оша отряды Мадамин-бека и НКА развили наступление на города Андижан, Скобелев (ныне г. Фергана) и Наманган. 2 сентября 1919 года РВС Ферганского фронта постановил зачислить в Красную армию всех красновардейцев области. Его Политотдел опубликовал воззвание «К крестьянам Ферганы», призывавшее «к борьбе с контрреволюцией». Основные силы Монстров и Мадамин-бек бросили на Андижан, осада которого длилась с 10 по 24 сентября 1919 года. Гарнизон Андижана вместе с рабочими и крестьянскими дружинами насчитывал около тысячи человек. Полностью захватить город Мадамин-беку и Монстрову

так и не удалось. Бои затянулись, что дало возможность перебросить в Фергану необходимое подкрепление.

В помощь вооруженным силам ТССР с Закаспийского фронта был направлен Казанский сводный полк, прибывший под Андижан 22 сентября. С его помощью осаждавшие город повстанцы были рассеяны, причем крестьянство в массе разбежалось по своим селам и деревням. В бою под кишлаком Хакент (24 сентября 1919 года) в окрестностях Андижана погиб председатель РВС Ферганского фронта Д.И. Спасибов. Крестьянский отряд, остававшийся в городе Ош, услышав о поражении под Андижаном, разбежался. 26 сентября 1919 года советские войска заняли город Ош, а 30 сентября – Джалал-Абад. В связи с занятием этого города красными «правительство» Мадамин-бека и Монстрова (ещё официально не оформленное, но практически уже существовавшее) переехало в Иркештам. 17 октября 1919 г. правительственные войска потерпели поражение в районе крепости Гульча и г. Иркештам.

Остатки НКА и отрядов Мадамин-бека отошли в горные районы Ферганы, где 22 октября 1920 г. в районы Гульчи было создано официально так называемое Временное Ферганское правительство во главе с Мадамин-беком (премьер-министр и главнокомандующий), Монстровым (заместитель премьер-министра и заместитель главнокомандующего) и генералом Мухановым (военный министр) [1, с. 429; 3, с. 59]. Министром внутренних дел был присяжный поверенный Ненсберг. В штабе НКА по ряду данных активную роль играл и полковник Петр Георгиевич Корнилов, который был младшим братом небызвестного генерала Л.Г. Корнилова.

В октябре 1919 года с особым офицером был послан исчерпывающий доклад Верховному Правителю, в котором просилась: а) денежная поддержка, б) оружие и снаряжение, в) присылка уполномоченного от центрального правительства лица с обращением к местному мусульманскому населению и его вождям сохранить единение под русским флагом, г) присылка хотя бы небольшого отряда как символа единения борьбы Ферганы с борьбой во всероссийском масштабе, что очень важно для мусульманской психологии. Доклад этот в середине декабря 1919 года был доставлен в Семиречье и сдан командиру 2-го Степного корпуса, но ввиду занятия красными Семипалатинска и потери связи со ставкой Колчака не получил дальнейшего движения. Обмен краткими телеграммами из Кашгара через Центральный Китай, Дальний Восток и в Сибирь шел в течение 2 месяцев [10; 11; 12].

В конце ноября 1919 года красные уже начали активные действия против армии Ферганского правительства. Так как она не имела огнестрельных припасов, денежных и других средств и была лишена возможности получить поддержку, то она вынуждена была медленно отходить из района Андижан-Ош к укреплению Иркиштам (на границе с Кашгарией) [13]. В южной Фергане борьба длилась некоторое время с переменным успехом, но когда мусульмане и мобилизованные крестьяне стали дезертировать, то было решено временно борьбу прекратить.

Через бывшего царского консула в Кашгаре Монстров пытается заручиться поддержкой какого-нибудь европейского государства. Но эти попытки не увенчались успехом. К НКА обещанная помощь из Омска так и не поступает, а Красная армия заметно усилилась [5, с. 41-44]. Это, в конечном счете, переломило ход гражданской войны в Ферганской долине. Вскоре Монстров, осознав безвыходность своего положения, вступил в переговоры с представителями советской власти о своей сдаче [1, с. 431]. Узнав об этом, Мадамин-бек решил покончить со своим бывшим союзником и напал на отряд Монстрова в одном из поселков. С большим трудом Монстрову удалось бежать в районе Гульчи. 17 января 1920 года он явился в Джалал-Абад, где и сдался. Вслед за ним сдались остальные руководители НКА армии, и на этом попытка Временного Ферганского крестьянства бороться с Советской властью закончилась [3, с. 62].

В начале апреля 1920 года русские отряды с Мадамин-Бекем и генералом Мухановым во главе оставили Фергану и ушли на Памир, желая спуститься в Алайскую долину [3, с. 57-58]. Однако вскоре и сам Мадамин-бек начинает переговоры с командованием Красной армии (рисунок 4).

По одним данным, К.И. Монстров был расстрелян. Однако, по документам 1917 года, его первая жена всё ещё жила с родителями Константина Ивановича и после 1920 года (согласно базе данных «Участники Белого движения в России» историка С.В. Волкова Константин Монстров в мае 1922 года находился на Архангельском пересыльно-распределительном пункте) [6]. К.И. Монстров появляется со своей новой семьёй и поселяется у сестры в селе Старая Рачейка (Елена Монстрова работала врачом в этом селе); но вскоре сестра уезжает в Бологое под Ленинградом, а в 1923 г. умирает Иван Павлович Монстров, и его вдова тоже отправляется к дочери в Бологое. Через несколько лет туда же перебирается и К. Монстров с семьёй. Дочь Монстрова, родив-

шаяся в апреле 1917 г., Галия Константиновна утверждает, что её отец был арестован в 1931 году. Его старший сын поступил после школы в военное училище, но после ареста отца его сразу отчислили как сына врага народа. Вопреки иногда появляющейся в исторической литературе формулировке «полковник К.И. Монстров» он никогда в царской армии не служил. Ни военного образования, ни воинских званий в «старой армии» у «крестьянского атамана» не было [4, с.227]. Возможно, летом-осенью 1919 г. ему было присвоено такое звание Колчаком? Но никаких достоверных документальных подтверждений этому нет...



Рисунок 4 – Мадамин-бек и М.В. Фрунзе

Источники и литература

- 1 Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. (1917-1925 гг.). Москва : Политиздат, 1975. 704 с.
- 2 Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. Москва : Советская энциклопедия, 1983. 702 с.
- 3 История Узбекистана / авторский коллектив под руководством Р. Я. Раджаповой. Ташкент : Укитувчи, 1995. 314 с.
- 4 Клавинг В. Гражданская война в России. Белые армии. Москва : АСТ, 2003. 328 с.
- 5 Козловский Е. А. Красная армия в Средней Азии. Ташкент : Издание Политуправления Среднеазиатского военного округа, 1928. 72 с.
- 6 Монстров К. И. URL: <http://www.wikiwand.com/ru/> (дата обращения: 13.08.2017).
- 7 К.И. Монстров. URL:http://www.wikiwand.com/ru/%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 13.08.2017).
- 8 Монстров. URL: <http://ru.wikitally.com/wiki> (дата обращения: 13.08.2017).
- 9 Монстров К. URL: <http://owiki.ru/wiki/> (дата обращения: 1.07.2017).

- 10 Монстров К.И. URL: <http://oliverweber96.ru/hucoevtionakliost/> (дата обращения: 13.08.2017).
- 11 Монстров К.И. URL: <http://bukvasha.ru/biography/270855> (дата обращения: 12.08.2017).
- 12 Монстров К.И. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1567456> (дата обращения: 13.08.2017).
- 13 Урусхан. URL: <http://litprom.ru/thread33048.html> История времён безумной войны. (дата обращения: 9.08.2017).
- 14 Шишкараев Э. Как юге Киргизии утверждалась власть Колчака. URL: <http://polit.kg/news/79> (дата обращения: 5.06.2017).

Л.А. Гривенная

НОВЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ВООРУЖЕННЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И КАЗАХСТАНА В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ

Аннотация. *В данной статье представлены новые концептуальные подходы в освещении событий периода Гражданской войны на территории Западной Сибири и прилегающих областей Казахстана. На основе архивных материалов, введенных в научный оборот, вооруженные крестьянские выступления рассматриваются не как кулацкие мятежи, организованные партией эсеров, а как массовый стихийный протест, вызванный антигуманными методами политики «военного коммунизма». Анализ причин, движущей силы и последствий крестьянского протестного движения начала 20-х годов XX века позволяет его квалифицировать как «малую гражданскую войну».*

Ключевые слова: мятеж, вооруженные выступления, повстанческое движение, крестьянство, «военный коммунизм».

Освещение событий XX века в советской исторической науке выполняло в большей мере идеологические задачи, чем научную. В истории прошлого столетия Гражданская война в советской России заслуживает особого внимания своей широкомасштабностью, динамичностью, противоречивостью, драматичностью и общественно-политической значимостью событий. Основопологающими в историографии Гражданской войны были вопросы о руководящей роли коммунистической партии,

обобщение победоносного опыта советской власти и действий Красной армии. В зарубежной и эмигрантской литературе исследовались, прежде всего, причины поражения Белого движения. Крестьянские вооруженные выступления на завершающем этапе Гражданской войны (1920-1922 гг.) трактовались как «кулацко-эсеровские», «кулацко-белогвардейские», «бандитские» мятежи.

Антикоммунистические вооруженные выступления на всем советском пространстве приобрели широкий размах в начале 1920-х годов. К 1921 году в стране «полыхало» более полусотни крупных крестьянских восстаний, к которым можно отнести «антоновщину», Кронштадтское восстание, «махновское» движение, «басмачество» и др.

Одним из крупнейших антисоветских выступлений этого периода было протестное крестьянское движение на территории Западной Сибири, Северного и Восточного Казахстана. Несмотря на то, что они были достаточно широкомасштабны и имели общероссийскую значимость, эти вооруженные выступления крестьянства в советской историографии уступали по количеству, характеру публикаций, содержательности и концептуальности. Оправдание советскими историками, согласно теории классовой борьбы, действий социальных групп, выразивших свое недовольство большевистской власти в начале 1920-х годов, стало проблематичным. Все вооруженные выступления начала 20-х годов XX века в советской историографии были квалифицированы как «бандитизм», «кулацко-эсеровские мятежи», «контрреволюция».

Такая трактовка антикоммунистических выступлений на территории советской России в 20-е годы XX века в советской историографии не только указывала на их характер, движущие силы, но и диктовала определение их оценок и исторического значения.

Участие в вооруженных выступлениях среднего и беднейшего крестьянства в целом рассматривалось как незначительное, несознательное и осуществляемое по принуждению кулацкой верхушки. Авангардная роль кулачества в вооруженных выступлениях, по мнению многих историков, служила основанием для того, чтобы трактовать их как «кулацкие». Наличие враждебно настроенных слоев населения историки объясняли как закономерное сопротивление свергнутых классов, имеющее цель – вернуть утраченные позиции. Сама же классовая борьба рассматривалась как движущая сила развития общества, неотъемлемый элемент общества переходного периода, в течение которого ликвидируются эксплуататорские классы.

Антикоммунистические выступления на территории советской России в 20-е годы XX стали реакцией крестьянства на проводимую политику «военного коммунизма» со стороны властных государственных структур. Давление на крестьянство было продиктовано не только стремлением советского правительства мобилизовать материальные и людские ресурсы для победы в Гражданской войне и упрочить позиции большевиков после ее окончания, но и революционным нетерпением параллельно осуществить уникальный эксперимент по форсированному строительству коммунистического общества. Не случайно экономическая политика большевиков в годы гражданского противостояния была названа «военным коммунизмом», так как в это время была проделана попытка внедрения «квазиэлементов» коммунизма, таких как всеобщая трудовая повинность, свертывание товарно-денежных отношений, запрет на свободную торговлю, ликвидация средней и мелкой частной собственности и др.

Одним из главных направлений политики «военного коммунизма» стала продразверстка, которая легла тяжелым бременем на крестьянство. Отсутствие четких норм, игнорирование возможностей хозяйств, несоблюдение классового принципа, всепоглощающий перечень сельскохозяйственных продуктов, изымаемых при проведении продразверстки, все это привело к угрозе голода сельскохозяйственного населения.

Другой военно-коммунистической мерой, распространявшейся как на земледельческое, так и скотоводческое население, была подводная (гужевая) повинность, отвлекавшая производителя и технические средства от основного производства, что негативно сказывалось на производительности труда.

Запрещение свободной торговли ограничивало возможности развития производства и лишало крестьян материальной заинтересованности. В сочетании с методами осуществления, которым было характерно повсеместное применение произвола, изошренного насилия, физического уничтожения граждан политика «военного коммунизма» вызвала недовольство крестьянства и привела к массовым вооруженным выступлениям.

«Военный коммунизм» как система военно-коммунистических мер в экономической политике советского государства достиг своего апогея в конце 1920 – начале 1921 года. Игнорирование материальных, культурных, организационных предпосылок дало обратный результат – отступление от идей социализма и принятие новой экономической политики,

сочетавшей в себе многоукладность экономики, в том числе и частно-капиталистические, стихийно-рыночные отношения.

Определяя значение «военного коммунизма» для страны Советов, необходимо отметить, что, с одной стороны, он способствовал победе большевиков в Гражданской войне и расширению социалистических завоеваний, но с другой – он вызвал взрыв недовольства многочисленного класса крестьянства, что поставило под угрозу существование самой власти большевиков. Политика «военного коммунизма» стала катализатором Гражданской войны на завершающем этапе, так как именно она привела к массовым крестьянским выступлениям.

При анализе архивных документов четко вычерчиваются причины, которые были вызваны нарастающей монополией большевиков на власть и проводимой центральными и местными органами власти экономической политикой. Доведенная до крайностей система чрезвычайных мер «военного коммунизма», жестокие репрессивные формы и методы продовольственной кампании, многочисленные злоупотребления со стороны советских и партийных работников, привлечение населения к выполнению гужевой повинности, запрещение свободной торговли – все это вызвало волну крестьянских вооруженных выступлений.

Идейные взгляды участников крестьянского ополчения позволяют судить о целях вооруженных выступлений. Во многом они определялись лозунгами, направленными против коммунистического режима, такими как: «За Советы без коммунистов!», «Долой продрозверстку!», «Да здравствует вольная торговля!» и др. Были и требования созыва Учредительного собрания и восстановления монархии. Однако монархические настроения были непопулярны среди крестьянства. Что же касается идеологии Белого движения, она была однозначно враждебна повстанцам. Основными идеями крестьянского движения было желание устранить «военный коммунизм» и власть большевиков взамен установления власти Советов без коммунистов и проведения демократизации общества. Мятежников объединяла ненависть к коммунистическому режиму.

Экономические требования сводились к свободе торговли и отмене продрозверстки, что подчеркивало недовольство крестьян вмешательством государства в распределение произведенной им сельскохозяйственной продукции.

В организации восстания, как утверждалось в советской исторической науке, наряду с кулачеством приняли активное участие эсеры, создавшие в городах Сибири свои первичные ячейки. В связи с этим все

крестьянские выступления периода начала 1920-х годов трактовались как «кулацко-эсеровские мятежи». Но в настоящее время архивные данные не подтверждают руководящей роли со стороны эсеров. То, что выступления прошли одновременно во многих населенных пунктах, подтверждает не общее организующее руководство со стороны партии эсеров, а стихийное проявление недовольства крестьян политикой коммунистических властей и, в первую очередь, продразверсткой.

Отказываясь от классового подхода, при характеристике движущих сил повстанческого движения начала 1920-х годов необходимо признать, что кулачество – это тоже крестьянство, только его зажиточная верхушка. Все категории крестьянства: кулачество, середняки и бедняки – участвовали в едином процессе сельскохозяйственного производства.

В настоящее время вопрос о социальном составе участников восстаний подвергается тщательному анализу и пересмотру. Сегодня всё больше историков склоняется признать характер вооружённых выступлений в начале 1920-х годов крестьянским. Главными аргументами выступают: широкомасштабность, массовость, преимущественно крестьянская социальная база.

До сих пор белым пятном остается численность участников, социальная база и руководители вооруженных крестьянских выступлений на территории Западной Сибири и Казахстана.

Численность участников восстания доказывает то, что на территории Западной Сибири и Северо-Восточного Казахстана антикоммунистические выступления были самыми массовыми в серии крестьянских выступлений в 1920-е годы. По мнению ряда исследователей, число повстанцев достигало от 30 до 100 тысяч человек. Н.Г. Третьяков считает, что их численность в феврале – марте 1921 года достигала свыше 40 тысяч человек [8, с.17]. Массовость этого выступления объяснялась включением в борьбу крестьянства, представлявшего крупный слой в обществе. Возрастной состав участников восстания был от 15 до 80 лет [1, оп.4, д.3, л.7]. Преимущественно это были мужчины в возрасте 30-50 лет. Но среди участников вооруженных выступлений были и женщины. В списке лиц, расстрелянных представителями Советской власти Кокчетавского уезда за участие в восстании, из 232 человек трое были женщины в возрасте 51, 36 и 32 лет [4, оп.1, д.6, лл.1-2 и об.].

Семейное положение многих повстанцев свидетельствовало о наличии у них семей, в большинстве – многодетных [5, оп.5, д.15, лл.15-21, 38].

В отношении образованности повстанцев документы свидетельствуют о подавляющем большинстве безграмотных или малограмотных участников восстания [3, оп.5, д.35, лл.1-24]. Как правило, грамотные участники повстанческого движения, обладая определенным кругозором и ораторскими данными, возглавляли повстанческие воинские формирования.

Многочисленные архивные документы подтверждают, что национальный состав участников восстания преимущественно был из числа переселенческого русскоязычного крестьянства. Привлечение казахского населения повстанцами игнорировалось. Это проявлялось в том, что к мобилизации населения в повстанческие отряды призывалось мужское население в возрасте от 18 до 45 лет, за исключением «киргизского».

Тем не менее, в повстанческом движении 1921 года на территории Казахстана приняло участие казахское население [9, оп.2, д.42, л.34 об.]. Факт участия коренного населения в вооруженных выступлениях на территории Казахстана объясняется социально-экономической напряженностью, ущемлением политических прав и свобод скотоводческого населения, активностью переселенческого крестьянства. Казахское население использовало своеобразные формы борьбы: нападения на обозы, сопровождаемые продработниками; скотокрадство; создание самостоятельных вооруженных отрядов; стихийное вступление в повстанческие крестьянские формирования; массовые откочёвки в пределы российских губерний и Туркестан и др. [6]. Активность казахского населения во многом объяснялась недовольством продразверсткой и гужевой повинностью, проводимой революционной властью. Специфика форм протеста уходит корнями в традиционные устои кочевого образа жизни и ментальность казахского народа.

Стремление крестьян отстаивать свое право на существование в условиях Гражданской войны сопровождалось с их стороны всплесками деструктивного поведения. Участники протестного движения на территории Западной Сибири и Северного Казахстана применяли широкомасштабный террор, направленный на коммунистов, советских работников, продовольственных комиссаров, милиционеров и членов их семей. Иногда в действиях повстанцев проявлялись явно садистские наклонности и побуждения, цинизм, мародерство, грабежи, неоправданно жестокие насилия и убийства.

Ожесточенность повстанческих выступлений во многом объяснялась условиями военного времени – Первой мировой и Гражданской

войнами, революционными потрясениями и бурными политическими событиями. Мировосприятие, рожденное войнами, способствует проявлению терроризма и экстремизма и еще длительное время обуславливает поведение многих людей, порождая различные проявления насилий и преступлений. Кроме того, к восставшим примыкали уголовные элементы, в том числе из тюрем, освобождаемых во время захвата повстанцами уездных городов, в которых находились дома лишения свободы, концентрационные лагеря.

В отношении руководителей необходимо отметить, что в повстанческом движении не было единого организующего центра и одного руководителя. Именно этот факт еще раз доказывает то, что восстание было стихийным. Повсеместно были свои лидеры, которых повстанцы выбрали из числа не только опытных организаторов, имевших военные навыки, но и крестьянства. Несмотря на то, что командующим «Сибирским фронтом» повстанцы избрали бывшего учителя Налобинской школы В. Родина, он не стал главой повстанческого движения. Начальником штаба при Сибирском фронте был избран служитель церкви Торбоскин. Одним из командиров вначале повстанческого отряда, затем – дивизии значился зажиточный крестьянин из села Песьяново А. Бардаков. Сподвижник Бардакова – щучинский кулак Киселев – был избран «полковником». Одним из командиров отряда, входившего в дивизию Бардакова, был Рыбалкин, организовавший захват на станции Токуши в феврале 1921 года эшелона партийных и советских работников, их членов семей и раненных, высланных из «мятежного» Петропавловска в Омск. Во главе войск, оперировавших на севере Петропавловского уезда, стоял Яненко, бывший лесничий Соколовского лесничества, «полковник» повстанческой армии, также участвовавший в нападении на эшелон на станции Токуши вместе с Рыбалкиным и Бардаковым [2, оп.1, д.60, л.49]. В западной части Петропавловского уезда командовал «Сибирской казачьей дивизией» «генерал» Белов [2, оп.1, д.60, л. 23-24]. Высокие офицерские звания руководителям присуждали сами крестьяне. В Кокчетавском уезде в числе руководителей фигурируют такие фамилии, как Пельымский, Федотов [7, с. 68].

Лидеры повстанческих воинских формирований находились на руководящих постах до тех пор, пока восставшие не начинали терпеть поражение. Как только повстанцы теряли позиции, их руководители в лучшем случае отстранялись, но зачастую с ними жестоко расправлялись физически. Такова была судьба В. Родина, командующего «Сибирским фронтом».

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что вооруженные крестьянские выступления в начале 1920-х годов стали реакцией крестьянства на политику «военного коммунизма».

В сочетании с методами осуществления, для которых было характерно повсеместное применение произвола и изощренного насилия, политика «военного коммунизма» вызвала недовольство крестьянства, выразившееся в массовых антикоммунистических вооруженных выступлениях на всем пространстве Советской России.

Широкомасштабность, массовость и социальный состав участников повстанческого движения в начале 1920-х годов позволяет характеризовать их как крестьянские.

В организации крестьянских вооруженных выступлений на территории Казахстана в начале 1920-х годов эсеры не стали организующей и идеологически направляющей силой. Скорее незначительное число представителей этой партии примкнуло к повстанцам.

Массовые крестьянские выступления в начале 20-х годов XX века оказали дестабилизирующее воздействие на общественно-политическую ситуацию в стране и привели к кардинальным политическим решениям X съезда РКП (б) – отступлению от политики «военного коммунизма», что свидетельствовало об ослаблении власти коммунистов, сохранение которой могло быть только обеспечено уступками с ее стороны. Игнорирование социальных проблем могло стать для Советского государства роковым.

В целом крестьянские вооруженные выступления на территории Советской России в начале 1920-х годов и их подавление стали трагедией всего населения охваченных ими районов. Гибель, ранения, заключения в концентрационные лагеря, миграции населения, материальный ущерб, нанесенный боевыми действиями и конфискацией имущества семей участников повстанческого движения, срыв сельскохозяйственных работ – все это привело к глубокому экономическому кризису 1921-1922 годов. Следствием упадка экономики, вызванного Гражданской войной и «военно-коммунистическими» мерами советской власти, стал массовый голод в начале 1920-х годов, унесший жизни миллионов людей. Жестокость, характерная для Гражданской войны, положила начало складыванию тоталитарного государства. Морально-психологические последствия вооруженного противостояния продолжали проявляться в течение последующих лет.

Главным уроком трагических событий «малой гражданской войны»

является отказ от сталкивания различных слоев общества, насаждения классово-нетерпимости, насилия и произвола как метода государственного строительства и способа «осчастливить» народ. Ставка на революционное насилие привела к обратным результатам и стала одной из причин обострения взаимоотношений крестьянства с коммунистическими властями. «Малая гражданская война», представлявшая собой ряд вооруженных крестьянских выступлений, увеличила число жертв и стала катализатором Гражданской войны в России начале 20-х годов XX века.

Источники и литература

- 1 Государственный архив Северо-Казахстанской области. Ф.2. Акмолинский губернский отдел народного образования исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.
- 2 Государственный архив Северо-Казахстанской области. Ф. 158. Персональный фонд Михаила Ивановича Бенюха.
- 3 Государственный архив Северо-Казахстанской области. Ф.351. Акмолинский губернский суд.
- 4 Государственное учреждение «Госархив в г. Кокшетау» Акмолинской области. Ф.131. Советская рабоче-крестьянская милиция 2-го района Кокчетавского уезда.
- 5 Государственное учреждение Тюменской области «Госархив в г. Ишиме». Ф.2. Ишимский уездный Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.
- 6 Гривенная Л. А. Участие казахского населения в крестьянском повстанческом движении в 20 гг. XX века в Северном Казахстане // Валихановские чтения-9 : сборник материалов международной научно-практической конференции. Кокшетау : Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, 2004. Т.1. С.236-240.
- 7 Кумач И., Калюта Ф. В Акмолинских стенах: страницы истории борьбы за советскую власть в Атбасарском уезде. Алма-Ата ; Москва : Казахстанское краевое изд-во, 1936. 88 с.
- 8 Третьяков Н. Г. Западно-Сибирское восстание 1921 года : автореф. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 1994. 22 с.
- 9 Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф.5. Центральный исполнительный комитет Киргизской Автономной Советской Социалистической республики.

УЧАСТИЕ СУРГУТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ КРЕСТЬЯНСКОМ ВОССТАНИИ 1921 ГОДА

Аннотация. В статье рассматриваются биографии представителей интеллигенции г. Сургута, в марте 1921 г. присоединившихся к Западно-Сибирскому крестьянскому восстанию. Отмечается, что участие большинства сургутян в восстании обуславливалось не сознательным неприятием большевизма, а случайными обстоятельствами, мотивами выживания, приспособления. Многие из них в равной степени служили всем режимам, оказавшимся у власти в период революции и Гражданской войны: Временному правительству, «Российскому правительству» А.В. Колчака, большевикам, повстанцам. Большинство участников восстания погибло вскоре после его подавления или в годы сталинских репрессий.

Ключевые слова: Западно-Сибирское крестьянское восстание, Тобольский Север, интеллигенция, Сургут.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и администрации ХМАО-Югры, проект № 17-11-86001.

История крупнейшего за всю советскую историю антибольшевистского движения – Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года – представляет интерес для понимания процессов трансформации общественно-политических отношений, культуры, общественного сознания жителей Западной Сибири в целом и Тобольского севера в частности в эпоху революционных потрясений. Важное значение приобретает и изучение мотивов поведения людей, примкнувших к этому движению, характеристика биографий его участников. Данная проблема, хотя и находила отражение в ряде публикаций современных исследователей [6; 7], тем не менее, до настоящего времени не освещена с достаточной полнотой.

Сургут находился под властью «партизан» (так сами себя называли участники восстания) около двух с половиной месяцев – с 9 марта по 29 мая 1921 года. Так или иначе, местные жители не могли остаться в стороне от разгоревшегося конфликта. Прежде всего, следует рассмотреть основные вехи биографий людей, составлявших наиболее образованную

часть горожан – интеллигенцию. К ее числу можно причислить учителей, медиков, многих работников советских и хозяйственных учреждений.

Одним из лидеров повстанческого движения города Сургута следует признать *Андрея Ивановича Кондакова*. Он родился в 1888 г. в г. Сургуте. Окончил Тобольское 4-классное городское училище. С 1 декабря 1907 г. Андрей Иванович работал учителем Кушниковского 1-классного училища Министерства народного просвещения (по данным на 1912 г.). Обучался в Томском учительском институте (возможно, в 1913-1916 гг., т. к. в 1920 г. имел педагогический стаж 10 лет, в том числе 6 лет в сельскую начальную школу и 4 года в 2-классном училище).

В период революции и Гражданской войны Андрей Иванович не оставался в стороне от событий, потрясших до основания российскую государственность. Он отличался высокой политической активностью, занимал ряд выборных должностей при разных режимах. Так, при Временном правительстве его избирают кандидатом в члены Сургутского уездного исполнительного комитета. После свержения советской власти согласно постановлению Западно-Сибирского комиссариата от 20 июня 1918 г. создаются следственные комиссии, предназначенные для расследования деятельности бывших советских работников. В Сургуте такая комиссия официально существовала с 21 августа по 7 октября 1918 года. В ее состав входил в качестве председателя учитель Кондаков [1, 3 сентября (21 августа); 15 (2) октября].

При советской власти он сумел продолжить педагогическую деятельность, занимая также общественные и административные должности. С 15 марта 1920 г. А.И. Кондаков состоял временно исполняющим обязанности заведующего отделом народного образования, затем – председателем школьного совета. А.И. Кондаков также являлся «школьным работником» (так при новой власти стали именоваться учителя) в Сургутской школе 2-й ступени, преподавал историю, арифметику, геометрию.

После бегства из Сургута коммунистов в ночь на 9 марта 1921 г. общим собранием граждан, проходившим под председательством М.А. Носкова и А.В. Силина, избирается Комитет общественной безопасности (КОБ) во главе с Андреем Ивановичем Кондаковым. По мере ухудшения положения на фронте власть все больше сосредотачивается в руках военных. 28 марта фактически высшим органом власти в Сургуте становится подчинивший гражданскую администрацию «Сургутский Военный штаб Народной армии по борьбе с коммуниз-

мом». В состав штаба вошел и А.И. Кондаков. КОБ реорганизуется в Сургутский городской совет, председателем которого назначается опять же А.И. Кондаков. Поражение восстания заставило Андрея Ивановича бежать и скрываться в тайге, благополучно избегая расстрелов, широко практиковавшихся ревтрибуналами в первое время после взятия города красными. В марте 1924 г. среди членов общины Сургутской Троицкой церкви значился Андрей Иванович Кондаков.

Известно, что в 1930-е гг. А.И. Кондаков работал главным бухгалтером Тобольской окружной сберкассы. Был арестован 29 июля 1937 г. и 11 сентября этого же года приговорен тройкой Омского управления НКВД к высшей мере наказания. Через четыре дня А.И. Кондаков был расстрелян, захоронен в Тобольске. В сентябре 1957 г. его реабилитировали.

Еще один сургутский педагог *Андрей Васильевич Силин* родился в 1893 г., закончил 4-классное городское училище, обучался на физико-математическом отделении Тобольского учительского института [11, с. 206]. По мнению ряда исследователей, именно он являлся первым председателем Сургутского уездного совета в 1918 году [6, с. 79]. Известно, что по итогам выборов в Сургутскую городскую думу периода правления А.В. Колчака в ее состав был избран Андрей Васильевич Силин [10, 15 (2) мая] (однако, возможно, речь идет о полном тезке и однофамильце учителя – домохозяине и «кулаке», также участнике восстания, расстрелянном в 1921 году). В 1920 г. он преподавал физику и математику в школе 1-й ступени г. Сургута, являлся классным наставником, имел педагогический стаж 4 года. После занятия города повстанцами А.В. Силин был избран в состав КОБа, занимал должность руководителя Военного Совета. В феврале 1923 г. А.В. Силин сотрудниками ГПУ был арестован в районе р. Колек-Еган – притока р. Вах.

Примечательно, что коллега А.И. Кондакова и А.В. Силина, заведующий уездным отделом народного образования Анатолий Виссарионович Шананин так же, как и А.В. Силин, закончивший городское училище и физико-математическое отделение Тобольского учительского института, оказался на другой стороне баррикад, приняв активное участие в подавлении крестьянского восстания.

Уроженцем Сургута был *Леонид Андреевич Силин*, родившийся в 1899 г. и получивший начальное образование. При советской власти он занимал должность делопроизводителя военкомата. В апреле 1921 г. при власти «партизан» он становится комендантом города Сургута. В 1922 г. Л.А. Силин состоял в списках жителей города, лишенных из-

бирательных прав за активное участие в повстанческом движении. В дальнейшем Леонид Андреевич жил в Томске, работал диспетчером транспортного отдела Запсибторга. Л.А. Силин был арестован 23 сентября 1937 г. по обвинению в участии в «кадетско-монархической повстанческой» организации «Союз спасения России». 8 октября 1937 г. приговорен к 10 годам лишения свободы и 5 годам поражения в правах. Реабилитирован 12 мая 1989 года.

Модест Александрович Шестаков родился в 1877 г. в г. Тобольске в семье чиновника. К 1921 г. он овдовел и имел на содержании семерых детей в возрасте от 5 до 16 лет. До революции на протяжении многих лет М.А. Шестаков занимал должность пристава 2-го стана Сургутского уезда (с. Нижне-Лумпокольское). Имел низший классный чин – коллежский регистратор. К его заслугам следует отнести инициативу разведения картофеля в Ларьякской волости.

В 1917-1918 гг. М.А. Шестаков становится начальником волостной милиции (начальник милиции 2-го участка Сургутского уезда). В правление антибольшевистских режимов он переезжает в Тобольск, где работает делопроизводителем податного инспектора, при Советской власти возвращается на север, где занимает должность председателя Ларьякского кооператива «Вах», заведующего земельно-лесным отделом Ларьякского волисполкома [3, оп. 1, д. 94, л. 27–27об], с осени 1920 г. – заведующего информационно-инструкторским подотделом Сургутского уездного исполкома, заведующего заготовительным отделением районной конторы.

9 июня 1920 г. на Ларьякском волостном съезде советов был избран членом волисполкома. Как «единственный специалист по налогам» был зачислен в Сургутский уисполком. В качестве заведующего коммунально-хозяйственным отделом он выступал с докладом на 2-м Сургутском уездном съезде советов 16 ноября 1920 года [4, оп. 1, д. 84, л. 4].

10 марта 1921 г. приказом Комитета общественной безопасности М.А. Шестаков назначается начальником Сургутской милиции. Причем ему предлагается «в срочном порядке организовать штат народной милиции по своему усмотрению» [2, оп. 2, д. 321, л. 22]. По показаниям свидетелей, Модест Александрович без особой охоты исполнял возложенные на него обязанности, старался не допускать беспричинных арестов и конфискации. После подавления восстания М.А. Шестаков был осужден ревтрибуналом на 5 лет, лишен избирательных прав [8, оп. 1, д. 116, л. 1, 3, 3 об]. Известно, что в 1930-е гг. он работал счетоводом ар-

тели инвалидов. М.А. Шестаков был арестован 28 февраля 1938 г., приговорен тройкой Омского УНКВД к высшей мере наказания. Расстрелян в Тобольске 24 марта 1938 года. Реабилитирован в октябре 1958 года.

Не по своей воле оказались на Тобольском севере члены семьи *Дождевых* – Алексей Петрович, его дочь Нина Алексеевна. Глава семьи родился около 1870 г., происходил из крестьян, имел начальное образование. Большую часть жизни А.П. Дождев был связан с торговлей: работал прислугой в магазине, приказчиком, а позднее смог открыть собственное дело. В предреволюционные годы он вел галантерейную торговлю на Невьянском заводе, занимался благотворительностью. В течение 10 лет (с 1907 г. по 1917 г.) А.П. Дождев исполнял обязанности попечителя Невьянской женской гимназии, высшего начального училища и земской библиотеки-читальни. В 1917-1919 гг. А.П. Дождев продолжал заниматься коммерческими операциями. Осенью 1919 г. он вместе с семьей эвакуируется на пароходе в Томск. Однако из-за окончания навигации многие беженцы вынуждены были зимовать в Сургуте. Здесь Алексей Петрович поступил на службу в райпродком сначала счетоводом, позднее – делопроизводителем контрольно-распределительного отдела, бухгалтером уездного исполкома.

По приказу Тобсеввоенревкома в Сургутском уезде в 20-х числах февраля 1921 г. вводится институт заложничества. А.П. Дождев по своему прежнему роду занятий как нельзя кстати подходил на роль человека, которого можно без сожаления расстрелять в случае «контрреволюционных выступлений». Арест и содержание под стражей, по словам А.П. Дождева, оказались для него «неожиданно и загадочно» [2, оп. 2, д. 125, л. 42 об]. После вступления в город повстанцев А.П. Дождев вошел в Комитет общественной безопасности в качестве заведующего продовольственной частью. Периодически он замещал председателя КОБа, состоял в Военном совете повстанцев. Хотя факт участия А.П. Дождева в расправах над коммунистами не нашел подтверждения в ходе следствия, тем не менее, выездной сессией Томского губернского трибунала он приговаривается к расстрелу. 1 января 1922 г. приговор был приведен в исполнение.

Дочь Алексея Петровича *Нина* (родилась в 1903 г., закончила женскую гимназию в Екатеринбурге), с февраля 1920 г. работала делопроизводителем канцелярии уездного отдела народного образования, состояла членом культпросвета, «принимала участие в театральном деле» [9, оп. 1, д. 8, л. 308 об; д. 16, л. 18-18 об]. После ухода из Сургута

коммунистов она записалась в «охрану города», в течение двух дней участвуя в патрулировании сургутских улиц. С 11 по 27 марта 1921 г. Нина Алексеевна занимала должность «журналистки» (т. е. канцелярского работника) КОБа, затем – делопроизводителя Военного штаба. В ее компетенции находилось ведение документации, составление расписание дежурств сотрудников штаба. На следствии Н.А. Дождева заявила о том, что знала, «что конечной целью восстания было свержение советской власти и возврат к досоветскому строю и Учредительному собранию» [2, оп. 2, д. 126, л. 1-1 об]. Выездной сессией Томского губернского ревтрибунала Нина Алексеевна приговаривается к расстрелу. Однако в декабре 1921 г. высшая мера наказания заменена 5-летним заключением. 1 декабря 1923 г. Н.А. Дождева получила условно-досрочное освобождение. Дальнейшая ее судьба неизвестна.

Вместе с А.П. Дождевым расстреляли руководителя профсоюзной организации Сургута *Михаила Андреевича Носкова*. Он родился около 1891 г. в крестьянской семье в дер. Носковой Спасской волости Орловского уезда Вятской губернии, закончил 3 класса реального училища. В 1917-1918 гг. Михаил Андреевич работал делопроизводителем в Тобольске, в 1919 г. – секретарем Сургутской уездной управы. После восстановления советской власти он служил секретарем транспортно-материального отдела, заведующим подотделом распределения рабочей силы уездного исполкома. 9 марта 1921 г. М.А. Носков на общем собрании жителей Сургута избирается членом Комитета общественной безопасности. В комитете он исполнял обязанности секретаря, состоял членом Военно-Следственной комиссии. На завершающем этапе восстания М.А. Носков был причислен к отряду Зеленского, направленного на борьбу с захватившим Самарово отрядом П.И. Лопарева. Здесь он был арестован, возвращен в Сургут для предания суду. Бывшего профсоюзного лидера не спасли объяснения, что он не участвовал ни в каких расправах, что занимал лишь техническую должность и не влиял на принятие принципиальных решений повстанческой власти.

Интерес представляет служебный путь *Терентия Никифоровича Копытовского*, выходца из крестьян Могилевской губернии, родившегося около 1874 года. До революции он 7 лет служил в армии, занимал должность околоточного надзирателя г. Тобольска. В период революционных потрясений Терентий Никифорович перешел в милицию, являлся начальником Сургутской уездной милиции при Временном Сибирском правительстве и А.В. Колчаке. 2 июня 1919 г. он был по-

нижен в должности и назначен начальником 1-го участка. После восстановления советской власти Т.Н. Копытовский работал сотрудником транспортно-материального отдела Сургутского уездного исполкома, секретарем уездного комитета по проведению всеобщей трудовой повинности. Повстанцы предложили Терентию Никифоровичу вернуться в милицию, где он и прослужил в качестве регистратора, секретаря вплоть до своего ареста красными [2, оп. 2, д. 172, л. 1].

К числу представителей местной интеллигенции, ставших случайными жертвами происходивших событий, следует отнести врача Сургутской больницы *Павла Евгеньевича Суетина*, лечившего раненых повстанцев и расстрелянного красными «за побег от конвоира», служившего в повстанческом госпитале 48-летнего фельдшера *Василия Ивановича Рассохина*, у которого при обыске обнаружили адресованное знакомой учительнице неотправленное письмо, содержащее следующие строки: «...для таких коммунистов хорошую виселицу и всех на ней задавить как скверных и паршивых собачонок. Эти коммунисты Бога оскорбили, людей развратили, денег наворовали...» [2, оп. 2, д. 249, л. 4]. находка сыграла роковую роль в судьбе медицинского работника. Не помогли оправдания, что письмо написано «под влиянием минутного настроения». По приговору ревтрибунала фельдшер был расстрелян.

Конечно же, приведенный нами список лиц, принимавших участие в восстании и занимавшихся преимущественно умственным трудом, далеко не полон. О судьбе некоторых можно судить пока лишь по скудным строкам составленных после подавления антибольшевистского движения списков: «Кравченко – поп, расстрелян; Ключарев Павел – политком почты, расстрелян; Фролов Иван Иванович – счетовод в здравотделе, расстрелян; Клепиков Алексей Галактионович – секретарь ревкома, в бегах» [8, оп. 1, д. 115, л. 33] и т. д.

Таким образом, значительная часть сургутской интеллигенции приняла участие в драматических событиях 1921 года. Однако, как нам представляется, очень сложно обнаружить какие-либо закономерности, связанные с социальным положением, уровнем образования, служебным опытом или иными критериями, определявшими участие в Гражданской войне на стороне большевиков или их противников. Многие последовательно меняли места службы, находя применение своим знаниям и умениям при каждом режиме. Мотив выживания, приспособления был важнейшим фактором, определявшим поведение едва ли не большинства людей того времени. Ясность политических пристра-

стей, твердость в отстаивании собственных убеждений являлись и являются уделом незначительного меньшинства. Отсутствие четких ориентиров, своеобразная «разруха в головах» порождали индифферентное отношение к происходившему. Для основной части северян лейтмотивом были слова М.А. Шестакова, содержащиеся в его обращении председателю особого отдела при командующем войсками Северной группы: «Я беспартийный, для меня партийность не играет никакой роли. Я как честный человек, заверяю, что смерти никому не желал и не желаю» [2, оп. 2, д. 321, л. 4]. Для многих присутствие на той или другой стороне гражданского противоборства было не четким осознанным выбором, а результатом стечения обстоятельств. Как нам представляется, в условиях Тобольского севера деструктивные настроения не имели под собой достаточных оснований. Они могли быть привнесены, прежде всего, извне. Не случайно огромную роль в организации боевых действий, разжигании братоубийственного конфликта сыграли участники I Мировой войны, такие как П.И. Лопарев, А.П. Зырянов, А.Г. Третьяков (унтер-офицер царской армии, участник как антиколчаковского, так и антибольшевистского партизанского движения).

Источники и литература

- 1 *Ведомости Тобольского губернского комиссариата. 1918.*
- 2 *Государственный архив Томской области. Ф. 236 – Томский губернский революционный трибунал (Губревтрибунал) (1920-1922 гг.).*
- 3 *Государственный архив Тюменской области. Ф. Р-1 – Тюменский губернский военно-революционный комитет (губревком).*
- 4 *Государственный архив Тюменской области. Ф. Р-2 – Тюменский губернский исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.*
- 5 *Книга расстрелянных. Мартиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская область). Тюмень : Тюменский курьер, 1999. Т. 1. 512 с.; Т. 2. 464 с.*
- 6 *Николаенко В. И. Из истории восстания 1921 г. в Сургутском уезде // Очерки истории Сургута. Сургут [б. и.], 2002. С. 77-101.*
- 7 *Петрушин А.А. На задворках Гражданской войны. Тюмень : Мандр и Ка, 2004. Кн. 2. 272 с.*
- 8 *Сургутский городской архив. Ф. 158 – Сургутский уездный военно-революционный комитет Тюменского губернского военно-революционного комитета (Сургутский уоенревком).*
- 9 *Сургутский городской архив. Ф. 169 – Отдел народного образования Сургутского уездного военно-революционного комитета.*
- 10 *Тобольское народное слово. 1919.*
- 11 *Школа Тобольской губернии в XVIII – начале XX вв.: хрестоматия. Тюмень : Изд-во «Вектор Бук», 2001. Ч. 1. 256 с.*

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА РЕГИОНЫ

А.М. Васильева

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ УПРАВА В Г. КУРГАНЕ В 1917 Г.

В ходе Февральской революции был ликвидирован прежний продовольственный аппарат – органы уполномоченных Министерства земледелия. Одновременно с этим на местах стали стихийно возникать губернские, уездные, городские продовольственные комитеты. Это заставило Временное правительство создать 9 марта 1917 г. Общегосударственный продовольственный комитет при Министерстве земледелия. 25 марта правительством были приняты два постановления: «Временное положение о местных продовольственных органах» и «О передаче хлеба в распоряжение государства», т. е. введение хлебной монополии. Постановлением от 12 апреля 1917 г. были установлены правила регулирования мукомолья. Разрешалось вырабатывать 2 сорта муки ржаной и пшеничной: простую, без отсева отрубей и отсевную. Выработка манной крупы – только по заказам продовольственных комитетов. Были установлены твердые цены на хлеб и введена карточная система сначала на распределение мяса, позже на все продукты и промышленные товары.

В Кургане вопрос о продовольственной безопасности населения округа и о поставках для военного ведомства был поднят 8 марта, на второй день существования местного Комитета общественной безопасности. 14 марта состоялось заседание городской Думы, посвященное образованию Продовольственного комитета на широких демократических началах. Возник уездный Продовольственный комитет, в Кургане – городской, в волостях – волостные продовольственные комитеты. Комитеты избирали рабочие Управы. Уездный комитет и управу возглавил прапорщик 34-го сибирского стрелкового запасного полка Константин Матвеевич Петров, городскую управу – общественный деятель и кооператор Карп Александрович Петунин. 17 апреля Петров был избран председателем Совета крестьянских депутатов, и в это же время он получил предложение занять пост шадринского уездного ко-

миссара, от которого отказался. Петров еще занимал пост председателя Земельного комитета. Вместе с Петровым в продовольственный комитет и управу вошли Тихон Яковлевич Синкин, Михаил Петрович Сурков и два офицера 34 полка – Франц Иосифович Климайтис и Иван Кириллович Сидоренко.

Этот состав комитета зарекомендовал себя с самой лучшей стороны, и когда в июне ввиду приказа военного министра о пополнении действующей армии запасными полками в полном составе Петров заявил о сложении своих полномочий в связи с отправкой на фронт, уездный продовольственный комитет шлет телеграмму в два адреса – военному министру и министру продовольствия: «...В курганский уездный продовольственный комитет входят офицеры 34 сибирского стрелкового полка прапорщик Петров, как представитель Крестьянского союза, подпоручик Сидоренко, как представитель Военного ведомства и подпоручик Климайтис, как представитель уездного Исполнительного комитета... В жизни комитета они проявляли всегда энергичную и внимательную к нуждам армии и народа деятельность, проявив много организаторского таланта, незаменимого при настоящих условиях недостатка таких людей в тылу. Признавая, что правильная организация продовольственного дела является первостепенной задачей укрепления тыла, подчеркивая громадное значение Курганского уезда, как района массовых заготовок всех продуктов первой необходимости для армии и продовольствия для народа, считая совершенно невозможным без ущерба делу продовольствия замену Петрова, Сидоренко, Климайтиса другими лицами, просим Вас оставить их в Кургане в случае ухода полка» [6]. Просьба была удовлетворена. Полк еще оставался в Кургане, на фронт были отправлены только 18 офицеров.

Продовольственный комитет занимал дом купца Константина Мергенева на улице Центральной (ул. Горького, сейчас на этом месте мастерская художника Г.А.Травникова), затем 2 октября 1917 г. был переведен в дом Колпаковых, на углу Дворянской и Думского переулка (Советская – Комсомольская). Перед Продовольственными комитетами был поставлен целый ряд сложных вопросов: проведение хлебной монополии, т. е. отчуждение всего излишнего хлеба для государства, снабжение армии овощами, хлебом и мясом, содействие по распределению сельскохозяйственных машин и орудий среди населения. На заседании уездного комитета в июне решались вопросы о поставках хлеба, о создании прокатных пунктов сельскохозяйственных машин при волостных

комитетах, об отправке на эти пункты военнопленных в качестве монтеров, о приемке хлеба на элеваторах, об установке цен на размол зерна и пр.

Дело заготовки зерна в Курганском округе до февраля 1917 г. находилось в ведении уполномоченного Министерства земледелия Казимира Казимировича Шадзевича, было хорошо налажено и шло полным ходом. Район заготовок Шадзевича включал территорию от станции Зырянка до станции Мамлютка. Этот район унаследовал курганский уездный продовольственный комитет. Одним из первых шагов комитета было предложение всем торговым фирмам и индивидуальным торговцам доставить в комитет сведения о наличии у них запасов продовольствия. Такое же предложение было отправлено волостным продкомитетам. Это позволило уездному продовольственному комитету уже к концу апреля собрать на станциях отправки зерна – Курган, Макушино, Петухово, Лебяжье – несколько тысяч пудов зерна. Но курганский продкомитет подчинялся губернскому комитету, который почему-то не давал наряд на вагоны. Уездный комитет послал телеграммы министрам земледелия, путей сообщения, своему председателю Петрову, который в это время находился в Петрограде на крестьянском съезде, настаивая на скорейшей выдаче нарядов для вывоза этого хлеба. Проблемы с губернским Продкомитетом будут возникать постоянно. Приближалась посевная кампания. В связи с этим Общегосударственный продовольственный комитет постановил, что охрана всех посевов поручается местным продовольственным комитетам. Пахотные земли, которые не могут быть засеяны хозяевами, поступают в распоряжение местных продовольственных комитетов, которые могут сдавать землю в аренду, арендная плата выплачивается владельцам земли. В сибирских деревнях не хватало мужчин, ушедших на войну, земли не пахались. Крупный землевладелец Лев Смолин тоже не мог найти достаточной рабочей силы, чтобы обработать свои десятины. Он направляет письмо в курганский Продкомитет: «Имея около 1000 пудов культурного семенного овса «Золотой дождь» и около 100 пудов такового же качества овса «Лигово», я покорнейше прошу курганский уездный комитет принять от меня этот овес в моем Петровском имении в Черемуховской волости бесплатно и использовать его как высококультурный семенной материал» [4]. Комитет благодарил Смолина, отборные семена были посеяны и дали прекрасный урожай.

В 1917 г. урожай на все культуры был обильный, какой бывает один раз в десять лет. Очень кстати пришелся приказ военного министра

А. Керенского от 22 июня: «Введение хлебной монополии сделало весь хлеб государственным достоянием. Интересы России, армии и всего народа требуют, чтобы весь урожай был собран без малейших потерь. Между тем повсеместно недостаток рабочих рук грозит тем, что значительная часть урожая останется не убранной. По соглашению с министром продовольствия приказываю: во всех гарнизонах формировать из воинских частей... особые команды для полевых работ и ремонта сельскохозяйственных машин. Команды поступают в распоряжение местных продовольственных комитетов...» [7]. Из солдат 34-го сибирского стрелкового запасного полка, расквартированного в Кургане, были составлены команды, которые разъехались по деревням для помощи крестьянским хозяйствам. Когда хлеба начали поспевать, командир полка 13 августа на основании телеграммы из штаба Омского военного округа просит продовольственную управу срочно вернуть всех солдат, так как предполагается отъезд полка на фронт. Было срочно созвано заседание уездного продовольственного комитета, на котором решили довести до сведения министров и командующего войсками Омского военного округа о создавшемся положении и ходатайствовать о немедленном командировании в распоряжение Продовольственной управы всех работоспособных нестроевых и строевых солдат курганского гарнизона сроком хотя бы до 20 сентября. Заседание считало, что спасение громадного урожая не менее важно, чем защита Родины от внешнего врага. 34-й полк был оставлен в Кургане. Совдеп объявил, что ввиду того, что 34-й полк, из состава которого выбран Военный отдел Совета, распущен на полевые работы, общее собрание Совдепа считать состоявшимся при наличии любого числа членов Военного отдела.

В течение лета курганский уездный продкомитет неоднократно оказывался в весьма затруднительном положении в отношении заготовок хлеба, мяса и прочих продуктов для армии, потому что губернский комитет не высылал необходимые средства. Приходилось обращаться к министрам продовольствия и земледелия и в главный отдел заготовок с предупреждением о том, что если не будут получены деньги для закупок, то комитет вынужден будет их остановить. Даже заготовив хлеб, продкомитет не мог его отправить из-за отсутствия вагонов. Приходилось подключать Совдеп, который 26 августа 1917 г. обсуждал телеграмму о тяжелом положении с продовольствием в армии и в некоторых губерниях, в том числе в Москве, где хлебный паек был сокращен до голодной нормы – полфунта в день. Совдеп посылает сообщение московскому

совдепу о том, что в Курганском уезде имеются значительные запасы хлеба, но нет нарядов на вывоз по железной дороге. Просили содействовать отправке.

В октябре в Омске состоялся съезд Краесовета (Краевой продовольственный экономический комитет) по продовольственным вопросам, на котором присутствовал член курганской продовольственной управы подпоручик Климайтис. Возвратясь, он доложил, что Краесовет взял направление на уничтожение продовольственных комитетов на местах и передачу дела заготовок в руки частных предпринимателей-спекулянтов. Следом пришла от Краесовета телеграмма, в которой курганский продовольственный комитет обвинялся в слабой организации заготовок зерна нового урожая. Для усиления заготовительного аппарата предлагалось привлечь силы кооперации мукомольной торговли, срочно расширить складские помещения, увеличить технический персонал и количество приемных пунктов, привлечь новых контрагентов. Из Кургана немедленно был отправлен ответ: «Удивляемся наивности Краесовета в деле хлебных заготовок и полному незнакомству с условиями работы Курганского района. Будучи не в курсе дела бросают необоснованные упреки, стремясь во вред делу исказить действительное положение вещей, чтобы навязать нам спекулянтов и никуда не годных специалистов... Если задаетесь целью разрушение дела, пробуете не только вмешиваться в нашу компетенцию, но и совсем вырвать дело из наших рук и передать мародерам, то это вызовет отлив хлеба от станций и такую Вашу деятельность Курган будет рассматривать как измену Родине в годину небывалых испытаний. С вашими угрозами не считаемся. Работаем, как велит нам совесть и интересы избравшего нас народа и интересы Родины. По нашему мнению на Краесовете лежит тяжелая обязанность снабдить нас в достаточном количестве деньгами, мешками и своевременной подачей вагонов, с чем Вы уже теперь в самом начале заготовок не можете справиться. Из полученных от Вас распоряжений усматривается отсутствие планомерности, сумбур и полное незнакомство с живым делом, что толкает вас на рискованные шаги. Как показатель ошибочности Краесовета в оценке деятельности курганской уездной продовольственной управы в деле снабжения армии продуктами является одобрение нашей работы Продовольственной комиссией Всероссийского центрального исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов» [8].

Также обстояло дело и с мясными заготовками. Если хлебные за-

готовки ранее исполнял Шадзевич, то мясными заготовками заведовал В.А. Постников. При образовании уездного продкомитета Шадзевич и Постников были оставлены для параллельной заготовки продуктов только для действующей армии. Курганский район являлся одним из важнейших районов не только Сибири, но и всей России по заготовкам и выработке мясных продуктов. Постниковым и после него курганским продовольственным комитетом за последний операционный год (1 июля 1916 г. – 1 июля 1917 г.) было заготовлено 22 миллиона порций разных интендантских консервов, переработано свыше полумиллиона пудов мяса и около 400 тысяч пудов мороженой свинины. Закуплено и убито в Кургане до 40 тысяч голов рогатого скота, до 30 тысяч голов свиней и полученное мясо переработано курганскими заводами в консервы, копченые и соленые продукты. Закуплено и отправлено свыше 8 миллионов штук куриных яиц. Оборот района за этот год составил около 15 миллионов рублей [2, оп.1, д. 2, л. 35]. Тобольский губернский продовольственный комитет оставил за собой право заключать все контракты по заготовке мяса по Курганскому району, а курганский комитет должен был исполнять эти контракты, при этом получая только авансы для расчетов с продавцами, которые соглашались на поставки лишь при полном расчете. Из Кургана в Тобольск шли телеграммы с требованием денег на закупку мяса, хлеба, яиц для армии, в ответ было молчание. Заготовки мяса резко падали.

Через газету продкомитет объявляет, что с 12 июня на торговой площадке скотом при бойне будет производиться закупка крупного рогатого скота по твердым ценам для продовольствия армии. Тощий скот весом менее 12 пудов приниматься не будет, при живом весе до 15 пудов – по 7 р. 40 коп. за пуд, сверх 15 пудов расценка повышается по 10 коп. за пуд живого веса [5]. Это не спасло положения. 18 июня курганский продком шлет телеграмму министру продовольствия, в которой указывает на разногласия с губернским комитетом и считает единственным выходом из этого положения передачу всей заготовки продуктов в полное ведение уездного продовольственного комитета с открытием для него кредита в курганском казначействе на первое время в сумме 3 млн руб. На это время в Кургане запасов мяса и подгона скота уже не было, колбасные и консервные заводы готовились остановиться через 2-3 дня. Раньше закупка живого скота в большой мере производилась в Акмолинской степи, но теперь продком Акмолинской области запретил закупку для курганских консервных заводов. Большую роль играла

разница в закупочной цене на живой скот и на мясо. Мясо в Курганском уезде было дешевле, чем в Оренбургской и Пермской губерниях, и его увозили за пределы Курганского района. Было необходимо провести уравнивание цен в регионе и отменить запрещение перегона скота из одной губернии в другую.

Курганский продкомитет начал упорно добиваться самостоятельности. Петров и Постников ездили в Омск на краевой съезд представителей продкомитетов Западной Сибири, состоявшийся 10 июля 1917 г., на котором было постановлено дать курганскому комитету права губернского. Но это оказалось только декларацией. После попытки Краесовета в октябре изменить работу курганского комитета уездный Исполком (Комитет общественной безопасности) признал недопустимым вмешательство в компетенцию курганской уездной продовольственной управы каких-бы то ни было других организаций и выразил полное доверие ее сотрудникам. Ввиду предстоящего 29 октября приезда в Омск Министра продовольствия Прокоповича было решено командировать в Омск Климатиса и члена Исполкома Некрасова для личного освещения Министру состояния продовольственного дела в Кургане, чтобы предотвратить неверные шаги Краесовета. Итогом командировки стало присвоение Министром курганскому продовольственному комитету прав губернского комитета. 15 ноября 1917 г. состоялось организационное собрание курганского продкомитета на правах губернского. Председателем управы опять избрали Константина Матвеевича Петрова, товарищами – председателя Франца Иосифовича Климатиса и Михаила Петровича Суркова, членами – Михаила Петровича Долбилова и Кондратия Козьмича Худякова.

Если уездный продовольственный комитет занимался заготовками для армии и голодающего населения центральных губерний, то заготовками для Кургана занимался городской продовольственный комитет. Только мясом городское население снабжала уездная продовольственная управа. Председателем городского комитета был Карп Александрович Петунин, членами комитета в разное время были Савва Георгиевич Каменских – торговец, Всеволод Вячеславович Иванов – будущий писатель, Яков Казаков, Тихон Яковлевич Синкин – заведующий переселенческим складом сельскохозяйственных орудий. В городе не хватало продуктов, мануфактуры, обуви, керосина, топлива и все это падало на плечи городского продкомитета. На почве повышения цен на мясо в декабре из толпы были нанесены побои К.А. Петунину. Страна шла к про-

довольственной разрухе. Волна беспорядков докатилась и до Сибири. В октябре в Петропавловске произошли разгромы и убийства на почве двойного повышения цен на хлеб и отсутствия фабричных товаров. То же самое назревало и в Кургане, тем более что в сентябре мука населению не выдавалась. Городская управа поспешила объявить, что мука-сеянка за ноябрь будет роздана в октябре в прежнем количестве и по прежней цене – 4 р. 20 коп. за пуд, отруби – по 2 р. 80 коп. за пуд, сахар – по 1,5 фунта на человека по 38 коп. за фунт. Началась продажа мануфактуры – по одному аршину на человека из-за ограниченного количества на складах. Управа торопилась, с 1 ноября вводились новые цены и нормы: мука-сеянка по 30 фунтов на едока в месяц по 7 р. 20 коп. за пуд, мука обойная – 6 р. 30 коп. за пуд, ржаная обойная – 5 р. 26 коп. за пуд. Цена на мясо повышалась с 48 коп. до 54 коп. за фунт. Все продукты выдавались по карточкам, в том числе мясо – 2 фунта в неделю на едока. Управа призывала население принять тяжелую необходимость подчиниться неизбежному повышению цен во имя спасения Родины и завоеваний революции. В конце 1917 г. городской комитет имел запасов муки 35 000 пудов, для урегулирования цен на печеный хлеб он решил открыть собственную хлебопекарню.

Уездный и городской продовольственные комитеты вели отчаянную борьбу с ходоками из европейской России за продовольствием, с мешочниками, как их называли в Кургане. Борьба обострилась осенью, когда собрали новый урожай зерна. Дума, несмотря на протесты продовольственной управы, решила выдать первой партии по 30 фунтов хлеба на едока и просить разрешение к погрузке. Но за первой партией последовали новые, и все они предъявили те же требования. Решили выдачу хлеба прекратить. Закупив хлеб по спекулятивно взвинченным ценам, мешочники самовольно захватывали вагоны, поданные для погрузки хлеба по нарядам на фронт и в голодающие губернии, и под угрозой насилия требовали прицепить их к поездам. Среди мешочников было много перепродавцов хлеба, спекулянтов. 12 ноября состоялось совещание представителей революционных и общественных организаций Кургана по продовольственному вопросу. Было принято постановление закрыть станции Зырянка, Курган, Варгаши, Лебяжье, Макушино, Петухово и Мамлютка для приезда мешочников, установить кордон на станции Курган и весь хлеб, провозимый мешочниками или вообще следующий не в адреса продовольственных организаций реквизировать по установленным твердым ценам. Отправить для охраны станции

и пунктов приема и закупки хлеба воинские команды с офицерами во главе [2, оп.1, д.2-б, л.76]. Мешочников на станции в Кургане собралось более тысячи человек, посыпались угрозы в адрес продуправы и совдепа. На ноябрь было получено нарядов для армии более чем на 2 млн пудов хлеба. К середине месяца 800 000 пудов было закуплено, но отправке мешали мешочники, которые захватывали вагоны. Явление это разрасталось с каждым днем и угрожало свести хлебные заготовки на нет. Подвоз хлеба сократился, а в Петухово совсем прекратился. Некоторые волости объявили, что не будут везти хлеб, пока не будет подавлена спекуляция [2, оп.1, д.2-а, л.210]. Управа, получив телеграмму о грозящем армии голоде, обратилась к командиру 34-го запасного полка с просьбой отпустить в распоряжение управы 10 офицеров и 50 солдат для посылки в уезд с пропагандой о необходимости подвозки хлеба. Продуправа через газеты постоянно напоминала населению, что торговля зерном, мукой и другими хлебными продуктами воспрещена, что хлеб у продавцов и покупателей будет реквизироваться, а покупатели и продавцы будут привлекаться к судебной ответственности.

После того, как совдеп объявил о передаче всей полноты власти в руки Совета, продовольственный комитет на своем заседании 27 ноября 1917 г. постановил: «продолжать свою деятельность безостановочно во имя исполнения долга перед голодающими армиями и населением страны, но в случае предъявления Советом каких-либо требований, таковые считать незаконными, а при применении принудительной грубой силы над кем-либо из состава Управы или служащих – работы прекратить, возложив всю ответственность на захватчиков власти...» [2, оп.1, д.2-б, л.193]. 28-29 декабря в Кургане состоялся съезд крестьянских депутатов, который постановил уездную продуправу взять в ведение совдепа и переизбрать ее состав. 11 января 1918 г. на заседании исполкома совдепа было зачитано заявление нового председателя продовольственной управы Шмелева об упорном нежелании старого состава управы сдавать дела, несмотря на предписание Краесовета. При одном воздержавшемся постановили арестовать бывших членов управы, которые на следующий день и были арестованы [1, оп.1, д.312, л.2]. За подписью Дм. Пичугина начальнику тюрьмы поступило распоряжение: Петрова, Климайтиса, Долбилова и Суркова посадить в одиночные камеры и не разрешать им свиданий без согласия исполкома Совета. 21 января 1918 г. состоялось совместное заседание уездного земского собрания, гласных городской думы и председателя совдепа Гордиенко по вопро-

су «гноусного насилия» над членами продовольственной управы, «выразившееся ни на чем не основанном незаконном аресте их...и принимая во внимание, что никто в свободной Российской республике не может быть подвергнут тюремному заключению без суда и следствия. Постановили: 1. Вызвать энергичный протест против этих самовольных насильственных действий совдепа, в его составе воскресающих времена самодержавного царского режима, 2. Требовать немедленного освобождения . 3. Довести эту резолюцию до общественности» [2, оп. 1, д. 50, л. 20]. К 4 мая все они были освобождены. Возбужденное в ревтрибунале дело по обвинению в должностных преступлениях Петрова и членов управы было производством прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления. Уже после чехословацкого переворота заведующий хлебным отделом Шадзевич написал листовку, отпечатал в рабочей типографии, и она была расклеена по всему городу. «...Считаю своим долгом объявить, что предъявленный иск большевистской управой к президиуму курганской управы первого созыва является сплошным прискорбным недоразумением по причине некомпетентности обвинителей в области сдачи и отправки хлебных продуктов, благодаря чему и были заподозрены чуть ли не в хищении совершенно невинные, безупречные труженики первой курганской продовольственной управы» [3, оп. 1, д. 42, л. 2]. В новый состав продуправы вошли: Александр Павлович Климов – бывший военный комиссар, Алексей Иванович Сальников – рабочий консервного завод, Ветров. 27 февраля 1918 г. из Кургана было отправлено 4 поезда – 100 вагонов муки и 20 вагонов овса в адрес Центральной управы [3, оп. 1, д. 69, л. 67]. После чешского переворота обязанности продовольственной управы были возложены на хозяйственный отдел Думы.

Источники и литература

1 ГАКО Государственный архив Курганской области). Ф.253.

2 ГАКО (Государственный архив Курганской области). Ф.р-852.

3 ГАОПДКО (Государственный архив общественно-политической документации Курганской области). Ф.6916.

4 Народная газета. 1917. 26 апреля.

5 Народная газета. 1917. 14 июня.

6 Народная газета. 1917. 16 июня.

7 Народная газета. 1917. 24 июня.

8 Новый мир. 1917. 4 ноября.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В КУРГАНСКОМ УЕЗДЕ 1917-1919 ГГ.

Аннотация. Невозможно усомниться в особенном значении для истории нашей страны событий октябрьской революции 1917 года, ее влиянии на судьбы государства на протяжении большей части двадцатого столетия. Сейчас, накануне знаменательной даты – столетия этого исторического события, особенно важно вновь обратиться к этой теме. В данной статье сквозь призму источников отражены изменения земельной политики в Курганском уезде за период 1917-1919 годов – с момента прихода к власти большевиков вплоть до выдворения колчаковского правительства; на основе исследования сделаны выводы о характере реформ и контрреформ, отношении населения к ним.

Ключевые слова: земельный вопрос, Советы, большевизм, Белое движение, Колчак, Курган.

С утверждением власти Советов в уезде начинается первая волна экспроприаций и реквизиций. Так еще до весны были национализированы 39 крупных предприятий промышленности, в том числе производства маслodelьного оборудования, турбин, частей мельниц. Также национализации подверглись колбасный и консервный заводы, а также пивоваренный и два спиртоводочных. Разумеется, эти и подобные им акты экспроприации все больше настраивали против большевистского Совета владельцев промышленных предприятий, осознающих неизбежность потери своего имущества [2, с.32].

Однако беднота и средней обеспеченности землевладельцы встречали подобные изменения с воодушевлением благодаря большевистской ценовой политике, наложенной на самую активную пропаганду в селах и деревнях. Таким образом, большая часть крестьянства ожидала, с одной стороны, снижения цен на орудия производства, а также продовольствие, с другой – видеть беду, постигшую не любимых народом «богатеев» [6], также было приятно.

Курганские большевики провели обширную работу по монополизации производства и торговли всеми сортами Зауральского хлеба, с одной стороны, установив на него фиксированные цены, с другой – призвав деревенских бедняков отнять у зажиточного крестьянства и купцов

запасы хлеба, а после распределить их между нуждающимися [7].

Еще в середине января 1918 года Курганская партийная организация и исполком Курганского Совета во главе с заместителем председателя Пичугиным разгромили городскую продовольственную управу и захватили контроль над рычагами управления производством, перевозкой и реализацией продуктов во всем уезде [4, д.26, л.17].

Разумеется, большевистская продовольственная политика также встречала яростное сопротивление со стороны хлеботорговцев и крупных аграрных хозяйств, запасы которых изымались без какой-либо компенсации [4, д.26, л.21].

Поскольку самостоятельное изъятие хлебных запасов руками крестьян и рабочих продвигалось медленно, встречало ожесточенное сопротивление хлебовладельцев и их многочисленные жалобы в уездный Совет, было принято решение о формировании продовольственных отрядов, которым и была поручена заготовка хлеба. Это еще больше обострило классовую борьбу в деревнях, поскольку сформированные преимущественно из сельской бедноты, заводских рабочих и солдат-фронтовиков отряды имели зачастую личное предубеждение, в том числе благодаря пропаганде самих большевиков, против тех, реквизициями чьего имущества им предстояло заниматься. Таким образом, нередко были случаи конфликтных ситуаций.

Нет, конечно же, мало нашлось бы тех собственников, кто добровольно согласился бы отдавать свое имущество в неизвестные руки, терпя, к тому же никак не возмещаемые убытки. Нет, речь идет о более острых конфликтах, начинающихся с взаимных оскорблений, драк. К тому же были и примеры, когда продовольственные отряды конфисковали вообще все хлебные запасы, не оставляя ничего даже для личного использования собственников и их семей [4, д.26, л.12].

Советская власть, однако же, осознавала тот эффект, что оказывают подобные эксцессы на ее репутацию в народной среде, а потому злоупотребляющие своими полномочиями командиры «хлебных» отрядов получали выговоры и лишались мест [2, с.13].

Как реагировала уральская деревня на повороты аграрной политики в 1917-1921 гг.? Основную линию выживания деревни образовывало стремление оградиться от внешнего вмешательства, свести до необходимого минимума внешние контакты и самостоятельно решать возникающие проблемы. Высказывания самих крестьян ясно свидетельствуют о том, насколько те не доверяли кому-либо из новых властителей.

Также с началом осени набирает обороты волна перераспределения земельных ресурсов: устанавливаются нормы земли на человека, а хозяйства делятся на трудовые, частично-трудовые и нетрудовые.

К первым принадлежат хозяйства, полностью соответствующие площадью обрабатываемой земли количеству своих землевладельцев, причем только лишь при условии того, что обрабатываются эти площади личным трудом владельцев, без привлечения батраков [1, с.49-50].

Вторые отличались частичным использованием труда наемных работников.

К третьим же относились в основном земли, находящиеся в пользовании аграрных объединений или же принадлежащие крупным арендодателям. Так или иначе, характеризовались эти территории полностью наемным трудом в их обработке.

Предполагалось, что у землевладельцев первой группы будут изыматься лишь «излишки» сверх установленной, необходимой для выживания хозяйства нормы; у частично-трудовых хозяйств подлежали изъятию также все земли, обработать которые не смог землевладелец лично, без привлечения батраков.

Третья же категория лишалась своей собственности полностью, без права на компенсацию. Данные землевладельцы относились к категории «богатеев», «буржуев» и «угнетателей». Операции по экспроприации у них были самими бесцеремонными из всех, зачастую с применением насилия.

Как видно, крестьянство с энтузиазмом приступило к исполнению указаний Советской власти в аграрной сфере. 28 января правлениями Белозерской, Иковской и Марайской волостей Курганского уезда были взяты под контроль все частновладельческие, казенные церковные земли, леса и другие угодья. На территориях Куртамышского лесничества земельные комитеты 18 волостей постановили взять на учет и распределить между волостями земли банков, а также казенные оброчные статьи [1, с.51]. Все бывшие частные, церковные, казенные земли поступали в запасный земельный фонд, который затем распределял их между крестьянскими хозяйствами на основе уравнительных принципов.

Разумеется, крестьяне считались лишь временными пользователями, но не собственниками, однако для безземельных и малоземельных семей и этого было достаточно. В волостях вплоть до конца весны проводятся собрания и митинги, на которых крестьянское население выражает свою благодарность большевистскому правительству, обе-

спечившему их долгожданной землей и «наказавшему кулаков и богатей-капиталистов» [4, д.26, л.33].

В итоге в Курганском уезде в распределительный земельный фонд поступило к началу весны 44842 десятины удобной для обработки земли [1, с.51].

Мало, однако, было обеспечить крестьян землей, ведь у беднейших из них не было инвентаря и тягловой силы для обработки и сбора урожая с приобретенных наделов. В то время как в Шадринском уезде на съезде 18 марта А. Жданов советовал реквизировать все необходимое у «богатеев», курганские большевики пошли дальше: 15-18 апреля 1918 года состоялся четвертый Курганский уездный крестьянский съезд, созданный исполкомом Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. На съезде присутствовало 599 делегатов с решающими голосами, председательствовал Пичугин. Съезд нашел удовлетворяющей нуждам депутатов работу, произведенную в земельной сфере, рассмотрел также вопрос об использовании конфискованного имущества. Было принято решение весь конфискованный сельский инвентарь, а также домашних животных сосредоточить в созданных на базе бывших дач и усадеб земельных артелях, работать на которых предстоит беднейшим слоям крестьянства, не имеющим средств к ведению собственного хозяйства. Также планировалось создание пунктов проката сельскохозяйственных машин, молотилок, косилок и иного инвентаря. В этих пунктах орудия труда должны были храниться, обслуживаться и предоставляться по запросам отдельных хозяйств. Некоторые пункты проката держали при себе и квалифицированных работников, операторов машин, также выезжающих в хозяйства, лишённые своих специалистов.

Однако, получив столь желанную землю, далеко не все крестьяне использовали ее как рачительные хозяева. Техника, скот и даже сама земля часто использовались хуже, чем раньше, до большевистских преобразований. Производительность труда падала, некому было организовать крестьян для работ, которые велись зачастую бессистемно [1, с.52].

Обеспокоенный ходом работ Курганский земельный отдел в циркуляре волостным земельным отделам указывал, что каждый взявший во временное пользование землю и инвентарь для ее обработки должен расписываться в том, что урожай с его участка будет собран в срок, а оборудование возвращено. С нарушителей этого обязательства было предложено взыскивать денежный штраф в размере убытка, нанесен-

ного действия пользователя земли хозяйству. Тем не менее, уже к лету стало ясно, что принуждение и расписки не научат бедноту рачительному ведению хозяйства. В циркулярах земельного отдела уезда звучит призыв к ускоренному созданию артелей и коллективных хозяйств. Местные органы управления развернули широкую деятельность по созданию и поддержке коллективных хозяйств.

Однако дело шло плохо, народ не верил в эффективность коллективного труда. Все усилия, приложенные революционным движением за последние годы к разложению сельской общины, обернулись против них самих. Самостоятельные, но неэффективные хозяйства хирели, расширившиеся к этому времени экспроприации, все чаще затрагивавшие уже даже и крестьянские хозяйства средней руки, также не добавляли популярности советской власти.

Во многих волостях население на сходах высказывает свое недоверие местным Советам, некоторые из них даже были разогнаны. Для восстановления Советов и подавления «контрреволюционных выступлений» из Кургана в волости направляются вооруженные отряды. Принужденные силой к повиновению крестьяне уже не ждали от властей ничего и с готовностью воспринимают антибольшевистскую пропаганду, развернутую в селах сторонниками Временного Сибирского правительства.

В ночь на 2 июня 1918 года советская власть в Кургане была свергнута, отряды рабочих и красноармейцев были окружены и разбиты по частям, выжившие арестованы и помещены в городскую тюрьму. Выйти из города удалось только отряду под командованием самого Пичугина, однако вскоре, 18 июня, отряд был настигнут карательными силами неподалеку от села Усть-Суерского. Пичугин попал в плен и был убит по дороге в Курган, у села Белый Яр [4, д.52, л.15-16].

В результате этих событий к власти в уезде пришло Временное Сибирское правительство во главе с кадетом П.В. Вологодским. Были восстановлены все административные и судебные органы, существовавшие до Октябрьского переворота: прокуратура, мировые и административные суды, земские управы и так далее. Во главе губерний и уездов были поставлены губернские и уездные комиссары Временного правительства. Население встречало восстановление старых порядков с воодушевлением – многие пострадавшие от уравнительной политики Советов воспринимали белых как освободителей [4, д. 52, л. 2]. Однако уже 4 июня военным комендантом города был издан приказ, ограничи-

вающий свободу передвижения по городу, всякие собрания разрешались только военными властями [5, д.1, л.21].

Временным Сибирским правительством были объявлены незаконными захваты крестьянами церковных и частных земель, проводившиеся в конце 1917 – первой половине 1918 годов; все декреты советской власти признавались недействительными. Этому противились недавно еще малоземельные и безземельные крестьяне, не желавшие терять недавно приобретенные участки, среднеземельные хозяйственники из числа не понесших особого ущерба от действий Советов, или даже приобретших инвентарь, также сопротивлялись возвращению собственности бывшим владельцам. Они полагали, что луга, поля, покосы и сельское оборудование находятся у них на законных условиях, что было подтверждено итогами уездного съезда крестьян, проведенного в Кургане 13-15 июня 1918 года. Итоги съезда не были признаны белым правительством и опротестованы комиссаром Алексеевым [4, д.52, л.16]. В письме волостным земельным управам он советовал вернуть старым владельцам хотя бы те земли, что на данный момент не используются крестьянами, то же касалось и оборудования [5, д.1, л.17]. Таким образом, рассчитывавшие на восстановление прав владения в полном объеме крупные землевладельцы получили лишь то, что еще не было распределено и находилось на сохранении земельных комитетов.

Еще 6 июня Временное Сибирское правительство издало постановление о передаче земельных участков, экспроприированных советской властью, во временное заведование прежних владельцев. Временным оно должно было стать до тех пор, пока собранное вновь Учредительное собрание не решит окончательно земельный вопрос. Перераспределением же земли до тех пор должны были заняться земские управы, которые, понимая, что своими действиями наверняка вызовут недовольство текущих пользователей земель, с претворением проекта в жизнь не спешили.

На запрос Курганского уездного комиссара о причинах задержек Курганская уездная управа ответила, что до получения от министерства земледелия точных указаний о передаче пашен и лугов приступать к выполнению постановления Сибирского правительства не станет [5, д.1, л.21].

Та часть управы, что не состояла из крестьян, была представлена интеллигенцией и буржуазией, выполнять распоряжения Временного правительства они опасались, полагая, что это может усугубить классо-

вую борьбу в деревне и еще больше настроить крестьян друг против друга. Уездному комиссару они сообщали следующее: «Слух о земельной реставрации страшно взбудоражил умы населения умы населения. Ропот против Временного Сибирского правительства усиливается» [5, д.21, л.21].

Сельские общества и управы тем более решили земли прежним владельцам не возвращать. Так, например, Секисовское сообщество сельских жителей Шмаковской волости Курганского уезда выкосило зерно и распашало паровые на землях Я.А. Рыбина. Сельский сход, рассматривая жалобу последнего, решил ничего ему не возвращать. Рыбин настаивал, ссылаясь на решение губернского и уездного комиссаров, в ответ же ему было заявлено, что «сход не признает никаких комиссаров и министров – власть теперь народная» [5, д.1, л.22]. Не сумев добиться своего, бывший частновладелец был избит и на двое суток попал под стражу. В итоге решение схода было опротестовано Курганским Уездным комиссаром. Земли были возвращены под угрозой высылки карательного отряда, однако в пользование ими Рыбин так и не вступил, находясь под постоянным давлением Секисовского сообщества [5, д.1, л.23].

Если владельцу и удавалось вернуть себе старые земли, то сельчане предпринимали все возможное для того, чтобы «выжить» его с них. Так, например, в селе Шмаковском был выселен по решению собрания крестьян владелец участка Маслов [5, д.1, л.162].

30 июля крестьяне Шмаковской же волости, на сей раз из деревней Шастовой и Волосниковской, отказались вернуть участок А.Е. Глухих [5, д.21, л.164].

В результате широкого крестьянского движения против аграрной политики Сибирского Временного правительства, а после – и Временного Всероссийского правительства вернуть прежние земли смогли лишь немногие владельцы. Так, в Курганском уезде из 500 владельцев, обращавшихся в уездные и губернские земельные органы, реально вернуть смогли свои участки смогли лишь двое [5, д.21, л.169].

Обратной была ситуация с церковными землями. По всей видимости, религиозные мотивы были еще слишком сильны в крестьянской среде, а потому, хоть они и готовы были принять земли монастыре и храмов в пользование по указанию властей, но вступать в долгие тяжбы с церковными властями, в отличии от светских, не намеревались. Большая часть отчужденных церковных земель была возвращена приходам в кратчайшие сроки.

Весной 1919 усиливается антибольшевистский террор, по селам

Курганского уезда направляются карательные отряды.

13 августа отряд под командованием Томина выбил колчаковцев из Кургана и укрепился в нем, захватив железнодорожный мост через Тобол, не дав, таким образом, белым подорвать его.

Можно сказать, что на протяжении всего рассмотренного периода отношение население Курганского уездов к революции и пришедшим вместе с ней порядкам остается крайне неоднородным. Очевидно, что наибольшую поддержку большевистскому правительству оказывали, а следовательно, в целом позитивно воспринимали Октябрьский переворот те категории граждан, на которых в итоге и была направлена советская социально-экономическая политика. В первую очередь, это, конечно, крестьяне, не владевшие до революции собственным участком земли, владевшие недостаточным количеством земли, а также имевшие землю, но не способные, ввиду, например, потери части членов семьи в случае семейных хозяйств, его обрабатывать должным образом. Также к таковым можно отнести и рабочих без специального образования, находящихся в крайне тяжелых трудовых условиях.

Таким образом, можно сказать, что отношение к земельному вопросу и методы его решения представляются одним из наиболее важных факторов формирования в народном сознании поддержки той или иной противоборствующих сторон Гражданской войны.

Источники и литература

- 1 Аксенова М. Е. Долгих Ю. И. *На главных направлениях. Хроника Курганской областной организации КПСС. Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 1988. 173 с.*
- 2 Васильева А. М. Скородумова Н. Ф., Терцукова Е. В. *Курганские хроники 1662-2000. Курган : Зауралье, 2002. 520 с.*
- 3 Глебов С. С. *Победа советской власти в Зауралье. Курган : Советское Зауралье, 1962. 149 с.*
- 4 Государственный архив Курганской области (ГАКО) Ф.Р-1670 (Коллекция участников установления Советской власти и гражданской войны). Оп.1.
- 5 Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф.Р-852 (Комиссар колчаковско-го контрреволюционного правительства по г. Кургану). Оп.1.
- 6 Жарков А. *Октябрь в Кургане // Красный Курган. 1948. 5 ноября.*
- 7 Жарков А. *Борьба Курганских большевиков за установление власти Советов в Зауралье // Красный Курган. 1955. 5 ноября.*

ЦЕРКОВНАЯ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА В «ТОБОЛЬСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЯХ» ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1919 ГОДА: СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА И ПРИЕМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АУДИТОРИЮ

Аннотация. В «Тобольских епархиальных ведомостях» нами выделены смысловые блоки и приемы антибольшевистской пропаганды 1919 г. Большевики были вписаны в двухполюсную пространственно-временную картину мира, в которой занимали положение «внизу», на уровне «темного», «плотского», «дьявольского», и символизировали приход антихриста и конца мира. Их внутренней пустоте, эгоизму и «звериной» жестокости противопоставлен идеал мученика, а их стремлению к «сытости» – стремление верующих к спасению души. В пропаганде задействованы мотивы патриотизма, антисемитизма, недоверия к Западу, концепт «Святой Руси» и др.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Гражданская война, антибольшевистская пропаганда, социализм, «Тобольские епархиальные ведомости».

В последние годы заметен рост интереса к проблемам церковной истории и структурам православного менталитета, а круглая дата столетия российской революции обращает особое внимание историков на бытование церкви в условиях революции и гражданской войны. Цель нашего исследования – на материалах церковного журнала «Тобольские епархиальные ведомости» (далее – ТЕВ) выделить смысловые блоки антибольшевистской пропаганды 1919 г., показать, какими методами конструировался образ большевистского врага, выявить составляющие этого образа. Материалы ТЕВ ранее не становились объектом анализа в рамках указанных тем, которые, в свою очередь, практически не освещены в исторической литературе, посвященной религиозно-мировоззренческой стороне событий 1919 г. на территории Урало-Сибирского региона. Хронологические рамки с января по июль 1919 г. объясняются прекращением выпуска ТЕВ в связи с летним наступлением «красных» на территорию Тобольской епархии, а также психологическим аспектом – переходом от сдержанного оптимизма новогодних январских публикаций к фактическому краху церковных надежд на воссоздание «Святой Руси».

Особой чертой церковной журнальной пропаганды является повышенная эмоциональность. Авторы активно использовали эмоционально насыщенную лексику и яркие, запоминающиеся образы, пробуждая прежде всего негативные эмоции (страх, отвращение). Революция – это «кровавая буря» [19, с. 79], «кровавые тени», которые «плывут и колыхаются» [21, с. 99] над Россией, коммунизм – это «гнусный вампир», «с наслаждением» сосавший кровь мучеников и захлебнувшийся в этой крови [2, с. 220], а русские социалисты – люди, которые «...сами с победоносным карканьем стали выклеивать свои же внутренности» [34, с. 289]. В качестве эмоционально насыщенного можно привести образ России как «опозоренной» и страдающей физически женщины, лишившейся ребенка [19, с. 81] или России как «больной души Раскольникова» [26, с. 125].

В церковной публицистике 1919 г. ярко отразилась двухполюсность мира как структурный элемент православного мировоззрения и пропаганды. Это проявляется через метафорические бинарные оппозиции – диады свет-тьма, дух-плоть, свой-чужой, высокое-низкое, созидание-разрушение и др. По мнению лингвистики Т.В. Григорьевой, подобные оппозиции упрощают и упорядочивают картину мира, служат универсальными оценочными маркерами и «актуализируют глубинные онтологические связи» [6, с. 7-8], причем их распространенность в мышлении говорит об определенной его архаичности. Большевики вписаны церковью в двухполюсную религиозную пространственно-временную картину мира: они «внизу» – там, где ад и дьявол, плотское, звериное, материалистическое. Им противостоит другое начало – «высокое» – божественное, райское, духовное, человеческое, идеальное. Элементом временной картины можно считать представление о большевиках как предвестниках прихода антихриста и последних дней мира. Образ большевика-антихриста возник прежде всего в народной среде, церковная интеллигенция писала о нем с сомнением. Антихристом или его подобием народ представлял Троцкого [1, с. 220] и Ленина [36, с. 273; 30, с. 280; 7, с. 305]. Коммунизм и его носители ассоциировались с «тьмой» – злом, землей, дьяволом, адом, атеизмом, разрушением, страданием, упадком нравственности, народным невежеством, грехом – и противопоставались «свету», добру, небу, Богу, раю, вере, созиданию, спасению. Диада «свет-тьма» – одна из наиболее часто встречающихся в ТЕВ (в 19 статьях из 60 проанализированных нами).

Следствием двухполюсного мировосприятия явилась упрощенная,

схематичная трактовка социальных явлений, подмена системного анализа кризиса провиденциальной концепцией борьбы добра и зла, Бога и дьявола [35, с. 301; 22, с. 18]. Большевизм в этом контексте – не случайность, а прямое следствие духовного упадка общества, наказание за его грехи, за распространение эгоизма, материализма и неверия.

Церковная пропаганда создавала негативный образ большевиков как с внешней стороны (ношение шапок в церквях, папиросы в зубах, «площадная брань» [29, с. 63; 19, с. 72]), так и с внутренней (пьянствующие, развратные, эгоистичные, «богоборствующие насильники» [24, с. 268]). Большевики показаны как разрушители культуры, уничтожители церкви, варвары [11, с. 58; 21, с. 99-100; 26, с. 124]. Отдельный элемент их облика – жестокость, «звериное» нутро (концепт «коммунист-зверь» – в 16 статьях). Описанию «зверств» посвящено немало историй: в них красные комиссары насилуют девочек, отрезают уши и выкалывают глаза белым офицерам и солдатам [10, с. 38], убивают детей [21, с. 99], топят священников в прорубях [15, с. 120] и живьем закапывают в землю [31, с. 155] и пр.

По понятным причинам в «ТЕВ» нет упоминаний о «зверствах» белых. Сложнее понять, почему упоминания о белых вообще крайне редко встречаются: авторы, внешне лояльные к белогвардейским властям, практически не работали над созданием положительного образа белых и не играли на контрасте между ними и красными. Белое движение не персонифицировалось: имена конкретных лидеров не включены в идеологическое ядро журнала – публицистические тексты (красные также представляли собой в большей степени собирательный образ, однако конкретные имена – Ленина, Троцкого, Бухарина, даже рядового коммуниста Мясникова – нередкость). Это свидетельствует о том, что для церковной интеллигенции центральной была не оппозиция белые – красные, а оппозиция церковь – большевики (и ее провиденциальные истолкования).

Противопоставление большевиков «без родины» русским «патриотам» [20, с. 31-32] позволяло апеллировать к национальному чувству аудитории и использовать классическую диаду «свой-чужой». «Отщепенско-космополитические лозунги» объявлялись ущербными по сравнению с «лозунгами здорового национализма и патриотизма» [20, с. 31-32]. В упрек советскому правительству ставили национальное унижение России в виде Брестского мирного договора [17, с. 70]. Распространялась мысль о большевиках как агентах Германии

[17, с. 70; 21, с. 100; 27, с. 192-193; 13, с. 199; 23, с. 278], предателях родины. Критике подвергли заимствование социалистического учения с «Запада» [25, с. 115; 34, с. 289-290], насаждение вредной западной культуры на русской почве. В антибольшевистской пропаганде заметны и антисемитские элементы: Е.П. Иванов писал о праздновании субботы вместо воскресенья, об использовании красными каббалистического знака пятиугольной звезды, о «Лейбе Бронштейне» – Троцком [8, с. 217-218].

Национальную гордость пытались пробудить обращением к исторической традиции – образу мощного единого государства в ореоле военной славы, «Святой Руси», воплощенной в «народе-богоносце» [37, с. 138]. Славной традиции противопоставлены «новации»: это принесенные с Запада социализм и материализм и итог их распространения – внутранный раскол, революционный кризис, военная слабость.

В ТЕВ задействована также антитеза «земного рая» (социалистического) и «небесного», базирующаяся, кроме прочего, на расхождении в оценке ценности человеческой жизни. Если в материалистическом марксизме смерть одна, физическая, то в христианстве есть деление на «менее важную» смерть – телесную – и более важную – «смерть души» [28, с. 52]. И. Силин писал, что в человеке есть «нечто более высшее, более ценное», чем «начало животное», и что «трупы, плавающие в чанах клиник», еще не весь человек [28, с. 53]; в его статье антитеза духа и плоти описана как выбор между «смертным безобразно-страшным телом» и «живой, бессмертной, святой душой» [28, с. 53]. Человек больше, чем плоть: с этой мыслью, центральной для церковной пропаганды 1919 г., связано развитие идеала мученичества: церковь призвала бояться не смерти физической, а предательства веры, и восхваляла «человека жертвующего» [39, с. 51; 38, с. 273; 2, с. 220]. Специфика большевистского мировосприятия выражалась в презрительном афоризме «будем есть и пить, ибо завтра мы должны умереть» [5, с. 307] и в символике кладбища, над входом которого надпись: «Ищите в здешнем мире благ и наслаждений: иного мира нет, как нет и воскресенья» [4, с. 139]. Таким образом, большевикам приписывали примитивное понимание жизни и веру в ложные ценности.

По мнению церковных идеологов, распространение материализма и связанного с ним атеизма откроет путь «крайнему гедонизму», «полной беспринципности» и эгоизму [39, с. 51], торжеству морали «сильнейшего» [4, с. 139], породит «опустошенность души» и «равнодушие к

жизни» [35, с. 301-302]. Примером такого безрелигиозного эгоиста стал тургеневский Базаров, отказавшийся положить жизнь на службу «своим ближним – мужикам» [39, с. 51].

Поскольку стремление к материальным благам связывалось с ценностями врага, в ТЕВ велась усиленная пропаганда «духовного». Авторы с презрением высказывались о «благах тленных», «чарах наживы» [22, с. 18], «утробных интересах» [16, с. 78], отстаивали принцип «дело... не в рублях, а в душе...» [14, с. 118]. Резко отозвался о большевистских идеалах А. Т-ов, определяя их как стремление к «всеобщей умеренной сытости» [36, с. 273], «сытому самодовольству» и «мещанскому благополучию» [34, с. 289]. Сущность большевизма в его представлении – это подмена духовных ценностей вещественными: «вместо Бога – мелкий бес приобретений, вместо Библии – счетная книга, вместо алтаря – прилавок, вместо кадилницы – дымящаяся миска» [36, с. 273]. Осуждение погони за земными благами даже вписывали в русский национальный характер: присущее русским «мучительное искание *правды* Христовой на земле» противопоставлялось погоне западных народов за «земным *благополучием*» [33, с. 308] (курсив автора). Более того, «приземленная» мечта улучшить свою жизнь, обойдясь без страданий и жертв, «без подвига и голгофы» [2, с. 220], клеймилась как прямой путь в «царство тления, страданий и тьмы» [2, с. 220].

Резкая поляризация духа и плоти вела к бескомпромиссному осуждению желаний, лежащих вне плоскости духа, порождала недооценку человеческого стремления к «сытости» – и этот фактор, на наш взгляд, явился важной причиной слабого влияния церковной пропаганды на народ, в условиях Гражданской войны не понаслышке знавший о голоде и разорении, бытовой неустроенности. Интересно, что с принижением «плотского» связана и ассоциативная цепь между понятиями «радость», «смех», «зло» и «большевизм»: «смеющаяся радость» – признак зла [28, с. 52] («светлая радость» – признак добра), и большевизм смеется «дьявольским хохотом» [31, с. 155].

Недооценка значимости бытовых нужд занимательным образом отразилась в истории о «соперничестве» между большевистскими общественными столовыми для безработных и церковными богослужениями. Устройство столовых в помещениях храмов получило резко отрицательную оценку из-за необходимости пожертвовать ради этого временем церковных служб, то есть поставить плотские нужды выше духовных [32, с. 209]. «Критик столовых» заклеил большевиков сто-

ронниками «животно-низменного», воплощенного, по сути, в концепции продовольственной помощи бедным. Что же являлось более значимым в народном сознании эпохи революционного кризиса – бесплатное питание или храмовые службы?

Выход на авансцену концепта «человека духовного» был закономерен: в период кризиса церковь обратилась к идеалу христианства – страдающему Христу, пренебрегавшему «земным» ради великой нравственной цели. Опираясь на идеал Христа и приоритет духовного спасения, ТЕВ создавали образ священнослужителя-мученика, пострадавшего за веру от рук большевиков. Большевики в этом контексте выступают и в роли «палачей», и в роли искусителей, слуг дьявола, главная цель которых – увести души верующих от Бога. Например, в истории одного мученичества два «скромных Верхотурских монаха» устояли перед соблазном врага, отказавшись «отречься от Христа и получить жизнь» [32, с. 209; 3, с. 215]. Развивая тему «морального торжества» [32, с. 210] мучеников, в ТЕВ упомянули и некоего протоиерея из Пермской области, который, «стоя на краю могилы, им же и выкопанной», говорил убийцам: «Тело свое я отдаю вам охотно, но душа моя пойдет Другому» [32, с. 210]. Пермский священник О. Морозов торжественно заявил, что большевистский «вампиры» надеялся услышать мольбы о пощаде и слова отречения от веры – «но как он обманулся! ... Он слышал только молитву к Богу, он видел только героев...» [2, с. 220].

Отдельное внимание в контексте мученической кончины уделяли епископу Тобольскому и Сибирскому Гермогену [23; 12; 28], епископу Пермскому Андронику [18], патриарху Тихону [32]. Квинтэссенцией мученического мировосприятия стали слова Андроника: «...радуюсь быть судимым за Христа и Церковь. ...Моя жизнь – плевков» [18, с. 253].

Мученики революции сравнивались с мучениками времен языческих римских императоров. Тем самым большевики вписывались в историю как «нероны» [11, с. 58] и «диоклетианы» [32, с. 210], а жертвы красного террора возвышались до прославленных предшественников.

Возможно, на формирование образа «новых мучеников», на рассуждения о главенстве души над «бренным телом» и призывы жертвовать жизнью ради веры повлиял рост отчаяния и пессимизма в среде духовенства: авторы писали о надеждах на скорое возрождение России, однако в скрытом виде, романтизируя путь страдания за веру, транслировали идею о том, что пришел их черед готовиться к смерти.

И действительно, идеи, отстаиваемые церковной интеллигенцией

в первой половине 1919 г., были рубежом, отступить за который она уже не могла: за годы кризиса в церковном мировоззрении укоренилось представление о провиденциальном характере настоящего времени, ставшего ареной битвы между светом и тьмой, Богом и дьяволом; эта идея возродила идеал нового мученичества, уподобила каждого рядового священника Христу, некогда тоже страдавшему ради высшей цели. В этом контексте «отступить», беречь жизнь в ущерб душе, идти на компромисс с большевиками означало «отступаться» от Христа.

Источники и литература

- 1 Вечер Св. Креста // ТЕВ. 1919. № 14. С. 220.
- 2 Вечера Скорби в г. Перми и Перм. епархии // ТЕВ. 1919. № 14. С. 220.
- 3 Баранов В. С. Иноки-мученики // ТЕВ. 1919. № 14. С. 213-215.
- 4 Взаимное непонимание // ТЕВ. 1919. №№ 8-9. С. 138-140.
- 5 Возрождающаяся Россия // ТЕВ. 1919. № 21. С. 306-307.
- 6 Григорьева Т. В. Роль метафорической бинарной оппозиции в языковой интерпретации действительности // Филология и человек. 2014. № 3. С. 7-15.
- 7 И. А. Ожидание антихриста в истории русской мысли // ТЕВ. 1919. № 21. С. 305-306.
- 8 Иванов Е. П. Блудница Вавилонская // ТЕВ. 1919. № 14. С. 217-218.
- 9 Игнатова Х. Памяти Преосвященнейшего Гермогена, Епископа Тобольского и Сибирского // ТЕВ. 1919. № 12-13. С. 194-195.
- 10 Из Перми // ТЕВ. 1919. № 1-2. Отдел. неофиц. С. 38.
- 11 Канадцы и большевики // ТЕВ. 1919. № 3-4. С. 57-58.
- 12 Курьшиев И. В. Церковная печать Западной Сибири (1918-1919 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-2 (62). С. 128-131.
- 13 Наши цели // ТЕВ. 1919. № 12-13. С. 199.
- 14 Несколько слов по поводу приходских организаций // ТЕВ. 1919. № 7. С. 118.
- 15 Новый вид зверства // ТЕВ. 1919. № 7. С. 120.
- 16 Около истины // ТЕВ. 1919. № 5. С. 78-79.
- 17 От Высшего Церковного Управления к воинству, подвигающемуся на всех фронтах // ТЕВ. 1919. № 5. Отдел офиц. С. 69-70.
- 18 Пермский. Пермские ужасы большевизма // ТЕВ. 1919. № 17. С. 252-254.
- 19 Пономаренко К. А. Благоговейной памяти мученика за веру, Церковь и отечество – епископа Тобольского и Сибирского Гермогена // ТЕВ. 1919. № 5. С. 79-82.
- 20 Почему Русская революция была так неудачна? // ТЕВ. 1919. №№ 1-2. С. 31-32.
- 21 Протест против уничтожения русской культуры // ТЕВ. 1919. № 6. С. 99-100.
- 22 Работа в новую годину // ТЕВ. 1919. №№ 1-2. С. 17-18.
- 23 Разные известия // ТЕВ. 1919. № 18. С. 277-278.
- 24 Религиозные торжества в г. Тобольске // ТЕВ. 1919. № 18. С. 267-268.
- 25 Сабинин Ил. К вопросу о возрождении России // ТЕВ. 1919. № 7. С. 114-115.
- 26 Сабинин Ил. К вопросу о возрождении России // ТЕВ. 1919. № 8. С. 124-125.
- 27 Сектантская работа // ТЕВ. 1919. № 12-13. С. 192-194.
- 28 Силин Иван. Памяти священномученика Гермогена, Епископа Тобольского и

- Сибирского // ТЕВ. 1919. № 3-4. С. 52-53.
- 29 Стеценко Николай. Бог поругаем не бывает // ТЕВ. 1919. № 3-4. С. 63-64.
- 30 Стихийное религиозное движение // ТЕВ. 1919. №19-20. С. 279-282.
- 31 Страдания Пермской церкви // ТЕВ. 1919. № 10. С. 155.
- 32 Страдания церкви // ТЕВ. 1919. № 14. С. 209-210.
- 33 Талант, вверенный от Бога // ТЕВ. 1919. № 21. С. 307-308.
- 34 Т-ов А. Долг перед Родиной // ТЕВ. 1919. № 19-20. С. 289-290.
- 35 Т-ов А. О духовном кризисе современной эпохи // ТЕВ. 1919. № 21. С. 301-302.
- 36 Т-ов А. Смердяковщина и апокалипсис // ТЕВ. 1919. № 18. 273.
- 37 Христос воскрес! // ТЕВ. 1919. № 8-9. С. 138.
- 38 Ценность религии // ТЕВ. 1919. № 18. С. 273-274.
- 39 Школа и религия // ТЕВ. 1919. № 3-4. С. 50-52.

К.А. Моргунов

ОРЕНБУГСКАЯ ЕПАРХИЯ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. *В статье рассматривается положение Оренбургской епархии в годы революции и Гражданской войны, а также взаимоотношения руководства епархии с новыми властями.*

Ключевые слова: Оренбургская епархия, духовенство, революция, Гражданская война.

Официальное сообщение об отречении императора Николая II и об организации Комитета Государственной Думы было получено и обнародовано в Оренбурге 3 марта 1917 г. В этот же день епископ Оренбургский и Тургайский Мефодий (в миру Маврикий Львович Герасимов) распорядился объявить всем причтам городских церквей о возношении на ектеньях и в молебствовании вместо Царствующего Дома «Богохранимой Державы Российской». 5 марта было распространено воззвание Мефодия, в котором Временное правительство признавалось законной властью и подчинение ему не является нарушением присяги. Новому обер-прокурору Синода В.Н. Львову была направлена приветственная телеграмма.

На фоне начавшегося процесса отстранения от руководства епархиями и приходами сторонников монархии духовенство г. Оренбурга направило В.Н. Львову телеграмму, где просило оставить епископа Мефодия «как идущего навстречу обновлению церковной жизни».

В конце апреля 1917 г. в г. Оренбурге состоялся съезд клира и мирян, на котором была высказана поддержка Временному правительству и проводимой им политике, а также мнение о недопустимости двоевластия.

Не осталось духовенство в стороне и от участия в избирательном процессе. В начале июня 1917 г. собрание духовенства г. Оренбурга приняло решение участвовать в выборах в городскую думу и войти с этой целью в блок с партией народной свободы. Но поскольку в первую часть списка партии кадетов кандидаты не были включены и фактически лишились перспектив попасть в Думу, то уже через месяц на самих выборах духовенство призвало голосовать за список беспартийной прогрессивно-деловой группы [1, с. 43]. Руководство епархии поддержало и ужесточение политики Временного правительства по отношению к большевикам после июльских событий в Петрограде.

В начале августа 1917 г. епископ Мефодий принял участие в первом после революции Поместном Соборе православной Всероссийской церкви, где выступил с докладом по вопросу о богослужебном языке. Церковным собором он был избран руководителем богослужебного отдела.

Приход к власти большевиков был встречен духовенством негативно. В ноябре 1917 г. Оренбургская духовная консистория высказалась за поддержку курса Войскового правительства Оренбургского казачьего войска. Протоиерей войскового собора И. Чернавский в декабре 1917 г. выразил Дутову благодарность. Таким образом, большая часть церковнослужителей в той или иной степени приняла сторону антибольшевистских сил. Епископ Мефодий на этот раз не торопился с высказыванием своей позиции. Только 2 января 1918 г., когда в кафедральном соборе г. Оренбурга состоялось отпевание погибших офицера и юнкера, Мефодий впервые выступил с речью, в которой обозначились его политические симпатии Белому движению.

После того, как 18 января 1918 г. в г. Оренбург вошли красногвардейские части, начались аресты и грабежи, в том числе церковных ценностей. Так, возмущенными местными жителями Оренбурга были задержаны семь красногвардейцев, которые проникли в монастырскую церковь и сбрасывали иконы.

20 января был задержан и епископ Оренбургско-Тургайский Мефодий, который подозревался в сочувствии атаману Дутову и обвинялся в проведении отпевания погибших в боях под Оренбургом дутов-

цев. Кроме того, Мефодию предъявили обвинение в том, что он в своей проповеди, произнесенной в бараках беженцев, назвал большевиков «бандой» и дал свою карету Дутову. Допрос производился в вагоне поезда на железнодорожном вокзале. Соглашаясь с проведением процедуры отпевания, епископ указал на то, что отпевал не дутовцев, а жертв Гражданской войны вообще и выступает против братоубийства. В результате он был освобожден. К Пасхе 1918 г. указом Патриарха Тихона Мефодий был возведён в сан архиепископа.

23 января 1918 г. СНК был принят Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Провозглашая свободу совести и право каждого гражданина исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, этот декрет в отношении школы заключил: «Школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается. Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом» [6, ст. 263]. 18 февраля 1918 г. Государственная комиссия по просвещению вынесла постановление «О советской школе», которым запрещалось преподавание религиозных вероучений во всех государственных, а также частных учебных заведениях, состоящих в ведении Народного комиссариата по просвещению.

Детализации отдельных положений этих нормативных актов было посвящено постановление Народного комиссариата юстиции от 24 августа 1918 г. «О порядке проведения в жизнь Декрета "Об отделении церкви от государства"», в соответствии с которым все здания духовных учебных заведений и церковно-приходских школ объявлялись народным достоянием и переходили в распоряжение местных Советов.

Исходя из указанных положений, в марте 1918 г. в школах Оренбургской губернии была прекращена выплата жалования законоучителям, благодаря чему их должности были фактически упразднены. Из школ выносились иконы, изучение религиозной догматики заменялось изучением теории социализма, программ и задач советской власти [3, л. 17]. Всё церковное имущество объявлялось национализированным, религиозные общества лишены права юридических лиц. Были закрыты все благотворительные общества и культурно-просветительские организации, действующие в интересах религиозных организаций. Только в г. Оренбурге до революции действовали около 60 ученых, просветительских, благотворительных обществ и союзов, в том числе об-

щества вспомоществования нуждающимся учащимся в Духовном училище и Духовной семинарии, Оренбургское Михаило-Архангельское братство, Оренбургский епархиальный комитет православного миссионерского общества и др.

Новая власть реквизировала здания ряда церковных учебных заведений: Оренбургского епархиального училища (16 мая) и духовной семинарии (28 мая).

С началом Гражданской войны сообщение Оренбургской епархии с Высшим Церковным управлением было прервано. С приближением военных действий многие священники из г. Оренбурга, сел и казачьих станиц губернии были вынуждены покинуть свои приходы. Из тех, кто остался, многие пострадали от Красной армии. Кустанайский епископ Дионисий (Прозоровский) в своём докладе Патриарху Тихону о положении дел в Оренбургской епархии сообщает о том, что в январе 1918 г. при первом нашествии советских войск были убиты два сельских священника, и еще два сельских священника были убиты во время второго нашествия Красной армии. Но, вероятно, епископ Дионисий, являвшийся в этот период викарием Оренбургской епархии, мог не иметь полных сведений о количестве погибших священников [4, с. 68]. Современные исследователи приводят другие цифры, характеризую весь период Гражданской войны. Так, челябинский исследователь И.В. Нарский приводит данные о том, что в Оренбургской епархии были убиты 15 священников [5, с. 159]. Эту же цифру применительно только к 1918 г. указывает и А.В. Ганин, который также добавляет, что не менее 60 священников пострадало в ходе военных действий [2, с. 147]. Известно, что в Оренбургской губернии красными был расстрелян протоиерей Михаил Прибытков. В станице Еткульской, расположенной под Челябинском и относящейся в тот период в Оренбургской епархии, отрядом мичмана С.Д. Павлова были расстреляны станичный атаман и священник за то, что они созывали казаков набатом. В Верхнеуральске 21 мая был расстрелян священник Никольской церкви, видный общественный деятель, протоиерей М.Д. Громогласов и священник села Янгиз Деревянкин. В губернии было разорено 8 храмов.

К этому следует добавить и территории современной Оренбургской области, которые в тот период относились к Самарской губернии. Известно, что в 1918 г. бойцами Чапаевской дивизии, был убит священник с. Логачевка (в современном Тоцком районе).

3 июля 1918 г. в г. Оренбург снова вступили белые части. Выступая в

кафедральном соборе, архиепископ Мефодий обратился с приветственным словом к «освободителям», отметив, что город пять месяцев находился под игом «кровавой власти», жертвами которой стали «лучшие люди». Здесь же он в очередной раз подчеркнул необходимость национального примирения. Эта проповедь была перепечатана и разослана по всем приходам епархии. Владыка призвал расследовать каждый случай насилия большевиков над священнослужителями, а павших в борьбе с новой властью разрешил хоронить за церковной оградой. Выборные начала в жизни епископата были отменены.

В сентябре архиепископ Мефодий приветствовал телеграммой начавшее свою работу Государственное совещание. 3-й Чрезвычайный Круг Оренбургского казачьего войска, собравшийся 18 сентября, по традиции начал свою работу с молебна в кафедральном соборе. Мефодий выступил с приветствием перед делегатами Круга, выразив надежду, что Оренбургское казачество не сложит оружия в борьбе за возрождение родины.

В этот период наметилась тенденция к дроблению территории епархии. Челябинский и Кустанайский викарные епископы проживали в Оренбурге. В целях удобства организации управления епископ Кустанайский Дионисий (Прозоровский) выступил с обращением о переносе своей кафедры в Кустанай, а позднее стал добиваться образования самостоятельной Кустанайской епархии. Для сохранения целостности епархии в сентябре 1918 г. архиепископ Мефодий принял решение о закрытии Кустанайского викариатства, которое было восстановлено после окончательного утверждения советской власти и просуществовало до 1930 г.

Осенью 1918 г. завершился последний крестный ход по территории губернии Табынской иконы Божией Матери. Впоследствии, отступая, войска А.И. Дутова взяли ее с собой и в марте 1920 г. вывезли в Китай.

В конце сентября 1918 г. Мефодий выехал из Оренбурга и в течение трёх месяцев проживал в Челябинске, Томске и Омске, где принимал участие в работе Сибирского Собора. 28 декабря 1918 г. Мефодий неожиданно прибыл в Оренбург, но уже через день, не оставив никаких распоряжений, выехал из Оренбурга вместе с кафедральным протоиреем, ключарем и епархиальным миссионером сначала в Орск, потом в Челябинск и далее с отступающей белой армией Колчака в Сибирь.

Руководить Оренбургской епархией, не имея на то формальных полномочий, остался Оренбургский викарий епископ Кустанайский

Дионисий. По согласованию с Епархиальным Советом из числа диаконов им были рукоположены около 15 священников, которые заменили бежавших при подходе Красной Армии.

Занимаемые красными войсками сёла старались традиционными способами демонстрировать свою лояльность. Жители станицы Павловской, например, в январе 1919 г. встречали красноармейцев хлебом-солью и колокольным звоном. Станичники, несмотря на мороз, стояли без шапок с иконами и хоругвями.

22 января 1919 г. красные войска снова вошли в г. Оренбург. Советская власть утвердилась в городе окончательно. Выстраивание государственно-церковных отношений в дальнейшем шло на основе документов, принятых центральным руководством уже в первые месяцы советской власти.

1 марта 1920 г. на Оренбургскую кафедру, оставшуюся без главы после эмиграции архиепископа Мефодия, Патриарх Тихон рукоположил епископа Аристарха (в миру Александра Фёдоровича Николаевского) (1867-1937/1938), которому пришлось работать в условиях нарастающего давления атеистических советских властей на церковные структуры и конфискации их имущества.

Источники и литература

- 1 Войнов В. М. Мефодий – митрополит Харбинский // *Вестник Челябинского университета. Серия 1. История.* 1992. № 2 (4). С.43-48.
- 2 Ганин А. В. Оренбургское казачество и Церковь в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. // *Белая гвардия.* 2008. № 10. С.146-162.
- 3 Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 450. Оп. 1. Д. 32.
- 4 Доклад епископа Кустанайского Дионисия (Прозоровского) Патриарху Тихону о положении дел в Оренбургской епархии // *Вестник ПСТГУ: История. История Русской Православной Церкви.* Вып. 3 (40). 2011. С.68-69.
- 5 Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. Москва : РОССПЭН, 2001. 633 с.
- 6 Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 18.

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917-1918 ГГ.

Аннотация. В статье показано состояние производственно-промышленного сектора Вятской губернии в 1917 г. Проанализирована одна из составляющих организационных мероприятий советской власти – процесс национализации промышленных предприятий региона. Показаны различные существовавшие формы управления национализированными предприятиями на первом этапе ее проведения (октябрь 1917 г. – июнь 1918 г.).

Ключевые слова: национализация, Вятская губерния, промышленные предприятия, форма управления национализированным предприятием.

В исторической науке события 1917 г. и Гражданской войны снова стали объектом пристального внимания исследователей в канун своего столетия. Актуальной темой на современном этапе становятся недостаточно изученные вопросы, связанные с анализом экономической обстановки в отдельных регионах в переломный момент истории.

Социально-экономическая разруха, появившаяся в результате Первой мировой войны, в начале 1917 г. привела к сбоям в работе промышленности всей страны. Вятская губерния, являющаяся важной частью промышленного потенциала Урала и обеспечивающая страну оружием и военным снаряжением в годы Первой мировой войны, не стала исключением в этом отношении. Из-за отсутствия рабочих рук, из-за нехватки сырья, топлива и других причин начали закрываться фабрично-заводские предприятия. В январе 1917 г. «за дальностью расстояния от железной дороги» закрылся Пудемский железоделательный завод акционерного общества Северные заводы наследников Н.П. Пастухова. Чугунолитейный отдел сельскохозяйственного машиностроительного завода торгового дома «А. и П. Родыгины и К^о» в с. Шаркан был остановлен «по неимению кокса и чугуна». Паровой маслобойный завод торгового дома «Наследники И.В. Александрова» близ г. Малмыжа остановился «за переработкою сырья, уволено 44 человека рабочих; надежды пустить завод в ближайшем времени, за неимением топлива не было, так как Малмыжский исполнительный комитет воспрещает рубку

дров в собственной лесной даче владельца завода» [5, с. 86]. В апреле 1917 г. фабрика валяной обуви Товарищества братьев Родыгиных закрылась ввиду отсутствия рабочих рук. А в марте Сюгинский стекольный завод Товарищества С.А. Сырневой и С.А. Шишкова прекратил свою работу из-за недостатка материала. Валамазский стекольный завод Павла Лазаричева Матвеева закрылся ввиду отсутствия топлива и рабочих рук. Механическая фабрика обуви Викентия Петровича Вахрушева в июле 1917 г. перестала работать из-за отсутствия мягкого сапожного сырья и топлива, а кожевенные заводы торгового дома М.Д. Лаптева, Торгового дома Игнатия Лаптева с сыновьями, шубно-овчинный завод Василия Кондратьевича Шихова – за неимением сырья и из-за сильной изношенности оборудования. Из-за отсутствия материалов в июле 1917 г. закрылись спичечная фабрика Торгового дома А. и Н. Бровицких и Торгового дома И.И. Сапожникова с сыновьями [8, с. 76]. В конце 1917 г. по инициативе владельца для технологического переоборудования закрылся Пудемский завод. Под этим предлогом были разрушены два листокачальных стана, печи, распродано сырье, топливо и готовая продукция [6, с. 12].

Закрытие промышленных предприятий отразилось на сокращении количества выпускаемой в Вятской губернии продукции. Объемы производства в 1916 и 1917 гг. показаны в таблице 1.

Таблица 1 – Количество выпускаемой продукции в Вятской губернии в 1916-1917 гг. [6, с. 5]

Отрасли промышленности	Количество выпускаемой продукции (тыс. руб.)	
	1916 г.	1917 г.
Горная и горнозаводская	4473,7	2327,3
Производство машин и инструментов	77383,7	54108,2
Кожевенная	11850,8	8102,1
Винокуренная	848,2	629,3
Стекольная и другие	241,9	201,5
В целом	97798,3	65368,4

В целом производство по губернии сократилось почти на $\frac{1}{3}$, а объем горной и горнозаводской промышленности – почти наполовину.

В конце 1917 г. начавшаяся снизу «неурегулированная» национализация промышленных предприятий Вятской губернии затронула 19 предприятий и 25 отдельных фабрик и заводов, входящих в их состав

[1, с. 11]. Основной причиной их национализации стало «нежелание бывших владельцев подчиниться требованиям рабочего контроля и всякого рода упущениям фабрично-заводской администрации». Но среди причин были и другие. Так, например, в январе 1918 г. мастерская кожаных курток Глобус была национализирована постановлением Вятского совета рабочих и солдатских депутатов из-за «отсутствия материала для работ и увольнения рабочих». Ввиду расходования сверх установленной нормы хлебных злаков в марте был национализирован дрожжево-винокуренный и пивоваренный завод В.А. Шмелевой; в апреле вследствие «полной разрухи в финансовом отношении» льнопрядильная фабрика Т.Ф. Булычева оказалась национализированной. За неуплату военного налога владельцем лесопильного завода В.Н. Зубаревым Орловским Советом рабочих и солдатских депутатов было принято решение о национализации этого предприятия.

Кроме того, декретами высшей инстанции были национализированы и имели определенную «юридическую физиономию» Омутнинский и Холуницкий горные округа, Бондюжский и Кокшанский химические заводы Товарищества «К. Ушкова и К^о» (Елабужский уезд) [1, с. 11].

Кроме промышленных предприятий шла национализация речного торгового флота. В апреле 1918 г. были национализированы пароходы и имущество Вятско-Волжского пароходства с основным капиталом в 3 млн руб., торгово-промышленного товарищества Грибасова и К^о с капиталом в 500 тыс. руб., акционерного общества П. Вахрушева с сыновьями с капиталом в 4350 тыс. руб. [6, с. 16-17]. В течение 1918 г. были национализированы баржи на Каме, принадлежащие акционерному обществу братьев Нобель и владельцу химических заводов П. Ушкову, со всеми материалами, находящимися там.

В начале 1918 г. положение некоторых предприятий Вятской губернии было неясно, но они были изъяты из ведения «бывших своих владельцев». Среди них механическая мастерская Шабалина (Котельнический уезд); винокуренный, лесопильный и маслобойный заводы, принадлежавшие Торговому дому «Наследники Александра» (Малмыжский уезд); стекольный завод Торгового дома С.А. Сырнева и Шишкова (Елабужский уезд); машиностроительный завод Торгового дома Родигина и К^о, заводы Пименовых: кожевенный, маслобойный, поташный и кирпичный (Сарапульский уезд).

В марте 1918 г. постановлением Слободского уисполкома были национализированы две типографии в г. Слободском [7, с. 433], в апреле – ко-

жевенный завод М.Д. Лаптева [7, с. 440], в мае – заводы Торгового дома «Наследники Александрова» и завод Булыгина [7, с. 449-450].

С целью недопущения полной остановки частных оружейных фабрик И.Ф. Петрова, В.И. Петрова, Н.И. Березина и А.Н. Евдокимова еще 31 января 1918 г. постановлением Исполкома Ижевского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов было принято решение о их конфискации [2, с. 83]. Однако бывшие владельцы оружейных фабрик были недовольны конфискацией имущества. Так, И.Ф. Петров – владелец фабрики охотничьих ружей подал прошение в Наркомат внутренних дел РСФСР с просьбой о возвращении конфискованного у него имущества [3, с. 344-345].

Фабрика Ф.Т. Булычева, а также ее дача, располагавшаяся рядом, со всем движимым и недвижимым имуществом: со всеми машинами, сырьем и фабрикатами и со всеми денежными капиталами в марте 1918 г. была национализирована. Для ведения и управления фабричными делами было избрано правление из трех человек: М.Е. Мамонов, М.П. Мартьянов, Д.Я. Шумихин [7, с. 435].

В апреле 1918 г. в Вятской губернии была национализирована группа заводов химической и стекольной промышленности и заводы сельскохозяйственного машиностроения.

Во второй половине 1918 г. государству перешли крупные мельницы, маслобойни, молокозаводы, пекарни, склады, магазины и оптовая крупная торговля. В ноябре 1918 г. в Сарапуле были национализированы 12 различных магазинов с товарами на общую сумму 274847 руб.

В результате проведения национализации промышленных предприятий изменилась их форма управления. Как отмечают исследователи, деятельностью промышленных предприятий руководили коллегиальные выборные органы управления, формы которых отличались разнообразием: деловые советы, цеховые и рабочие комитеты, но, чаще всего, коллегии [4, с. 51]. Так, на Ижевской оружейном и сталелитейном заводах осуществлялось коллегиальное управление, в составе которого были избранные «рабочие и служащие завода с участием технического персонала» [7, с. 450]. На Воткинском заводе и заводах Омутнинского горного округа управление совершал выборный окружной деловой совет. На заводах Холуницкого горного округа действовал совет по управлению заводами, в состав которого входили четыре представителя от рабочих и два от Вятского губернского совета народного хозяйства. По постановлению Вятского губернского совета народного хозяйства

управление национализированным предприятием должно было осуществляться административно-хозяйственным советом, состоящим наполовину из представителей рабочих и служащих завода и наполовину из представителей от местного Совдепа, профессионального союза и представителей высшего технического персонала. На льнопрядильной и ткацкой фабрике Т.Ф. Булычева, спичечной фабрике Товарищества «А. и Я. Зубаревых» применялась именно такая форма управления предприятием.

Только осенью 1918 г. национализация промышленных предприятий превратилась в единую форму обобществления частной собственности. На основании декрета Совета народных комиссаров от 28 июня 1918 г. достоянием государства были объявлены 339 промышленных предприятий, которые играли ключевую роль в экономической жизни Вятской губернии. Более половины предприятий промышленного сектора были расположены в Глазовском, Елабужском, Малмыжском и Сарапульском уездах.

Источники и литература

- 1 *К вопросу о национализации промышленных предприятий // Вятское народное хозяйство. 1918. № 3. С. 10-13.*
- 2 *Ижевск: Документы и материалы. 1760-1985. Ижевск : Удмуртия, 1984. 340 с.*
- 3 *Ижевск: документы и материалы, 1760-2010. Ижевск : Ижевская республиканская типография, 2010. 890 с.*
- 4 *История Удмуртии: XX век / под ред. К. И. Куликова. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 544 с.*
- 5 *Липина С. А. Модернизационные процессы промышленности Удмуртии накануне и в годы Первой мировой войны (1910-1917 гг.). Ижевск : Изд-во ИжГТУ, 2010. 192 с.*
- 6 *Садаков М. А. Некоторые вопросы истории Удмуртской АССР. Ижевск : Удмуртское книжное издательство, 1960. 95 с.*
- 7 *Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии : сб. док. Киров : Кировское книжное издательство, 1957. 591 с.*
- 8 *Увеличение цены на хлеб // Вятская мысль. 1917. № 111. 17 декабря.*

**«...КАКИЯ ТО ЕСТЬ ГРЕШКИ...»:
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУРГАНСКОГО РАЙОННОГО
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМИТЕТА
С СЕНТЯБРЯ 1919 Г. ПО СЕНТЯБРЬ 1920 Г.**

Аннотация. В статье анализируется деятельность Курганского районного продовольственного комитета за первый год его существования (с сентября 1919 г. по сентябрь 1920 г.). Особое внимание уделено условиям работы комитета, проблемам, с которыми приходилось сталкиваться в первую очередь: нехватка кадров, халатность и незаконные действия продовольственных агентов и др.

Ключевые слова: райпродком, причины крестьянского восстания 1921 года, продовольственная разверстка,

Исследователи Западно-Сибирского восстания в последние десятилетия сходятся во мнении о том, что основными причинами восстания были недовольство населения политикой властей (как центральных, так и местных), преступлениями и злоупотреблениями сотрудников продовольственных органов, а непосредственным поводом для восстания послужила семенная разверстка в середине сентября 1921 г., которая совпала с вывозом разверстанного хлеба с ссыпных пунктов к железной дороге для последующей отправки его в центральную Россию [1; 4; 5; 6]. Деятельность продовольственных органов чаще всего используется для иллюстрации указанных причин, тогда как условия и основной объем работы, проделанной ими в период до восстания, чаще всего просто остаются за пределами интересов исследователей. Данная статья призвана частично восполнить данный пробел на основе материалов Курганского районного продовольственного комитета.

Курганский райпродком (районный продовольственный комитет) образовался 23 августа 1919 года. Ему пришлось дважды начинать свою организацию из-за эвакуации, происшедшей в конце сентября 1919 года. Первый период своего существования, т. е. до эвакуации, деятельность райпродкома выражалась во внутренней организации отделов и распределении функций между последними. Наряду с этой работой происходил тщательный учет продовольствия и товаров, оставленных бежавшими с белыми. По возвращении из эвакуации райпродком сразу был сконструирован, согласно положению Челябинского губпродкома,

т. е. были образованы такие основные отделы, как хлебофуражный, заготовок и распределительный.

Райпродком, хотя и являлся отделом уисполкома (уездного исполнительного комитета), но в своих действиях он был вполне автономным и подчинялся непосредственно губпродкому (губернскому продовольственному комитету) и выполнял лишь его задания. Уисполкому представлялось лишь право контроля, фактическую же ревизию могла производить лишь рабоче-крестьянская инспекция. Основными задачами райпродкома являлись: осуществление государственной монополии на хлебные и другие продукты и предметы потребления; принятие необходимых мер к прекращению спекуляции; учет хлебных и других продовольственных продуктов, имеющихся у населения района; заготовка продовольственных и других продуктов; выяснение потребностей населения района в продуктах питания и предметах широкого потребления на основании точных данных о количестве населения района и о сельскохозяйственном и кустарном производстве; составление плана распределения для райсоюзов и отделений губсоюза продуктов, поступающих в районы между отдельными потребительскими обществами; контроль за правильным распределением среди населения продуктов; проведение в жизнь всех постановлений вышестоящих организаций.

Учет имущества, оставленного белыми и бежавшими с ними, растянулся на полгода. Поначалу собирать оставленное прежней властью приходилось на территории всего уезда, порой даже действуя на прифронтной полосе. Так, например, в конце сентября сотрудники райпродкома Василий Герасимов и Александр Сергеев в течение пять суток гнали в Курган 2125 голов крупного рогатого скота, обнаруженных в степи в 25-27 верстах от станицы Пресногорьковской [2, оп.1, д.15, л. 73].

Проведение продовольственной разверстки (продразверстки) до начала 1920 года осложнялось отсутствием статистических данных в Ревкомах о посевах, количестве скота и пр. Судя по отчетам организационного отдела, деятельность самих Ревкомов не способствовала решению данной проблемы: «Местный уездный Ревком, состоящий из молодежи не понимает остроты продовольственного вопроса и никакого содействия для успешной работы Райпродкому не оказывает, а наоборот загормозил на неделю ее, заняв бывшее помещение Комитета» [2, оп.1, д.2, л. 18]. Единственный выход из этой ситуации виделся в предстоявших выборах в Исполком, который заменит Ревком.

Кадровый вопрос будет стоять довольно остро и в отделах райпродкома на протяжении всего периода существования (до июля 1921). Основной причиной будет нехватка грамотных специалистов. В конце 1919 – начале 1920 г. данная проблема будет частично решена путем привлечения «жертв империалистической войны» – пленных, находящихся на территории Курганского уезда еще с Первой мировой войны. Работу осложнял также постоянный переход работников из одного отдела в другой по собственному желанию, что было в начале февраля 1920 г. запрещено [2, оп.1, д.3, л. 145]. Особое недовольство губернского и уездного руководства вызывали случаи выдачи без наряда снаряжения, обмундирования, продовольствия рядовыми сотрудниками райпродкома. Ответственных за содеянное чаще всего найти не удавалось, тем не менее ужесточение наказаний за подобные действия [2, оп.1, д.5, л. 108] дало положительный результат, и к концу 1920 г. случаи несанкционированных выдач практически прекратятся.

Многие мероприятия райпродкома вызывали недовольство населения уезда: гарничный сбор, запрет на территории уезда выпаривать соль на солёных озёрах, запрет на закрытие для населения всех мельниц уезда, как ветряных, так и водяных, запрет на производство и продажу самогона (кумишки), повальные обыски (как в сельской местности, так и в городе), изъятие квартир, складов, мешков, оборудования и проч. Но самый болезненный вопрос в работе райпродкома – продовольственная разверстка. Первые проблемы начались уже в начале 1920 г. Низкие показатели ссыпки в феврале 1920 г. были связаны не только с нежеланием местных жителей сдавать хлеб (обыски чаще всего решали эту проблему) и со слабым нажимом агентов райпродкома на крестьян, но и с отказом исполнять наряды на подводы, так как крестьянам не всегда давали плату за их труд [2, оп.1, д.11, л. 630]. Однако, как показал опыт, даже увеличение показателей ссыпки путем нажима на крестьян не решило бы всех проблем. Проблемы с вывозом собранного по разверстке из Курганского уезда упирались в возможности железнодорожных маршрутов. Так, например, в апреле-мае 1920 года по вине губернского отдела распределения возник затор из-за большой загруженности железных дорог на территории Курганского уезда [2, оп.1, д.3, л. 168].

Но значительный вклад в расстройство работы райпродкома и ухудшение отношения крестьян к продовольственным органам вносили своими действиями и его сотрудники. По утверждению И.В. Курышева,

«наиболее напряженные отношения у местных судебно-следственных органов сложились именно с сотрудниками продовольственных органов, нередко подталкивавшими своими преступными, незаконными действиями крестьян к открытому вооруженному протесту против Советской власти» [4, с. 32]. Материалы фонда Курганского райпродкома только подтверждают данное утверждение. Однако следует иметь в виду, что руководство райпродкома при посредстве Уисполкома старалось принимать меры к пресечению подобных действий. Правда, мера наказания зависела от конкретного случая: от отсутствия мер вообще до ареста агентов. Так, 8 апреля 1920 г. был арестован агент райпродкома Бунин виновный в погрузке семенного зерна на ст. Зырянка [2, оп.1, д.11, л. 415]. А вот случай был связан с гражданкой Вергуновой, у которой 14 мая 1920 г. незаконно изъяли хлеб, закончился тем, что ей просто выделили хлеб, равный тому, что изъяли [2, оп.1, д.3, л. 8]. Правда, на этом дело не завершилось, потому что в июне незаконное изъятие у той же гражданки Вергуновой повторилось, только теперь пострадавшая обратилась не в райпродком, а в суд. Дело закончилось в ее пользу и ей снова вернули изъятое. Но вот что интересно: агент райпродкома не был даже переведен на другой участок, не говоря уже о более строгих мерах наказания за то, что дважды незаконно изъял хлеб.

Другой проблемой, связанной с сотрудниками продовольственных органов, было то, что они «слабо проявляют свою инициативу и работают инертно, чему доказательством служит масса переписок возбужденным по разным, иногда несущественным, вопросам и паломничество в уездные учреждения, по делам посева крестьян с мест» [2, оп.1, д.11, л.557]. Халатность и неинициативность агентов райпродкома приводили не только к увеличению бумажной волокиты, но порой и к порче собранных по разверстке продуктов: «Из письменного доклада т. Боровинского видно, что ввиду несвоевременного вывоза муки около 300 п. с мельницы Мякининой таковая испортилась, а также там начинает гореть пшеница 7.000 п. и к сумме таковой до сего времени не приступлено ... работа не ведется рационально какая то есть грешки о чем и ставим на вид Пищевому отделу для принятия соответствующих мер» [2, оп.1, д.3, л. 16-17].

С лета 1920 года увеличивается число арестов агентов райпродкома, часто без ведома их начальства. Но большинство арестованных вскоре отпускается [3, оп.4, д.23, л. 4]. Райпродком часто выступает в защиту своих сотрудников. Ввиду недостатка специалистов мириться

приходится со многим; взяточничество или периодическое превышение своих полномочий выглядят не так страшно по сравнению с невыполнением разверстки всем уездом. Понимание безнаказанности своих действий вскоре приведет к еще большей халатности и незаконию со стороны агентов райпродкома. Уже осенью 1920 г. ситуация начнет выходить из-под контроля. Помимо увеличения числа жалоб на продовольственных агентов резко возрастет количество убийств агентов как в сельской местности, так и в городе.

В сентябре 1920 г. в связи с реорганизацией Челябинского губпродкома последовала реорганизация и Курганского райпродкома, выразившаяся в ликвидации коллегии и передаче всех полномочий районному продовольственному комиссару или его заместителю, а также в реорганизации отделов. За первый год своего существования комитет успел сделать достаточно много: разверстка была выполнена, вопрос со снабжением армии, города и советских органов решен, необходимый для работы статистический материал был собран, работа предприятий была возобновлена. Объем проделанной работы даже с вышеприведенными ошибками, нарушениями и перегибами выглядит вполне достойно, учитывая, что всё это изначально происходило не только в прифронтной полосе и на разграбленной белыми территории, но и в условиях нехватки очень многих вещей, необходимых для нормальной работы: от одежды и обуви до чернил до бумаги.

За пределами данной статьи осталось еще очень много вопросов, связанных с работой Курганского райпродкома, как, например, попытки пересмотреть возложенную на уезд разверстку, переложение разверсток с одного уезда на другой, многие другие виды повинностей и их выполнение, борьба с мешочничеством и спекуляциями и др. Автор не ставил своей целью раскрыть все вопросы в работе райпродкома за означенный период, но лишь наметил векторы дальнейших исследований.

Источники и литература

- 1 Алешкин П. Ф., Васильев Ю. А. *Крестьянские восстания в России в 1918-1922 гг. От махновщины до антоновщины*. Москва : Вече, 2012. 420 с.
- 2 Государственный архив Курганской области (ГАКО) Ф. Р-215 - Курганский уездный продовольственный комитет (упродком) (1919-1923 гг.).
- 3 ГАКО Ф. Р-635 - Исполнительный комитет Курганского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (уисполком).
- 4 Курьшев И. В. *К характеристике преступности и бандитизма в Западной Сибири (начало 1920-х гг.)* // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. №1 (17). С.31-34.

- 5 Третьяков Н. Г. К вопросу о возникновении Западно-Сибирского восстания 1921 г. // *Роль Сибири в истории России. Бахрушинские чтения, 1993. С.84-91.*
- 6 Шишкин В. И. Западно-Сибирский мятеж 1921 г.: обстоятельства и причины возникновения // *Межевзювский сб. науч. трудов. Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 1998. С. 91-99.*

Т.А. Орнацкая

ПРАВОВАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ЮСТИЦИИ И МИЛИЦИИ В 1917-1920-Е ГОДЫ (на материалах Восточной Сибири и Дальнего Востока)

Аннотация. *1917 год стал ключевым в российской истории XX в. С приходом представителей РКП (б) к власти государственный аппарат был реорганизован. Формирование исполнительных органов стало осуществляться на основе классовых принципов.*

Ключевые слова: Гражданская война, юридическое образование, юстиция.

В первые годы советской власти вопросам правового становления институтов государства и подготовке кадров юристов не уделялось должного внимания. Советская власть отдавала предпочтение пролетарским кадрам, что подразумевало не только классовое происхождение, но и знание пролетарской идеологии. Реализация коммунистической парадигмы способствовала массовому правовому нигилизму [34, с. 216].

На Дальнем Востоке известие о переходе власти в руки большевиков пришло с некоторым опозданием. Руководствуясь декретом СНК РСФСР «О суде» Дальневосточный краевой комитет в начале января 1918 г. из представителя краевого комитета, хабаровского Совета рабочих и солдатских депутатов, Центрального бюро профсоюзов и «лиц, сведущих в делах революционных судов» сформировал комиссариат юстиции, его главой стал А.М. Краснощеков [25, с. 46, 71]. Понимая недостаток квалифицированных юристов, дальневосточный комиссар юстиции предложил «высшим служащим, канцелярским чинам упрядняемых судебных установлений остаться на своих местах под руководством комиссаров» [13, д. 410, л. 75; 22].

25 февраля 1918 г. в регионе были упряднены общие и мировые

судебные установления, прокурорский надзор, институт судебных следователей, присяжной и частной адвокатуры. Распоряжением дальневосточного комиссариата юстиции провозглашено создание революционных трибуналов и местных народных судов [13, д. 8, л. 72-74; 23; 25, с. 87-88]. Судебные функции помимо советских органов исполняли сельские и волостные сходы, а также крестьянские комитеты. Из-за отсутствия у советской власти политики в области права, инструкции об организации судов появились в регионе лишь в конце мая 1918 г. [25, с. 188-192]. Дальневосточный совет народных комиссаров разработал и утвердил «Временную инструкцию об организации судопроизводства», в которой определялся порядок формирования и компетенция народных судов. Судьи избирались губернскими или местными советами народных комиссаров с последующим утверждением кандидатур в Советах. Высшей кассационной инстанцией была судебная коллегия под руководством А.М. Краснощекова, ее члены назначались Дальсовнаркомом (ДСНК) [25, с. 87].

Как известно, В.И. Лениным была выдвинута идея о замене «постоянного войска всеобщим вооружением народа» [28, с. 113], а Красная гвардия должна была выполнять функции пролетарской милиции. Большевистские красногвардейские отряды сформировались по всей территории Дальнего Востока. Одним из обязательных условий приема на службу являлись рекомендации советских, партийных или профсоюзных организаций [24, с. 186-190]. Прием на службу иностранных коммунистов был запрещен [20].

Советизация милиции, отказ от сотрудничества с прежними работниками, стоявшими на иной политической платформе, ее комплектование на основе классового принципа преимущественно членами партии большевиков привели к снижению качества профессиональной подготовки милиционеров. Это вынуждало милицейское начальство организовывать с подчиненными вечерние занятия [21].

Социально-экономические мероприятия, проводимые большевиками через Советы, спровоцировали усиление раскола российского общества и обострение противостояния весной-летом 1918 г., а мятеж сочувствовавшего правым эсерам чехословацкого корпуса ускорил падение власти Советов не только в Сибири, но и на Дальнем Востоке. С началом Гражданской войны, возникновением контрреволюционных очагов и антибольшевистских правительств в дальневосточном регионе декреты советской власти об организации учреждений юстиции и народной

милиции в полной мере реализованы не были. Образовавшиеся антисоветские правительства являлись последователями различных идеологий от красного «Комитета членов Учредительного собрания» до бело-зеленого Временного Сибирского правительства. Формировались офицерские кружки, казачьи отряды, а также эмигрантские контрреволюционные правительства [37; 42]. Антибольшевистские правительства, приходившие к власти, вводили нормативное регулирование на отличных от советских принципах. Каждое из региональных правительств создавало свою судебную систему и органы охраны правопорядка. В июле 1918 г. Временное Сибирское правительство (ВСП) признало все декреты и акты Советов незаконными, приняло постановления «О порядке рассмотрения дел революционных трибуналов и их следственных комитетов» и «О восстановлении судебных учреждений в Сибири». Согласно им возобновлялась судебная система Российской империи, а сотрудники советских судов отстранялись от исполнения обязанностей. В сфере милицейского управления было восстановлено Положение о милиции принятое Временным правительством 17 апреля 1917 г., ее деятельность вновь перешла в ведение органов местного самоуправления [18, с. 90-691, 118-119, 170; 40]. В сентябре 1918 г. введено в действие «Временное положение о Сибирской милиции», закрепившее статус милиции как органа исполнительной власти ВСП. Ее комплектование осуществлялось за счет сотрудников царской полиции, а также милиции, эвакуированных из местностей занятых большевиками [30, с. 35-41; 39; 41, с. 144-154]. Основным методом обучения сотрудников являлось инструктирование на основе разработанной и введенной в действие «Инструкции чинам милиции» [26; 29, с. 14-18].

С приходом в ноябре 1918 г. к власти в Сибири А.В. Колчака кадровую правоохранителей основу составили профессиональные, квалифицированные юристы [31, с. 127]. Однако имелись случаи назначения на руководящие должности городских и уездных учреждений милиции лиц, не имевших юридического образования [26, с. 252-262]. Министр юстиции Г.Г. Тельберг в циркуляре от 17 мая писал, что при рассмотрении просьб об увольнении будет обращать внимание на мотив такого шага, особенно, если такой мотив продиктован узколичными соображениями: тяжесть работы, переход на частную службу, недостаточное материальное положение и прочее [27, с. 52-53]. Большая часть квалифицированных юристов, спасаясь от власти большевиков, бежала за

границу. Оставшиеся в регионе юристы не справлялись с потоком гражданских и уголовных дел [26, с. 76-80].

В соответствии с временным положением об изъятиях, отсрочках и льготах по отправлению воинской повинности, утвержденным Верховным правителем 28 декабря 1918 г., от призыва на военную службу были освобождены сотрудники городских и уездных наружной и уголовной милиции. От службы в армии освобождались имевшие юридическое образование экстраординарные профессора, доценты, преподаватели и приват-доценты, а также начальники отделений департаментов министерства юстиции, помощники юрисконсультов, товарищи прокурора, судебные следователи, мировые судьи, пристава, секретари и нотариусы [10, д. 2, л. 26-34].

Администрация А.В. Колчака одну из важных ролей отводила Министерству внутренних дел и подчиненной ему милиции. Основная часть руководства колчаковской милицией имела высшее юридическое образование. Правовой основой для пополнения кадров являлось Временное положение «О сибирской милиции», утвержденное еще ВСП. Однако были сделаны и послабления. Так, отсутствовал классовый принцип подбора кадров, на службу принимались не только бывшие полицейские и жандармы, но и в исключительных случаях иностранные подданные [2, д. 240, л. 1-4; д. 241, л. 1-4]. Еще одним каналом комплектования милиции были лица, не годные к военной службе. В феврале 1919 г. в соответствии с указанием В.Н. Пепеляева были сформированы отряды особого назначения. [17, с. 189; 43, с. 60]. Однако низкое материальное обеспечение привлекало в их число большое количество непрофессионалов. По приказу Верховного уполномоченного на Дальнем Востоке Д.Л. Хорвата в январе-феврале 1919 г. наблюдатель его личной охраны С.И. Макаров, в течение 2 месяцев путешествуя по дальневосточному региону, вербовал желавших служить в милиции. Его одиссея не имела значительного успеха, в Благовещенске удалось завербовать и отправить во Владивосток только 6 чел., а в Харбине – 26 [6, д. 12, л. 1-36].

Попытка организовывать систему подготовки милицейских кадров была сделана Д.Л. Хорватом. Он в январе 1919 г. без согласования с В.Н. Пепеляевым утвердил должность инспектора милиции, назначив на нее полковника Арнольда, перед которым были поставлены задачи «подготовки пособия милиционерам о несении постовой службы» и разработка плана и программы для школ прикладного обучения мили-

ционеров и классных чинов [1, д. 31, л. 19, 21-24, 29].

Руководство МВД Верховного правителя России пыталось организовать курсовое обучение милиционеров [4, д. 35, л. 46]. Осенью 1919 г. во Владивостоке открылись милицейская школа и школа подготовки надзирателей [5, д. 41, л. 53, 202, 234]. Столкнувшись с недостатком финансирования и комплектованием по остаточному принципу, наступлением Красной армии, формирование системы обучения сотрудников милиции стало невозможным [12, д. 354, л. 2-21].

Несколько более успешной была попытка организации системы обучения милиционеров в Забайкалье. Сформированный 9 января 1918 г. при поддержке Японии Особый маньчжурский отряд (ОМО) есаула Семенова 15 апреля 1918 г. «для восстановления порядка и законности» вторгся в Забайкалье [36, с. 26].

Под руководством Г.М. Семенова был создан судебно-административный отдел, учрежден военно-отрядный суд, сформирована следственная комиссия, учреждены военно-полевые суды [15, с. 9-10; 16, с. 37]. Сотрудниками органов юстиции являлись лица, имевшие юридическое образование. Эвакуированные в регион юристы прикомандировывались к читинскому окружному суду поименными списками [10, д. 29, л. 71]. Семенов понимал, что, «начиная борьбу с большевиками, необходимо считаться с требованиями жизни и иметь хотя бы в зародыше аппарат государственной власти» [38, с. 138].

С учетом важности подготовленных кадров для формирования государственных структур в декабре 1919 г. приказом атамана Семенова на особый учет были поставлены «тюремные надзиратели, служившие в рядах особого назначения при милиции; инспектора милиции; начальники городских и уездных милиций, а также начальники, помощники и специальные агенты государственной и уголовной милиций» [14, д. 2, л. 205]. А после принятия в январе 1920 г. Семеновым всей полноты гражданской и военной власти на территории Российской восточной окраины сформированы органы гражданского и военного управления. 25 января 1920 г. учреждены апелляционный и высший (в составе уголовного, административного и гражданского департаментов) суды. Образована читинская судебная палата, включавшая в себя уголовный и гражданский департамент. Все должностные лица должны были иметь классный чин от 4-го – для председателей высшего суда, читинской судебной палаты и прокуроров, до 8-го – для судебных приставов [10, д. 28, л. 11, 14ж].

В конце августа 1919 г. приказом Семенова утверждены штаты Министерства внутренних дел, в соответствии с которыми отделение милиции состояло из 14 чел. [11, д. 370, л. 2,5,7]. Начальникам милиции вменено в обязанность разъяснять подчиненным и контролировать порядок производства дознания. Руководство должно было обязательно иметь классный чин [10, д. 28, л. 25, 58]. В целях закрепления милиционеров на службе приказом Семенова милиционеры объявлены военно-обязанными. Это влекло запрет оставления службы «без надлежащего разрешения» [7, д. 86, л. 13-14].

Первоначально вмешательство офицеров Забайкальского военного округа, находившегося под командованием Семенова, в дела милиции было строжайше запрещено [10, д. 52, л. 96-97; 15, с. 15-16]. Поэтому продолжали функционировать милицейские структуры, созданные еще в период Временного правительства. Обязанности начальника милиции Читы продолжал исполнять Л.А. Околович [32, с. 194]. Руководство милицией было передано прапорщику И.И. Федорову. Восстановлением государственного порядка в регионе занимались отряды особого назначения [33; 35], которые являлись кадровым резервом для восстанавливаемой милиции. В Чите действовал отряд особого назначения, сформированный еще приказом В.Н. Пепеляева. Под начальством полковника Полянского находилось 47 чел., осуществлявших наблюдение за порядком на сборных пунктах, охрану военных складов и т.д. В начале сентября 1919 г. управляющим Забайкальской областью С.А. Таскиным отряд перешел в ведение начальника Читинской городской милиции А.М. Каменнова [17, с. 190]. Активно разрабатывались инструкции для милиционеров, с которыми был обязан ознакомиться каждый из милицейских чинов [11, д. 48, л. 5].

Проведенный весной 1919 г. анализ уровня подготовки милиционеров [8, д. 2, л. 129] показал, что милиционеры имели среднее или домашнее образование, наиболее частыми нарушениями являлись неявка на службу и неисполнение обязанностей [9, д. 3, л. 51-69; д. 6, л. 74; д. 19, л. 111-115, 135]. Необходимость повышения квалификации сотрудников милиции становилась очевидной.

1 августа 1919 г. в Чите открылись милицейские курсы для нижних чинов, руководителем которых являлся Г.М. Семенов, а секретарем – подпоручик С.М. Подскоцкий. Курсы расположились в казармах конной милиции в районе д. Антипиха. Для их организации закуплены учебные пособия, бумага, карандаши, чернила и руководства для

преподавательского состава [8, д. 2, л. 68]. В составленный учебный план включены гимнастика и строевая подготовка, занятия по которым проводил лично Г.М. Семенов. Изучение предметов «по милицмейскому праву» было возложено на начальника 2 участка читинской милиции Токарева, а государственного права и «воинской повинности» – на Подскоцкого. В учебном плане отводились часы для изучения уголовного права и процесса, основ гражданского права и акцизного устава.

На курсах обучалось 37 чел., хотя они были рассчитаны лишь на 20. Не обошлось и без эксцессов. 23 сентября 1919 г. два курсанта находились в нетрезвом состоянии в цирке, а по возвращении нагруппили начальнику 5 участка читинской милиции и по совместительству преподавателю курсов Цингеру. После проведенного разбирательства они были отчислены и приговорены к трем месяцам тюремного заключения [8, д. 2, л. 104, 187, 209].

Проведя анализ подготовки кадров для правоохранительных органов в 1917-1920 гг., необходимо отметить, что как у советских, так и у антибольшевистских правительств система правового обучения специалистов не сформировалась. Калейдоскоп правительств, сменявших друг друга, при формировании органов юстиции и милиции учитывал классовую принадлежность правоохранителей, не обращая внимания на их профессионализм. Практика перенесения задач охраны прав граждан на второй план, укоренившаяся в 1917-1920 гг., не способствовала повышению престижа юридической деятельности.

Источники и литература

- 1 Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-147. Оп. 2.
- 2 Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-176. Оп. 6.
- 3 Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1791. Оп. 5.
- 4 Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-4531. Оп. 1.
- 5 Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9427. Оп. 1.
- 6 Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. Р-734. Оп. 1.
- 7 Государственный архив Забайкальского края. Ф. 50. Оп. 2.
- 8 Государственный архив Забайкальского края. Ф. 91. Оп. 3.
- 9 Государственный архив Забайкальского края. Ф. 95. Оп. 1.
- 10 Государственный архив Забайкальского края. Ф. 329. Оп. 1.
- 11 Государственный архив Забайкальского края. Ф. 370. Оп. 1.
- 12 Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-44. Оп. 1.
- 13 Государственный архив Хабаровского края. Р-410. Оп. 1.
- 14 Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-959. Оп. 1.
- 15 Атаман Семенов. Вопросы государственного строительства : сб. док. и материалов. Чита : Поиск, 2002. 128 с.

- 16 Василевский В. И. *Забайкальская белая государственность в 1918-1920 годах*. Чита : Поиск, 2008. 182 с.
- 17 Власов А. Е. *Отряды особого назначения // История белой Сибири : тезисы 4-й науч. конфер. Кемерово, 2-3 февраля 2001 г.* Кемерово : Кузбассвузиздат, 2001. С. 189-192.
- 18 *Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.)* : сб. док. и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск : ИД «Сова», 2007. 818 с.
- 19 *Голос Приморья*. 1917. 8 ноября.
- 20 *Голос Приморья*. 1918. 10 мая.
- 21 *Голос Приморья*. 1918. 20 июля.
- 22 *Дальневосточные известия*. 1918. 28 февраля.
- 23 *Дальневосточные известия*. 1918. 2 марта.
- 24 *Дальний Восток России в период революции 1917 года и гражданской войны*. Владивосток : Дальнаука, 2003. 632 с.
- 25 *Дальсовнарком. 1917-1918 гг.* : сб. док. и материалов. Хабаровск : Хабаровское кн. изд-во, 1969. 376 с.
- 26 Звягин С. П. *Правоохранительная политика А.В. Колчака*. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2001. 352 с.
- 27 *История «белой» Сибири в лицах. Биографический справочник*. Санкт-Петербург : Нева, 1996. 760 с.
- 28 Ленин В. И. *Войско и революция // Полн. собр. соч. Т. 12*.
- 29 Петров А. В. *Нормативное правовое регулирование деятельности правоохранительных органов «антибольшевистских» правительств Урало-Сибирского региона // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2005. № 8 (48). С. 14-18*.
- 30 Петров А. В. *К вопросу о правовом обеспечении организации и деятельности милиции Временного правительства и «белых» правительств Урала и Сибири // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 1. С.35-41*.
- 31 Плотников И. Ф. *Александр Васильевич Колчак – исследователь, адмирал, Верховный правитель России*. Москва : Центрполиграф, 2002. 752 с.
- 32 Прудкой С. А. *Забайкальская милиция в период гражданской войны (август 1918- октябрь 1920 гг.) Задачи, деятельность, обмундирование // Четвертые Гродековские чтения : материалы регион. науч.-практ. конфер. «Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России»*. Хабаровск : Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2004. Ч. 1. С. 194-198.
- 33 Романов А. М. *Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова / науч. ред. И. В. Наумов*. Иркутск : Оттиск, 2013. 308 с.
- 34 Роцин Б.Е. *Юридическое образование в Советской России (октябрь 1917 – март 1921 гг.): организационно-правовой аспект // Вестник Костромского государственного университета им. Н.И. Некрасова. 2016. Т. 20. № 6. С. 214-218*.
- 35 Савченко С. Н. *Белая армия на Дальнем Востоке России: возникновение и структура (сентябрь 1918 – февраль 1920 гг.) // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918-1922) : сб. науч. статей*. Хабаровск : ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2000. Вып. 2. С. 36-69.
- 36 Савченко С. Н. *Дальневосточный казачий сепаратизм в годы гражданской войны (1918-1920) // Россия и АТР. 2007. № 4. С. 25-40*.

- 37 Светачев М. И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.) Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1983. 353 с.
- 38 Семенов Г. М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904-1921 гг. Москва : Центрполиграф, 2007. 304 с.
- 39 Сибирский вестник. 1918. 3 окт.
- 40 Собрание узаконений Временного сибирского правительства. 1918. № 2. Ст. 11, 13, 15.
- 41 Фирсов И. Ф. О деятельности органов внутренних дел Временного Сибирского правительства в Тюменском регионе (июнь 1918 – июль 1919 г.) // Академический вестник. 2013. № 1 (23). С. 144-154.
- 42 Ципкин Ю. Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920-1922 гг.). Хабаровск : Хабаровский государственный педагогический университет, 1996. 182 с.
- 43 Ципкин Ю. Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917-1922 гг.). Хабаровск : Хабаровский краевой музей им. Н. Гродекова, 2012. 246 с.

М.А. Перова

РЕВОЛЮЦИЯ И ДЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ (на примере Курганского и шадринского округов)

Аннотация. *В статье идет речь о послереволюционных изменениях в детской повседневности, выразившихся в законодательных актах советской власти. Рассматривается влияние революции на реальную детскую жизнь, в частности на положение ребенка в семье и школе, его место в системе идеологизации общественного сознания.*

Ключевые слова: революция, детская повседневность, семейная политика, школа, идеологическое воспитание.

Революционные события и установление новой власти не только отразились на жизни взрослого населения страны, но и значительно изменили детскую повседневность. В Курган перемены пришли с некоторым опозданием – после установления советской власти в 1919 году, хотя многие сохранившиеся в архивных фондах постановления датируются и более ранним временем.

Революция и Гражданская война отразилась на многих аспектах детской повседневности. По большей части перемены касались положения ребенка в семье, системы школьного образования, самовосприятия ребенка в качестве субъекта общественно-политического процесса.

Семейному вопросу новая власть придавала большое значение – первые декреты, регулирующие эту сферу человеческой жизни, были

опубликованы еще в 1917 году. Согласно им, действительными признавались только светские браки, зарегистрировать брак стало очень просто, а для развода было достаточно обращения в отдел ЗАГС или местный суд в одностороннем порядке [10]. Это в числе прочего привело к падению значимости института семьи, следствием чего стала безотцовщина, детская безнадзорность и беспризорность, хотя одной из целей перемен, как отмечает Н.С. Сажина, было организовать правильное идеологическое воспитание детей [17]. В Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 года отдельно оговаривались случаи нахождения брошенного младенца – вероятно, это было довольно широко распространено [11, ст. 28]. Чаще всего он попадал в детприемник, а оттуда – в детский дом-ясли. Детдомовцы должны были стать первыми новыми людьми советского государства. В Курганском и Шадринском округах, как и по всей России, действовала сеть детских домов, детприемников, ночлежек. По данным на 1923 г., в детских домах по Курганскому округу Уральской губернии воспитывалось 1680 детей [3, д. 2, л. 34].

В первые советские годы вообще предполагалось, что «забота о детях будет снята с родителей, а общество обеспечит ребенку все необходимое для того, чтобы он мог полно и всесторонне развиваться» [18]. Новые люди новой страны должны были жить в домах-коммунах, питаться на фабриках-кухнях, свободное время проводить в рабочем клубе или парке отдыха, иметь возможность заниматься творчеством и самообразованием, пока их дети получают идеологически правильное обучение и воспитание в специальных учреждениях. В рамках кампании по освобождению женщины в Советской России были легализованы аборты [14], внебрачные и брачные дети уравниены в правах и обязанностях [8]. В Наркомате социального обеспечения РСФСР в ноябре 1917 года был создан Отдел охраны материнства и младенчества, а после первого Всероссийского съезда комиссаров социального обеспечения 25 мая 1918 года такие отделы начали организовывать в отдельных губерниях. В числе прочего в их задачу входило «воспитание» матерей: обучение их правильному обращению с детьми и основам гигиены, а также экономическая поддержка беременных и кормящих женщин. Санитарное просвещение позволило к 1925 году сократить детскую смертность почти в два раза по сравнению с 1913 годом: с 280 смертей на 1000 родившихся до 129 [19]. В Курганском округе статьи о женском и детском здоровье регулярно публиковались в газете «Красный

Курган», а просвещением женщин на местах занимались делегатки.

Из идеи просвещения населения и создания нового советского человека вытекала и школьная политика государства. Как отмечает О.В. Бердова, школа «была обязана закрепить победу революции воспитанием будущих поколений» [1]. В 1918 году в Советской России планировалось введение бесплатного и обязательного всеобщего образования, создание сети дошкольных учреждений, снабжение всех учащихся одеждой, обувью, учебниками и бесплатным питанием, свободный доступ в высшие учебные учреждения всем желающим учиться [6]. Процесс, конечно, шел гораздо медленнее, чем хотелось бы – в частности к сентябрю 1924 года охват детей школьным образованием в Курганском округе Уральской области составил 60–65% в городе и 38–40% в сельской местности [12]. Школ было мало, они с трудом получали помещение для занятий, отстояли далеко друг от друга, и детям приходилось преодолевать большие расстояния или жить в других деревнях на съемных квартирах. Многие поступившие в школу не могли посещать занятия в холодное время из-за отсутствия теплой одежды и обуви [5, д.86, л.4], нередко школы закрывались на зиму из-за отсутствия дров и нормальных печей. За обучение в школе, изначально объявленное бесплатным, с 1924 года брали порядка 5% от жалования родителей [9] – средств на систему образования практически не выделялось, школы были переданы на обеспечение нищих районных бюджетов и в большинстве случаев содержались за счет населения и забот самих школьников: «средств у школы никаких нет... Постановили обратиться к фабрике принять шефство над школой, но ответа не последовало. Другие нужды по школе исправляются самими учениками: например, починка парт, дверей. Приобретены за счет учеников метлы, веники, спички» [5, д.22, л. 11]. Но в массе своей население было слишком бедно, чтобы приобретать школьные принадлежности, а тем более платить зарплату учителям. Многие села и деревни, где до революции действовали школы, остались выброшенными из системы образования на несколько лет.

Там, где школы открывались и работали, было много постреволюционных изменений. Из школьного обучения устранились все религиозные предметы и обрядовость, в управлении образовательными учреждениями в составе педагогического совета стали принимать участие ученики старше 12 лет. С мая 1918 года (в Кургане с 30 марта 1920 года [2, д. 1, л.12.]) была формально уничтожена половая дифференциация в

системе образования. Школа стала играть большую роль в культурном воспитании населения – например, в рамках соцсоревнования в курганской школе №1 «силами детей обучено 35 неграмотных, много сделано... по оказанию помощи бедноте» [4, д.124, л. 2].

Новая Единая трудовая школа руководствовалась гибким учебным планом, уделяла большое внимание физической культуре и эстетическому воспитанию детей. Основой обучения в должен был стать труд – «творчески радостный, свободный от приемов насилия над личностью учащегося» [6]. Отменялась балльная система оценки знаний и поведения, учительские категории и звания, должность преподавателя становилась выборной. Школьный коллектив, включая учителей и учеников, должен был превратиться в коммуну свободных и равных личностей, объединяющихся в группы и кружки: ребенок становился полноценным субъектом образовательного процесса. Тенденция к централизации и упорядочиванию системы образования наметилась только с середины 1920-х годов.

На фоне идеи счастливого советского детства менялось отношение государства к детскому труду, который, во-первых, в сложившихся экономических условиях был неизбежен, во-вторых, являлся важной составляющей идеологического воспитания [13] – не даром новая советская школа называлась трудовой. В первые годы советской власти был издан ряд законодательных актов, регулирующих детский труд на производстве: в 1919 году запретили принимать на работу детей до 16 лет за исключением случаев острой материальной нужды; дети до 14 лет подлежали снятию с работы и размещению «по общим и профессиональным школам» [16] с назначением пособия, компенсирующего отсутствие зарплаты, в зависимости от материального положения ребенка [15]. В то же время государство на законодательном уровне закрепляло необходимость использования детского труда на производстве «для правильного восстановления квалифицированной рабочей силы»: особенно высоким число детей от 15 лет устанавливалось для полиграфической и стекольной промышленности (не ниже 13 и 12 процентов от трудового коллектива) [7]. Подростковый труд позволял не только создать кадровый резерв, но и был средством социализации беспризорных и подготовки к выходу во взрослую жизнь воспитанников детских домов старшего возраста. Трудовую подготовку стремились наладить и в общеобразовательных учреждениях: «Всем школам 1 и 2 ступени... приступить к организации при школах откармливания поросят, по 1

штуке на 20 человек, там, где возможно – развить кролиководство... Птицеводство – ...по птице на каждого... занять часть участка овощными культурами... К обслуживанию хозяйства привлекаются все учащиеся в порядке дежурства» [4, д. 148, л. 81].

Изменения, происходившие в советской семье, в школе и общественном сознании, влияли на восприятие детьми самих себя и государства. Они становились, по выражению британской исследовательницы К. Келли, «маленькими гражданами большой страны» – именовали друг друга «товарищ», занимались клубной и кружковой работой, участвовали в школьном самоуправлении, всерьез обсуждали политические проблемы, распространяли просвещение среди неграмотных взрослых. С малых лет они усваивали новый идеологический дискурс – особенно ярко это стало проявляться с появлением пионерской организации и ленинского комсомола. В Курганских и Шадринском архивах сохранились протоколы детских собраний, устраиваемых в школах и детских домах, а позже – в пионерских ячейках. Согласно этим документам, девочки и мальчики того времени осознавали свою причастность к делу революции, много и с уважением говорили о В.И. Ленине, К. Марксе, Ф. Энгельсе и активно усваивали новую мораль.

Источники и литература

- 1 Бердова О. В. Из истории школьного образования и костромского учительства периода формирования советской школы (1918-1930) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия Гуманитарные науки. 2008. № 4. С.228-234.
- 2 Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф.Р-47 - Отдел народного образования Курганского уисполкома.
- 3 ГАКО. Ф. Р-48 - Отдел народного образования Курганского окрисполкома.
- 4 ГАКО. Ф. Р-465 - Курганский городской совет народных депутатов и его исполнительный комитет.
- 5 Государственный архив города Шадринска. Ф. Р-213 - Отдел народного образования Шадринского окрисполкома.
- 6 Декрет ВЦИК от 16.10.1918 «Об единой трудовой школе Российской Социалистической Республики (Положение)». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_377.htm (дата обращения: 20.04.16).
- 7 Декрет ВЦИК от 2.05.1922 «Об установлении предельного минимума количества подростков в предприятиях». URL: <https://www.lawmix.ru/sss/17870> (дата обращения: 30.09.2016).
- 8 Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18.12.1917 «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_108.htm (дата обращения: 03.03.16).
- 9 Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 28.07.1924 «О дополнении к Постановлению о порядке взимания платы за обучение в учреждениях Народного комиссариата про-

- свещения». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2102.htm (дата обращения: 20.04.16).
- 10 Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 19.12.1917 «О расторжении брака». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_112.htm (дата обращения: 03.03.16).
11. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16.09.1918). URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_363.htm (дата обращения: 03.03.16)
- 12 Красный Курган. 1924. №107
- 13 Нечаева К. М. Образовательная политика в первые годы советской власти // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. №61. С.444-447.
- 14 Постановление Наркомздрава РСФСР, Наркомюста РСФСР от 18.11.1920 «Об охране здоровья женщин». URL: <http://lawru.info/dok/1920/11/18/n1205637.htm> (дата обращения: 03.03.16).
- 15 Постановление Народного Комиссариата Социального Обеспечения от 26.06. 1920 «О социальном обеспечении малолетних, подлежащих снятию с работы (Циркуляр № 1)». URL: <http://istmat.info/node/41950> (дата обращения: 30.09.2016).
- 16 Постановление Народного Комиссариата Труда от 21.07.1919 «О применении труда малолетних». URL: <http://istmat.info/node/38250> (дата обращения: 30.09.2016).
- 17 Сажина Н. С. Социальная политика в отношении материнства и детства в первые годы советской власти // Вестник Брянского государственного университета. История и политология. Право. Литературоведение. Языкознание. 2013. №2. С.91-94.
- 18 Фабричная Т. Ф. О некоторых аспектах семейного законодательства РСФСР в 1917-1926 гг. // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3(27). С.55-59.
- 19 Черняева Н. Идеология семейных ценностей: повторяем пройденное? // 60 параллель. 2010. № 2(37). С.54-65

И.В. Неупокоев

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ФЕВРАЛЬСКИХ СОБЫТИЙ 1917 Г. (На примере Тобольской губернии)

Аннотация. Статья посвящена переменам в системе народного образования Тобольской губернии, которые начались под влиянием февральских событий 1917 г. Среди них удаление из классных комнат императорских портретов, отмена требования политической благонадежности для учителей и преподавания Закона Божия, переход управления училищами к земствам, передача церковных школ Министерству народного просвещения и др.

Ключевые слова: Тобольская губерния, император, директор народных училищ, инспектор народных училищ, революция.

Характерной чертой дореволюционного образования было присвоение учебным заведениям имен российских императоров. Так, после неудачного покушения в 1879 г. народовольца А. Соловьева на Александра II по ходатайству Курганской городской думы Курганская женская прогимназия получила наименование «Александровская». Накануне февральских событий 1917 г. Министерство народного просвещения присвоило Курганскому мужскому высшему начальному училищу название «ИМЕНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го БЛАГОСЛАВЛЕННОГО» [1, д.102, л.18]. Кроме того, портреты российского императора и наследника престола, как и иконы, являлись обязательным элементом оформления школьных классов и учебных комнат. Должностные лица разных ведомств, осуществлявшие контроль за образованием, обращали отдельное внимание на наличие и состояние этой атрибутики. Так, в отчете директора народных училищ Тобольской губернии за 1905 г. отмечалось, что среди несоответствующих для сельских школ приобретений встречаются огромного размера «дорогие рамы царских портретов», которые «иногда не вмещаются в классной комнате и стоят где-то в амбаре» [2, д.2, л.126-об]. Или в отчете инспектора народных училищ 3-го района после ревизии в феврале 1910 г. Заливинского сельского училища Тарского уезда было отмечено: «Портрет Государя Императора в столь неприличном виде, что его нелегко держать на стене: именно на носу изображения, над головой и на левом плече вырвана краска с вершок величиной», поэтому инспектор делает замечание – «Приобрести портрет Государя Императора» [8, д.10, л.91]. По итогам ревизии школ в 1911-1912 уч. г. директор народных училищ Тобольской губ. Г.Я. Маляревский указал, что «в некоторых училищах на стенах классной комнаты нет портрета ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, который должен быть необходимою принадлежностью классной комнаты. В случае, если в школе совсем нет портрета, или он от ветхости пришел в негодность, заведывающие училищами должны непременно вносить его в требовательную ведомость при выписке книг и учебных пособий. В некоторых училищах ученики не знают титула ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, а иногда не знают даже имени и отчества Государя, Государыни и Наследника, и это иногда замечается в старшем отделении. Не знать ученикам начальной школы, накануне окончания

курса, имени и титула Верховного Вождя Русской земли, Его Супруги и Наследника совершенно недопустимо и допущение этого нужно считать тяжким проступком учащего. В каждой школе, в числе необходимых предметов классной обстановки должен быть портрет Государя; на предварительных беседах, которые ведутся с вновь поступившими учениками в самом начале их занятий и имеют целью ознакомление с окружающими их предметами, на портрет Государя должно быть обращено особенное их внимание и здесь впервые нужно сообщить им имя и краткий титул Царствующаго Императора» [11, с.2-3].

Кроме того, в ряде Положений об учебных заведениях предусматривалось освобождение учеников от занятий в дни, связанные рождением и коронацией царствующих особ. Например, в «Инструкции для двухклассных и одноклассных сельских училищ Министерства Народного Просвещения» 1875 г. указывалось, что дети освобождаются от занятий в училище «в день тезоименитства и рождения Государя Императора, Государыни Императрицы, Наследника Цесаревича и Цесаревны; в дни Восшествия на престол и Коронации» [10, с.11].

Февральская революция привела к падению монархии в Российской империи. 2 марта 1917 г. Николай II отрекся от престола и получил новый статус «гражданина Романова». Эти события немедленно отразились на системе народного образования. Так, директор народных училищ Тобольской губ. Г.Я. Маляревский предписал инспекторам народных училищ удалить портреты уже бывшего императора и его семьи, прекратить пение гимна «Боже царя храни», удалить «все надписи относительно Царя и Царской власти». Делать это рекомендовалось «с осторожностью, не делая из этого манифестаций, а в случае запросов учеников и родителей, давать объяснения в умеренном и успокоительном тоне» [4, д.6, л.2]. Инспектора народных училищ, в свою очередь, эти предписания доносили до школьных учителей. Так, в письме инспектора народных училищ Туринского уезда от 6 марта 1917 г. учащим начальных училищ было дополнительно предписано «на уроках чтения не прочитывать и не задавать на дом таких статей и стихов, в коих прямо или косвенно высказывается укрепление, уважение и привязанность к прежнему правительственному строю. Из библиотек отобрать и поместить особо такого характера книги и отнюдь не выдавать их для прочтения» [6, д.1, л.5-об]. Наименование «Александровская» по отношению к Курганской женской гимназии употреблялось вплоть до установления Советской власти.

До февральских событий проявление неуважительного отношения к особе императора и его семье со стороны учащихся влекло за собой наступление формальных негативных санкций, о которых информировались руководители всех учебных заведений. Так, например, в сентябрьском письме 1916 г. директора народных училищ Тобольской губ. заведующему Курганским высшим начальным училищем говорилось, что ученик 1 класса Киевского высшего начального императора Николая II училища Станислав Квасковский «за допущенное им неблагопристойное выражение об Особе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА» был исключен без права поступления в какое-либо учебное заведение [1, д.93, л.9]. В новых условиях Временное правительство отменило взыскание: «Исключение из гимназии или прогимназии с оповещением о том всех учебных начальств и с лишением права поступить в какое-либо учебное заведение» (п.19. §11 «Правил о взысканиях» 1874 г.) [14, с.172].

Среди, несомненно, положительных черт политики Временного правительства и министра народного просвещения А.А. Мануйлова в сфере образования следует выделить мартовское постановление 1917 г. об увеличении основного оклада жалованья «учащим начальных училищ ведомства Министерства Народного Просвещения, всех наименований» с 360 руб. до 600 руб. в год, а также «процентные добавки из казны к пенсиям» учителей. Основным политическим ориентиром Временного правительства в школьном вопросе стала просвещенческая платформа кадетской партии, которая декларировала принцип «свободы, демократизма и децентрализации» народного образования [13, с.276]. Министерство отменило предоставление справки от губернатора о политической благонадежности для кандидатов на учительские должности [1, д.102, л.54]. Напомним, что еще с 1866 г. губернаторы обязывались при кадровых перемещениях чиновников требовать от соответствующих ведомств документы об их благонадежности [12, с.953]. Это правило распространилось и на учителей. Информацию о благонадежности Тобольский губернатор запрашивал в губернском жандармском управлении и у окружных исправников. Например, в январе 1896 г. от начальника этого управления на имя губернатора пришел ответ: «как оказалось по собранным негласным путем сведениям, проживающая в г. Кургане дочь купца Ольга Васильева Харламова ни в чем предосудительном в политическом отношении по настоящее время замечена не была» [7, д.12, л.5]. Из другого примера известно, что

в мае 1908 г. губернатор уведомил инспектора народных училищ 2-го района, что «не может дать согласия о допущении к должности учителя Потехина»; в июле 1908 г. губернатор уведомил инспектора «о политической благонадежности учительницы Калмыковой» [2, д.7, л.2-об, 227]. 8 апреля 1910 г. председатель пед. совета Курганской женской гимназии Флеммер в обращении на имя губернатора просил его уведомить, «не встречается ли препятствий к назначению» окончившей Санкт-Петербургские высшие женские курсы Зубовой на должность учительницы истории и географии. Через месяц губернатор дал ответ: «На назначение Е. В. Зубовой на должность учительницы во вверенную Вам гимназию с моей стороны препятствий не встречается» [5, д.85А, л.45, 70].

Также министерство отменило решение царского правительства о воспрещении образовывать союзы учителей и состоять учителям в политических партиях, о строгих ограничениях в проведении учительских съездов и курсов. Отменялись ограничения для ранее исключенных из учебных заведений учеников: был дан зеленый свет «беспрепятственному приему в учебные заведения, в случае возбуждения соответствующих ходатайств, бывшие учащиеся, понесшие наказания по политическим и религиозным делам как в административном, так и в судебном порядке» [1, д.102, л.32].

После февральской революции 1917 г. изменилась система школьного управления: были упразднены созданный еще в 1904 г. Тобольский губернский училищный совет и уездные училищные советы. Их функции передавались уездным земским управам, которые создавались на основании постановления Временного правительства от 17 июля 1917 г. «О введении земских учреждений в губернии Архангельской и в губерниях и областях Сибири». В Тобольском губернском земском собрании был сформирован отдел народного образования. Подвергся острой критике институт инспекторов и директоров народных училищ как выступавший «в роли угнетателей по отношению к личности народного учителя» [15, с.1]. В мае 1917 г. состоялись уездные съезды учителей начальной школы Тобольской губ., которые обратились к комиссару Тобольской губ. от Временного правительства с просьбой немедленного устранения Г.Я. Маляревского с должности директора народных училищ Тобольской губ. «ввиду вредной деятельности... вносящего в школьную жизнь мрак и неуважение к личности учащихся», из-за подавления «свободного духа и инициативы учащихся» [8, д.10, л.91]. Сначала

директор Г.Я. Маляревский писал оправдательные письма губернскому комиссару, а потом был вынужден в октябре 1917 г. подать в отставку.

Служащие Министерства народного просвещения: Попечитель Западно-Сибирского учебного округа, директор народных училищ Тобольской губ., инспектора народных училищ, учителя-мужчины приходских училищ, высших начальных училищ и преподаватели гимназий – находились на государственной службе и пользовались правом на чинопроизводство за выслугу лет, мундир, пенсию. 16 марта 1917 г. Временное правительство постановило «Приостановить производство чины по гражданскому ведомству». И хотя автором не обнаружена в письменных источниках реакция теперь уже бывших чиновников образовательного ведомства на это изменение, но можно предположить, что это, несомненно, лишало их престижных черт социального статуса.

20 июня по представлению Министерства народного просвещения Временное правительство приняло решение о подчинении учебному ведомству всех действовавших в стране учебных заведений, на содержание которых отпускались государственные средства. Это означало передачу министерству почти 40 тыс. церковных школ, имущество которых оценивалось в 170 млн руб. В Тобольской губ. процесс передачи церковных школ начался весной 1918 г. Так, согласно журналу Курганского уездного отделения Тобольского епархиального училищного совета в апреле 1918 г. состоялась передача Смоленской церковно-приходской школы; священник Затопляев сообщал, что при передаче Рябковской церковно-приходской школы стоимость имущества не была определена; священник Попов сообщал, что имущество Камышенской церковно-приходской школы определена в 300 рублей; передача Кабаньевской церковно-приходской школы состоялась 1 мая 1918 и имущество оценивается до 400 рублей [3, д.49, л. 192-об-196-об].

Еще в апреле 1905 г. образовалась профессионально-политическая организация «Всероссийский союз учителей и деятелей народного образования». Одним из принципов организации школьного дела, провозглашенным Союзом было исключение Закона Божия как обязательного предмета преподавания [16, с.125]. 1917 г. стал отправной точкой в практической реализации этого требования: летом 1917 г. появилось «Временное положение о единой общеобразовательной школе», согласно которому преподавание Закона Божия переводилось на факультативную основу. В связи с этим церковно-славянский язык полностью исключался как предмет. Однако отношение в обществе к изучению

Закона Божия было далеко не однозначным. После принятия постановления Временного правительства от 14 июля 1917 г «О свободе совести» в обществе поднялась волна протеста против отмены изучения в школе Закона Божия. В правительственные учреждения хлынули потоки писем и телеграмм. 12 октября 1917 г. Временное правительство вновь вернулось к рассмотрению Положения о преподавании Закона Божия. В итоге, было определено, что преподавание религии в школе непосредственно связано с вопросом об отношении церкви к государству. Поэтому окончательное решение вопроса передавалось в руки Учредительного собрания [9, с.59].

Таким образом, события февраля 1917 г. стали толчком к совокупности изменений в системе народного образования: удаление из школ портретов императора и его семьи, отмена наказаний за оскорбление императорской особы, отмена справок на политическую благонадежность для учителей, передача управления из училищных советов земствам, отмена чиновничества для учителей, отмена преподавания Закона Божия, подчинение всех школ Министерству народного просвещения и др. Более радикальные изменения в этой сфере начнутся уже после октябрьского переворота.

Источники и литература

- 1 Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. И-147. Оп.1.
- 2 ГАКО. Ф. И-173 – Инспектор народных училищ 2-го района г. Кургана. Оп.1.
- 3 ГАКО. Ф. И-201 – Уездное отделение Тобольского епархиального училищного совета. Оп.1.
- 4 ГАКО. Ф. И-206 – 3-е мужское приходское училище г. Кургана. Оп.1.
- 5 ГАКО. Ф. И-63 – Курганская Александровская женская гимназия. Оп. 1.
- 6 Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 736 – III передвижное МНП училище Туринского уезда. Оп.1.
- 7 Государственный архив Тобольска (ГАТ). Ф. И-152 – Тобольское губернское управление. Оп.48.
- 8 ГАТ. Ф. И-5 – Директор народных училищ Тобольской губернии. Оп.1.
- 9 Загребин С. С. Культурная политика российского государства (общенациональные доминанты и региональные особенности). Челябинск : Изд-во «Абрис», 2006. 375 с.
- 10 Инструкция для двухклассных и одноклассных сельских училищ Министерства Народного Просвещения // Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. 1911. №3, 4.
- 11 Маляревский Г. Я. Циркуляр Директора народных училищ Тобольской губернии завывающим и учащим начальных училищ о недостатках, усмотренных при ревизии училищ в 1911-1912 учебном году и мерах к их устранению. Тобольск, 1912. 31 с.
- 12 О пространстве и пределах власти губернаторов // ПСЗРИ: собр. 2-е. 1866. Т. ХLI. Отд. 1.

- 13 *Очерки истории российского образования: к 200-летию Министерства образования Российской Федерации* : в 3 т. Москва : МГУП, 2002. Т.2. 315 с.
- 14 *Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т.6. 1874-1876.* СПб., 1901. 1023 с.
- 15 *Суходеев И. Начальная ступень просвещения // Учитель. 1918. №3.*
- 16 *Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX века. Москва : Польза, 1912. 224 с.*

А.В. Николаева

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА УРАЛЕ: НА ПРИМЕРЕ ВЕРХОТУРСКОГО УЕЗДА В 1917-1923 ГОДАХ

Аннотация. *Рассмотрен вопрос становления общественного дошкольного воспитания на территории Урала на примере Верхотурского уезда. Прослежена преемственность идей свободного воспитания, применяемых в дошкольной педагогике с конца XIX в. до начала XX в. Описаны трудности и образовательная работа первых детских садов Верхотурского уезда.*

Ключевые слова: дошкольное воспитание, свободное воспитание, Верхотурский уезд.

В 2017 г. государственная система дошкольного образования в России отмечает свое столетие. 20 декабря 1917 г. была принята «Декларация по дошкольному воспитанию», где провозглашалось «Введение дошкольного воспитания в общую систему народного образования», что положило начало общественному (бесплатному) воспитанию ребенка дошкольного возраста. В этом же документе было сказано, что государство возлагает на городские, земские и волостные самоуправления ответственность за «самое широкое проведение в жизнь идеи общественного дошкольного воспитания» [4, с.42].

При анализе эволюции педагогических идей в дошкольной сфере было бы ошибкой делить историю педагогики на периоды до и после Октябрьской революции. Идея общественного воспитания детей дошкольного возраста не пришла в Россию в 1917 г., она была воспринята в результате изучения деятельности различных учреждений для малолетних детей в странах Западной Европы.

В 1857 г. В.И. Водовозов познакомил русских педагогов с системой

детских садов в Германии, предложенной Ф. Фребелем. С этого времени в педагогических журналах начинают появляться статьи, освещающие систему свободного воспитания [2, с.5]. По неполным сведениям, к 1903 г. в России насчитывалось около ста детских садов всех типов [5, с.258]. Для организации воспитательно-образовательного процесса в первых детских садах применялись идеи Ф. Фребеля, К.Д. Ушинского, К.Н. Вентцеля, М. Монтессори и др.

Отличительной особенностью большинства дошкольных учреждений царской России являлось доминирование идей свободного воспитания, основой которых являлась опора на индивидуальность ребенка, развитие его самостоятельности и творчества под наблюдением специально подготовленного педагога, предполагающего своей целью создание творческой индивидуальной личности.

После провозглашения дошкольного воспитания всеобщим и бесплатным в 1917 г. по всей России начинают преобразовываться старые и открываться новые детские сады разного типа. 1917 г. становится новым рубежом в истории дошкольных учреждений, но не в истории дошкольной педагогики, отличительной особенностью которой до середины 1920-х годов является преемственность взглядов и преобладание идей свободного воспитания [1, с.12]. Рассмотрим этот период в географических границах Уральского региона на примере Верхотурского уезда.

Согласно постановлению НКВД от 15 июля 1919 г. из состава Пермской губернии была выделена Екатеринбургская губерния, которая делилась на шесть уездов, одним из которых был Верхотурский.

В 1918 г. был организован Верхотурский уездный отдел народного образования, включавший в себя дошкольный подотдел, функцией которого была «организационная работа в области дошкольного воспитания и руководство по всем вопросам дошкольного воспитания» [3, д.5, л.433]. Верхотурский отдел народного образования был ликвидирован в 1923 г. в связи с ликвидацией уезда.

Сведения о детских садах Верхотурского уезда появляются в 1919 г. Известно, что к концу 1919 г. было четыре детских сада: первый имени Октябрьской революции, второй имени II конгресса III коммунистического интернационала, привокзальный и детский сад при Новолялинском заводе имени Луначарского. В 1920 г. были организованы третий Верхотурский детский сад и Мусульманский, который существовал до апреля 1921 г. [3, д.173, л.103]

Летом дети часто оставались без присмотра ввиду высокой занято-

сти родителей. В результате количество детских смертей, травм и несчастных случаев многократно увеличивалось. Именно поэтому еще в конце XIX века ряд земств на время летних работ организовывали ясли-приюты для детей грудного и дошкольного возраста, которые позже стали называться детскими площадками.

В инструкциях по открытию летней площадки от Екатеринбургского отдела народного образования было сказано, что площадка должна быть огороженной, чистой, не иметь по близости загрязненных источников и свалочных мест. Необходимо было также предусмотреть пространство для детских игр, огорода и отдыха [3, д.31, л.92].

В 1919 г. в Верхотурском уезде насчитывается три летние детские площадки [3, д.5, л.51], в 1920 г. их открывается еще пять: в селе Меркушино, деревне Безсоновка, Сосьве, Николаевском поселке и Новосёловской волости [3, д.152, л.133]. В 1921 г. насчитывается уже шестнадцать детских площадок: Верхотурская, Верхотурская станционная, Верхотурская заречная, Сосьвинская, Ново-Лялинская, Лобвинская, Кытлымская, Николае-Павдинская, Меркушинская, Усть-Хмелевская, Кошайская, Николаевская, Нижне-Салдинская, Усть-Лялинская, Дерябинская и Ясатная [3, д.152, л.137].

Таким образом, к 1921 г. в Верхотурском уезде насчитывалось шесть детских садов и шестнадцать детских площадок. По приблизительным подсчетам, детские сады посещало примерно 380 детей, а площадки в летний период – около 1400 детей.

В первые годы своего существования дошкольные учреждения испытывали ряд трудностей.

Во-первых, здания не были приспособлены для содержания детей. Заведующая дошкольным подотделом Вавилова в своем докладе о проделанной работе за 1921 г. указывает, что многие помещения для дошкольных учреждений «очень малы для такого количества детей, в воздухе пыль, вентиляции нет» [3, д.173, л.127]. Несмотря на указания свыше, многие дошкольные площадки не могли переоборудовать в детские сады. Так, при Сосьвинском заводе и в Лобве здания либо не имели окон вообще, либо они были не застеклены [3, д.173, л.6], в Меркушино не было отопления [3, д.173, л.110].

Материально-техническое оснащение дошкольных учреждений также не соответствовало предъявляемым требованиям. В докладных записках инструкторов дошкольного подотдела говорится о том, что все детские сады очень плохо обставлены, мебель не подходит для детско-

го роста [3, д.136, л.6], не хватает кухонных принадлежностей [3, д.88, л.26], игрушек [3, д. 173, л.6] и необходимого инвентаря [3, д.173, л.23].

Дошкольное воспитание было новым делом для многих деятелей и организаторов системы народного образования и получило широкое распространение только после Октябрьской революции. В связи с этим работники дошкольной сферы испытывали трудности, связанные с методическим сопровождением своей работы. В докладах о деятельности Верхотурского отдела народного образования часто встречаются фразы: «...так как дело новое и особых указаний нет, то приходится двигаться по пути исканий, ощупью», «проблемой в работе дошкольного подотдела является отсутствие деятельных указаний» [3, д.173, л.24], «не хватает материалов и пособий» [3, д.173, л.129].

Кадровая проблема заключалась либо в нехватке, либо в недостаточной подготовленности воспитателей: «много желающих записаться в детский сад, но отказываем, т.к. мало руководителей» [3, д.136, л.6], «в Новолялинском детском саду перегруженность детей – 90 человек при двух неподготовленных руководителях» [3, д.173, л.111], «тормозит работу неподготовленность работников, нет теоретической и практической подготовки» [3, д.173, л.129]. Отсутствие «специального и даже общего образования», а также опыта работы сказалось на взаимоотношениях родителей и педагогов Привокзального детского сада, где вспыхивали частые конфликты и стоял вопрос о закрытии данного учреждения по этим причинам. Ситуацию удалось исправить только после замены педагогического состава [3, д.173, л.117].

Для решения кадровой проблемы в Верхотурском уезде проводились курсы по дошкольному воспитанию. Программы таких курсов включали в себя изучение образовательных систем свободного воспитания Ф. Фребеля и М. Монтессори. Помимо этого на них рассматривались вопросы психологии дошкольника и организации совместной деятельности с детьми, такой как «игры и гимнастика, сказки, эстетическое воспитание, лепка, рисование, рассказывание, музыка, пение, ручной труд, занятия на природе» [3, д.173, л.6]. Помимо курсовой подготовки проходили собрания руководительниц детских садов, где рассматривались возможности практического применения идей свободного воспитания в жизни детского сада [3, д.173, л.163].

Еще одна сложность состояла в обеспечении питанием детей дошкольных учреждений: «Из-за продовольственного кризиса срываются намеченные планы, т.е. открытие пяти летних площадок» [3, д.173,

л.124], «в связи с частыми прогулками в теплое время года аппетит детей увеличивается, они жалуются на недостаток пищи и хлеба» [3, д.173, л.117].

Несмотря на все трудности, которые испытывали дошкольные учреждения, родители стремились отдать своих детей в детские сады и часто обращались с просьбами об открытии таковых. Такое желание обусловлено несколькими причинами, о которых становится известно после анализа протоколов заседаний дошкольных советов, в состав которых входили не только работники детского сада, но и представители от родителей. Дошкольные советы существовали в каждом детском саду, первоначально их роль заключалась в распределении мануфактуры и обуви, а также в решении конфликтов между родителями и руководителями [3, д.173, л.163]. Ребенка хотели отдать в детский сад, так как там он находился под присмотром взрослых, получал питание и что немаловажно, одежду и обувь.

Однако детские сады осуществляли не только присмотр и уход за детьми. Во всех дошкольных учреждениях велась образовательная деятельность. В 1921 г. заведующая дошкольным подотделом посетила детские сады г. Верхотурья. Она сделала вывод, что в детских садах «проводится система свободного воспитания, что-то берется из системы Монтессори» [3, д.173, л.127]. Позже в отчете Верхотурского дошкольного подотдела будет сказано, что в детских садах уезда в той или иной степени реализуется система свободного воспитания, и «коллективом руководительниц выбрана примерная программа занятий с детьми по группам, в основе которой лежит метод Монтессори» [3, д.173, л.24].

Практически 50% времени в дошкольных учреждениях занимали игры, которые делились на свободные и организованные. Первым отводилось 37,2% времени, вторым 12,2 % [3, д.173, л.119].

Свободными играми назывались игры «по собственной фантазии детей» [3, д.88, л.12], они проигрывались без помощи взрослого или при вхождении его в игру в качестве товарища [3, д.173, л.127]. Интересен пример такой игры, описанный в отчете Новолялинского детского сада: «Весь месяц жили сказкой Спящая царевна, которую дети видели на сцене. Для игры распределяли роли, использовали столы, стулья, покрывала и ковер для трона» [3, д.136, л.38]. Наиболее распространенными сюжетами игр у мальчиков были «война и лошадки, ловля рыбы», девочки «больше занимаются хозяйством» [3, д.173, л.107].

Организованными называли такие игры, которые проходили «по инициативе руководителя» [3, д.31, л. 44]. Большею частью они были направлены на физическое и музыкальное развитие [3, д.173, л.23]. Особое внимание уделялось играм по совершенствованию навыков конструирования. Дети строили из кубиков, досочек, брусочков. В одном из детских садов руководительница описала такую игру: «дети превращаются в инженеров-техников и архитекторов. С моей помощью они проложили железную дорогу через несколько комнат, построили дом, избушку, башни» [3, д.136, л.6]. Для детей старшего возраста отдельно проводились игры на развитие математических представлений и обучение грамоте [3, д.173, л.107].

В детских садах проходили занятия, которые получили название «ручной труд», им отводилось до 25% времени. К ним относились «лепка, вырезание и наклеивание, рисование карандашом и красками, шитье, плетение из бумаги и мочала» [3, д.173, л.129]. Детские работы позже использовали для игр и украшения помещений детского сада.

Экскурсии занимали особое место в жизни детского сада. Во время таких прогулок воспитатели знакомили детей с природой и трудом взрослых [3, д.173, л.24]. Часто экскурсии носили практический характер, такой как заготовка материала для занятий или сбор ягод и грибов для последующего их приготовления [3, д.173, л.122].

В детских садах практиковались так называемые «трудовые процессы, посылные детям», которые еще называли дежурством. Дети сами разносили еду к обеду, мыли посуду, прибирали комнаты после занятий. Педагоги говорили, что «дети охотно откликаются на всякое предложение и дружно выполняют работу» [3, д.88, л.16].

Распространена была работа на детских огородных участках: «У детей есть маленькие грядки, где они садили вместе с руководительницами, при этом объясняя название каждого семени» [3, д.173, л.7]. Во время летнего сезона дети не просто ухаживали за растениями, а наблюдали за процессом их роста, фиксировали изменения.

Помимо вышеперечисленного в детском саду проходили беседы на интересующие темы, чтение детской литературы, рассказывание и инсценированные сказок, проведение праздников с участием детей [3, д.173, л.122].

Таким образом, в 1917 г. дошкольное образование приобретает общественный характер, что влечет за собой рост количества детских садов по всей территории России. В Уральском регионе дошкольных

учреждений до Октябрьской революции практически не было, поэтому в первые годы своего существования они испытывали ряд трудностей: отсутствие подходящих помещений, недостаток материально-технического оснащения, слабое методическое сопровождение и подготовка руководительниц, перегруженность детьми и проблемы с поставкой питания. Еще одной особенностью дошкольной педагогики до середины 1920-х годов является преобладание взглядов в организации образовательного процесса и преобладание идей свободного воспитания.

Источники и литература

- 1 Волобуева Л. М. Становление и развитие общественного дошкольного воспитания в Москве: 1900–1928 гг. : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 1994. 20 с.
- 2 Красногорская Л. И. Очерки развития дошкольного воспитания. Москва : Учпедгиз, 1938. 243 с.
- 3 Нижнетагильский государственный исторический архив (НТГИА), Ф.10. Оп.1. Отдел народного образования исполнительного комитета Верхотурского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.
- 4 От дошкольного отдела Народного комиссариата по просвещению «О дошкольном воспитании» от 20.12.1917 // История советской дошкольной педагогики: хрестоматия / сост. Н. Б. Мчедлидзе и др. ; под ред. М. Н. Колмаковой, В. И. Логиновой. Москва : Просвещение, 1988. 447 с.
- 5 Чувашев И. В. Очерки по истории дошкольного воспитания в России (до Великой Октябрьской социалистической революции). Москва : Учпедгиз, 1955. 371 с.

А.А. Новожилов

СОСТОЯНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ГОРОДА ШАДРИНСКА В 1919-1921 ГГ.

Аннотация. В статье рассмотрено здравоохранение г. Шадринска в период с 1919 по 1921 год. Изучена структура медицинских учреждений в уезде, обеспеченность их медицинским персоналом в указанный период. В статье приводятся меры правительства по учету и мобилизации медицинских работников, а также ситуация с медикаментами.

Ключевые слова: здравоохранение, революция, медицинская перепись, Шадринск.

В 1919 г. здравоохранение уезда находилось в критическом состоянии. В условиях Гражданской войны перед большевиками стояла

сложная задача: не допустить крупных эпидемий различных болезней в городе и уезде, обеспечить контроль медикаментов, обеспечить медицинские учреждения квалифицированными кадрами.

По данным уездно-городского отдела здравоохранения, в уезде площадью в 14355, 8 кв. верст (15314,77 кв. км) с населением 371 891 чел. [1, л. 23], из них проживало в Шадринске – 16 994 чел. [4, л. 206], функционировали следующие учреждения: 7 больниц, 11 врачебных участков, 7 временных эпидемиологических барачков, 5 амбулаторий, 9 фельдшерских пунктов. На весь уезд приходилось 4 врача, которые находились в г. Шадринске. Структура медицинских учреждений города представляла собой следующее: Шадринский Уездно-городской отдел здравоохранения, подотдел охраны здоровья детей, городской дезинфекционный отряд, три зуболечебницы, шадринский уездный центральный аптекарский склад, 1-я Советская аптека, городской эпидемиологический госпиталь, шадринская Советская больница [1, л. 26, 27, 28], не считая врачей частной практики. Как видно из этих данных, медицина уезда, несмотря на наличие сети медицинских учреждений, находилась в сложном положении.

Данные учреждения испытывали острую нехватку квалифицированных кадров. Поэтому одной из мер советского правительства стало объявление всеобщей мобилизации медицинских работников, в том числе и бывших. Кроме того, привлекались и гражданские лица. Так, например, в период с октября 1919 г. по ноябрь 1920 г. были мобилизованы в Советскую 22 сестры Верх-Теченского монастыря [2, л. 3]. Дополнительной мерой стала практика освобождения некоторых специалистов от военной службы. В отличие от Временного правительства, которое в основном «упрашивало» специалистов вернуться/вступить в ряды армии, большевики ставили вопрос иначе: кто отказывается служить, будет предан военному трибуналу. Создавались специальные комиссии, решением которых человек мог получить отсрочку от службы в армии. Он должен был явиться за получением специального удостоверения, в противном случае немедленно высылался в Уездный военкомат с дальнейшей отправкой в ряды армии [1, л. 37]. Это могло сулить любой вид наказания вплоть до высшей меры.

С целью учета работников был издан приказ № 13 Шадринского уездно-городского комитета трудовой повинности от 17 ноября 1920 г., который предписывал «в трехдневный со дня опубликования настоящего приказа срок представить в карточное бюро Городской потреби-

тельской коммуны списки на всех служащих и рабочих с приложением заверения в учреждениях и предприятиях трудовых удостоверений для перерегистрации таковых» [3, л. 197]. Не исполнивших приказ должны были лишиться пайка и отправить под суд. Знаменательным событием стало проведение однодневной медицинской переписи. Постановлением Совета Рабоче-Крестьянской обороны от 10 декабря 1919 г. ее предписывалось провести 25 февраля 1920 г. Шадринский отдел здравоохранения получил материалы поздно, поэтому дату переписи перенесли на 3 марта приказом № 7. Регистрации подлежали врачи, зубные врачи, помощники лекарей (школьные, ротные), провизоры и их помощники. Ответственность на местах закрепили за волостными исполкомами [4, л.11]. Работники, не явившиеся на перепись, приравнивались к дезертирам, а их руководители могли быть привлечены к суду Революционного трибунала за укрывательство и должностные преступления. Таким образом, угроза жесткого судебного наказания должна была способствовать высокой явке работников. В то же время работники проходили еще и проверку на «политическую надежность». В списках имелся пункт «прибыл от белых». В Шадринске было всего два таких врача. Оба числились беспартийными и занимали должности заведующего хозяйством и бухгалтера [3, л. 138-140]. Записей о каких-либо действиях в отношении этих людей не зафиксировано.

Кадровый вопрос не был единственным в перечне проблем здравоохранения в указанные годы. Не менее остро обстояли дела с медикаментами. В Циркуляре № 15 от 23 апреля 1919 г. отмечено, что запасы их «крайне ограничены». В связи с этим вводилась строгая отчетность с целью контроля экономии медикаментов. Предлагалось руководствоваться следующими нормами выдачи лекарств [5, л. 1]:

1 Выписывать лекарства на срок, не превышающий двух дней для городских и семи дней для сельских жителей.

2 Норма на одного человека: пилюль – не более 60 шт., капель не более 10,0 и в смеси не более 20,0.

3 Отпуск лекарств в палаты в минимальных количествах и на срок не более двух дней.

Основным направлением работы здравоохранения оставалась борьба с заразными заболеваниями (сыпной и возвратный тиф, оспа и др.). Помимо врачей свой вклад в сохранение народного здоровья вносили кадры специальных работников: оспопрививательницы, которые проводили прививание от оспы, участковые санитарные наблюдатели, в

чьей обязанности входила фиксация вспышек заразных болезней и информирование населения и др.

Таким образом, в период с 1919 по 1921 год здравоохранение в г. Шадринске находилось в тяжелом положении. В условиях Гражданской войны обострилась нехватка медикаментов, возникла необходимость жесткого учета медицинских работников и их грамотного распределения. Несмотря на функционирование медицинских учреждений, их количества оказалось недостаточно для охвата населения уезда и города. Потребовалась мобилизация гражданских лиц, а также кадров специальных работников, чтобы осуществлять меры по борьбе и предупреждению эпидемий различных болезней в уезде.

Список источников и литературы

- 1 *Материалы по проведению однодневной Всероссийской переписи медицинского персонала в 1920 году // ГАШ (Государственный архив в г. Шадринске). Ф.175. Оп. 1. Д. 22.*
- 2 *Сведения о сети медицинских учреждений и врачебных участков Шадринского уезда за 1919-1920 года // ГАШ. Ф. 175. Оп. 1. Д. 4.*
- 3 *Списки медицинских работников, освобожденных от призыва на военную службу // ГАШ. Ф. 175. Оп. 1. Д. 6.*
- 4 *Список сестер Верх-Теченского монастыря, мобилизованных в Советскую больницу и в госпитали г. Шадринска // ГАШ. Ф. 175. Оп. 1. Д. 8.*
- 5 *Циркуляр № 15 от 23 апреля 1919 года // ГАШ. 175. Оп. 1. Д. 1.*

Д.В. Катанцев

ВЛИЯНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА САНИТАРНО-ЭПИДЕМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ КУРГАНСКОГО УЕЗДА В 1919-1923 ГГ.

Аннотация. *Октябрьская революция и следующая за ней Гражданская война – это переломные процессы в истории России. Изменена была не только сама политическая система, но и суть социальных отношений в обществе. Между тем любая резкая смена характеризуется многочисленными социальными катаклизмами. Одной из сторон этой большой и малоизученной проблемы является здравоохранение, особенно актуальной в этот период можно назвать борьбу с многочисленными эпидемиями, которая очень сильно повлияла на уровень жизни населения и дальнейший ход локального исторического процесса.*

Ключевые слова: война, эпидемия, тиф, голод, катаклизм.

Годы Гражданской войны для всей России оказались тяжелым бременем. Большими были потери среди населения ввиду кровопролитных боевых столкновений: от европейских рубежей до самого Дальнего Востока распространилась иностранная интервенция, шли и крупномасштабные бои военных сил белых офицеров с Красной армией. Помимо потери в человеческих жертвах во время боевых столкновений тяжелый ущерб понесло сельское хозяйство, особенно в прифронтовых регионах. Уменьшаются посевные площади. Даже при условии богатого урожая большая его часть не доходит до потребителя: представляется невозможным организовать его сбор ввиду многих причин. Для этой работы как в деревне, так и в городе нет достаточного количества населения. Большая часть мужского трудоспособного населения призвана в вооруженные формирования той или иной противоборствующей стороны, что отрезает их от хозяйственно-экономической деятельности. Не задействованными в войне остаются только старики, дети и женщины, которые были не способны провести весь комплекс необходимых посевных и сборочных работ.

Наблюдается тяжелое кризисное положение фактически во всех сферах жизни общества. Тяжелой была и ситуация с распространением эпидемических заболеваний, которые, можно сказать, были «наследством» I Мировой и Гражданской войны. Самой большой заболеваемостью отличился в эти годы тиф, который в некоторых регионах был причиной смерти 10% населения [8, с.131]. Кратко обрисованы проблемы, характерные не для какого-то определенного уезда раздираемого войнами государства. Нам представляется, что не было на территории будущего СССР такой области, которую не охватило бы бедствие эпидемических заболеваний.

Особенно тяжелая ситуация сложилась в Челябинской губернии, частью которой являлся Курганский уезд. Следовательно, негативная ситуация складывалась и в соседних регионах, через которые также проходит Транссибирская магистраль. Стоит добавить, что железная дорога традиционно была еще в Российской империи очагом распространения эпидемий. Какие бы ни издавались инструкции и постановления, год за годом работа служащих железной дороги в санитарном плане признавалась неудовлетворительной. Следовательно, такая ситуация в годы становления советской власти не возникла из ничего, имея куда более глубокие исторические корни [13].

При отступлении белогвардейских войск эвакуировалось большое

количество гражданского населения: служащие учреждений, семьи белогвардейцев, противники советской власти. Обе ветки Транссибирской магистрали на Омск, от Екатеринбурга через Тюмень – Ишим и от Челябинска через Курган – Петропавловск, превратились в очаг тифозной эпидемии. Из городов по линии железной дороги, пристанционных поселков инфекция быстрым темпом распространялась во всех направлениях по сельской местности. Причиной этому кроме всего прочего послужили трупы, которые в силу чрезвычайной спешки эвакуации не было времени и возможности нормально предать земле. Тела умерших, в том числе и от сыпного тифа, во время эвакуации граждан были беспорядочно разбросаны вдоль линии железной дороги, только на крупных станциях их складывали штабелями.

Очагами тифа являлись и военные городки колчаковцев – места дислоцирования солдат. Это было связано с перемещением воинских частей, с поступлением раненных фронтовиков в тыловые госпитали.

О масштабах эпидемии в направлении наступления 5-й армии Тухачевского можно судить по следующим данным. Освобожденный Петропавловск на тот момент – это 43 тысячи человек, из них 17 тысяч заболевают тифом. В г. Омске из всего числа военнопленных 15 тысяч солдат Колчака заболели тифом. Стоит сказать, что и среди красноармейцев смертность от эпидемии была значительной, но точных числовых данных по этому вопросу в нашем распоряжении нет. В подтверждение этого тезиса достаточно перечислить следующие имена: белогвардейский генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев попал в тифозный лазарет, погибает от тифа генерал-майор И.Н. Красильников, новый командарм 5-й армии, сменивший на этом посту Тухачевского, Г.Х. Эйхе также через месяц после назначения заболевает тифом. Тифом переболела большая часть политработников, ввиду чего в осень-зиму 1919-1920 гг. политработа среди населения и военнослужащих практически не проводилась.

С конца 1919 года эпидемия тифа охватила весь Северный Казахстан, в том числе Петропавловск – соседний Кургану город на Транссибирской магистрали [10, с.14]. В городе и уезде свирепствуют эпидемии. В январе 1920 года здесь скопилось около четырех тысяч непогребенных трупов. Горожане устраивали субботники по рытью могил, на большую часть умерших вывозили за город и сжигали [1, с.146]. Из архивных документов достоверно известно, что уже на начало 1920 года в г. Петропавловск функционирует чекатиф. При его посредстве

организуется ассенизационный обоз. Его снабжение так же полностью организует вышеуказанная комиссия. Также проводится комплекс чрезвычайных мероприятий, которые, как позднее будет доказано, характерны и для Кургана: установление санитарного контроля, открытие новых больниц и расширение имеющихся. Под эгидой чекатифа проводятся недели чистки, когда граждане и служащие предприятий должны своими силами произвести уборку помещений и прилегающих к ним территорий. Ввиду недостаточного количества лошадей, постановили мобилизовать гражданские конные подводы. Задействованных в очистке города людей для ускорения действий временно снимали с занимаемых должностей [12].

15 августа 1919 года Курган был взят 5-й армией под командованием Тухачевского. Однако это не означало переход под контроль новой власти всего уезда: бои с белогвардейцами в волостях продолжались еще до октября [3]. Уезд понес тяжелые потери как в населении, так и в экономических ресурсах. Хозяйственную ситуацию региона можно охарактеризовать как глубокий кризис [2, с. 1]. Сложным было и положение с эпидемической ситуацией в РСФСР: Курганский уезд в этом не стал уникальным явлением. Одним из первых мероприятий советской власти после вытеснения из региона белых войск в Зауралье было срочное развёртывание системы здравоохранения, а конкретно – создание местных здравотделов (отделов здравоохранения). Несмотря на занятость Ревкома другими важными проблемами, уже 22 сентября 1919 года было в срочном порядке созвано совещание по вопросу организации отдела здравоохранения [3]. Из-за тяжёлых условий жизни населения во время Гражданской войны в регионе буйствовали различные эпидемические заболевания: скарлатина, холера, тиф, туберкулёз [11].

На такую пагубную ситуацию в регионе повлиял целый ряд факторов:

1) отсутствие полноценной централизованной и хорошо финансируемой системы здравоохранения: до конца 1919 года дело здравоохранения во всем Уральском регионе и в частности в Курганском округе, тогда еще уезде Тобольской губернии, было второстепенным, на которое из государственных средств отпускались ничтожные суммы. Оно было разбросано по отдельным ведомствам и прежним министерствам: была медицина путейская, военная, переселенческая, городская, земская и т.д., в деятельности которых не было согласованности. Их деятельность была в основном автономна.

Все направление практической медицинской работы сводилось к мероприятиям в основном исключительно лечебного свойства, а о широких санитарно-оздоровительных мероприятиях велись преимущественно лишь литературные и академические споры с полным отсутствием практических результатов. Медицинская помощь была платная, доступная чаще только городскому населению, в полном объеме – только самым обеспеченным группам горожан. Сельская сеть лечебных заведений в уезде практически отсутствовала. По всему Курганскому уезду с числом населения около 350 тысяч было 7 врачебных участков: Курганский, Лопатинский, Моршихинский, Белозерский, Арлагульский, Утятский и Плотниковский – с медперсоналом в каждом 1 врач, 2 фельдшера и 1 акушерка-фельдшерица. В городе было две больницы. В первой было два врача, во второй один. Кроме того (не считая 4-5 вольнопрактикующих врачей), в городе имелись еще 1 городской врач, один судебно-медицинский эксперт и врач мужской гимназии. Таким образом, всего в уезде имелось 13 врачей [6, с.503].

2) продовольственный кризис: последний урожайный год – 1919. Тот самый год, когда весь Курганский уезд и г. Курган стали очередным фронтом непрекращающейся Гражданской войны. Боевые столкновения на берегах р. Тобол длились более месяца, причем этот период совпал со временем сборки урожая, в частности зерновых, которыми традиционно засеивалось очень большое количество обрабатываемых земель. Особенно тяжело недостаток продовольствия отразился на состоянии основной части населения уезда, главного производителя продуктов – крестьянства. Огромная его часть, что характерно – мужская, была призвана в армию, ввиду чего очень сильно сокращались посевные площади. Часть урожая 1919 года, возможно, даже большая, была уничтожена непосредственно во время боевых столкновений. Другая часть и вовсе не была собрана, сказывался недостаток рабочей силы: старики, женщины и дети не могли полноценно заменить взрослых мужчин, которых в деревнях часто не оставалось. Известно, что частыми были случаи мобилизации подвод на нужды развернувшегося фронта. При эвакуации спекулянты зерном продавали сырье за бесценок отступающим белым войскам.

К тому же ущерб в этом году был нанесен и мукомольным мельницам: в ходе эвакуации правительства Колчака оборудование мельниц было частично погружено в грузовые вагоны [5]. Уже эти события заложили предпосылки неблагоприятной ситуации в уезде, однако ситуация

продолжала развиваться по нисходящей и далее. В это же время огромные запасы продовольствия направлялись не на внутренние нужды региона, а на «удовлетворение важных государственных потребностей». Вероятно, под этой формулировкой подразумевается передача продуктовых запасов на нужды принимающей активные действия Красной Армии. Население уезда переходит на подножный корм, зачастую питаясь даже опилками и соломой, что, естественно, сказывается на здоровье и без того ослабленного организма [4, д. 41. л. 297].

1921 год стал неурожайным. Продовольственный кризис в регионе осложнялся и истощением внутренних запасов, большая часть которых еще в прошлом году была передана во вне. Это время стало началом настоящего голода, который особенно ярко проявился в 1922 году. Официально зафиксировано: численность населения уезда в этом году составляла 361384 человека. Из них более 170 тысяч голодало, фактически почти половина. От голода погибло почти 2 тысячи человек. Помимо того на фоне недоедания, недостатка необходимых организму витаминов и аминокислот понижался уровень естественного иммунитета, что создавало крайне благоприятную среду для распространения эпидемических заболеваний. Питание значительной части населения составляли исключительно разного рода суррогаты. Особенно были распространены такие, как «просянка» – семена мышей и «мочка» – корни рогоза. Кардинальное улучшение настало лишь с приходом 1923 года, когда регион дал богатый урожай, и голод в некоторой степени был преодолен [6, с.11-12].

3) острая медикаментозная необеспеченность региона: очень не хватало медикаментов, причиной чему в том числе стало и крайне неудовлетворительное обеспечение региона аптечной сетью. Вклад в это дело внесло и отступающее из города правительство Колчака: все запасы денатурата были сброшены в Тобол, чтобы их не получили красные. Юрий Еропкин в своих воспоминаниях пишет: «Перед тем как покинуть Курган, местная администрация дала распоряжение спиртоводочному заводу сбросить в реку Тобол запасы спирта. Можно было видеть, как целый день лился из трубы спирт, который тут же расхватывало население города, заполняя им различные емкости» [7]. Ситуация меняется только к 1923 году, когда в городе функционируют 6 аптечных магазинов [4, д.50. л. 10].

Во время существования в уезде Временного правительства адмирала Колчака огромное количество сторонников советской власти было за-

ключено в тюрьмы и концентрационные лагеря, которые в последствии и стали одним из очагов распространения эпидемии тифа. Основываясь на исследовании Познанского, можно выстроить следующую цепочку передачи заболевания: вспышка заболевания сыпным тифом почти во всех концентрационных лагерях и тюрьмах относится к осени 1918 – середине 1919 года. Лазареты были переполнены, отмечается большая смертность среди заболевших. Из тюрем и лагерей тиф перебрасывался на надзирателей, конвойные команды, на жителей городов и других населенных пунктов, на белогвардейские гарнизоны. Согласно труду Познанского, смерть заключенных в тюрьмах Временного правительства чаще всего наступала из-за заражения тифом [10, с. 14-19]. Массовое заболевание тифом граждан Курганского уезда наблюдается уже в 1918 году. Однако не было достаточно эффективной систематической деятельности по искоренению заболевания, следовательно эпидемия впоследствии только разрасталась [9].

Мало освещена в литературе по истории Курганского уезда проблема большого потока голодающих Поволжья вдоль железнодорожных путей, который двигался вдоль всей Транссибирской магистрали [4, д. 33. л. 8.]. Эти голодные ослабленные люди были особо подвержены разного рода заболеваниям как эпидемического, так и неэпидемического характера. Данный процесс сам по себе нес негативные последствия прилегающим к железнодорожным путям поселениям. Однако ситуация на самом деле была еще более плохой: при отступлении сторонников Временного правительства Колчака огромная часть беженцев была поражена сыпным тифом.

Эвакуация проводилась в крайней спешке, ввиду чего железнодорожные составы в большинстве своем были некомплектованы минимальным количеством медицинского персонала. Колоссальной была смертность, по воспоминаниям одного из пассажиров: «...целые вагоны вымирали от тифа, от холода, от голода, особенно дети». Не было возможности в таких условиях для минимальной задержки движения составов, ввиду чего трупы умерших сбрасывались чуть ли не на ходу. Ни о каком захоронении речи не шло и подавно. Тела оставались лежать вдоль путей, лишь на больших станциях они складывались штабелями. Делом захоронения и тут никто не занимался: идет война, большинство мужской части населения в срочном порядке призвано в армию. В документах конца 1919 – начала 1920 г. можно почерпнуть информацию о ситуации на Транссибирской магистрали: «...тиф повальный, не минует

никого. Врача ни одного, медикаментов никаких. Целые семьи в бреду и некому подать воды, затопить печь; а ведь надо еще расколоть лед, нарубить дров. Соседи либо боятся зачумленной избы, либо сами валяются» [10, с.14-19]. Итого железнодорожные пути Транссибирской магистрали во второй половине 1919 года становятся сами по себе еще одним эпидемическим очагом, а голодающие Поволжья разносят эпидемию.

Таким образом, за годы голода и эпидемий 1919-1923 гг., население уезда сокращается на 48423 человека (не считая населения г. Курган). В эти года наблюдается преимущество роста смертности над рождаемостью, что является ярким признаком тяжелого социального катаклизма. Большая часть населения при возможности старалась переселиться в более благоприятные, менее затронутые войной и голодом регионы. Ввиду этих причин население Кургана к 1923 году значительно уменьшилось: 21741 человек в 1923 году против 27739 человек в 1920 году. К сожалению, не представляется возможным дифференцировать количественные данные по убыли населения, представленные в отдельных категориях: смертность и переселение [6, с.12].

Источники и литература

- 1 Белетченко И. С., Канаева Т. М. и др. *Северо-Казахстанская область: страницы летописи родного края*. Алматы : Казахстан, 1993. 170 с.
- 2 Видута В. К. *Основные пути развития здравоохранения в Зауралье : автореф. дис. ... канд. мед. наук*. Киев – Курган, 1968. 19 с.
- 3 Видута В. К. *Первые шаги строительства советского здравоохранения в Курганском уезде (1918-1923 гг.) // Советская медицина*. 1967. №4. С.137.
- 4 *Государственный архив Курганской области (ГАКО)*. Ф. Р-308 – Учреждения здравоохранения. Оп. 1.
- 5 Карпук С. В. *Освобождение города Кургана от интервентов // XIII Зырянские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Курган : Изд-во КГУ, 2015. С. 170-172.
- 6 *Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественно-историческом, культурно-экономическом и административном отношении*. Курган : Изд. Окружной плановой комиссии, 1925. С.11-503.
- 7 Кузьмин А. Д. *Дочь декабриста. Шесть курганских лет Зинаиды Еропкиной // Резидент*. 2015. №8. С.94-102.
- 8 Нарский И. В. *Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг*. Москва : РОССПЭН, 2001. 614 с.
- 9 Панькова Е. Э. *Курганские аптеки во второй половине XIX – начале XX вв. // VII Зырянские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Курган : Изд-во КГУ, 2009. С. 46-48.
- 10 Познанский В. С. *Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20-30-е годы XX века*. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007. 306 с.

- 11 Савицкая Л. А. *Здравоохранение Зауралья в 20-е годы // Курганскому областному краеведческому музею - 40 лет : юбилейный сб. Курган : Периодика, 1991. С.140-152.*
- 12 *Северо-Казахстанский государственный архив (СКГА). Ф. 1482 – Учреждения здравоохранения. Оп. 1. Д. 1.*
- 13 Шупикова А. О. *Становление системы санитарно-эпидемиологического надзора на Сибирской железной дороге в начале XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. Вып. 3. С. 127-131.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеев Алексей Леонидович – студент, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган, РФ

Бринюк Надежда Юрьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, РФ

Бушуева Анна Андреевна – магистрант, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган, РФ

Васильева Александра Михайловна – краевед, заслуженный работник культуры РФ, г. Курган, РФ

Волков Артем Владимирович – магистрант, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган, РФ

Гриценная Людмила Александровна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой «Ассамблея народа Казахстана», Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева, Петропавловск, Республика Казахстан

Долгих Юрий Сергеевич – аспирант, ассистент кафедры «Всемирная история и историография», ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет»; учитель истории и обществознания МБОУ г. Кургана «Гимназия №19», РФ

Достовалов Сергей Григорьевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология развития и возрастная психология», ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган, РФ

Дуров Олег Григорьевич – аспирант кафедры «Отечественная история и документоведение», ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет»; начальник отряда, старший лейтенант внутренней службы, ФКУ ИК-6 УФСИН России по Курганской области, г. Курган, РФ

Журавлева Елена Владимировна – учитель русского языка и литературы, МКОУ «Средняя общеобразовательная школа №8», г. Шадринск, РФ

Ильиных Андрей Николаевич – учитель истории и обществознания, МБОУ «Лицей № 1», г. Шадринск, РФ.

Иофе Валерий Григорьевич – магистр международной ассоциации «Искусство народов мира», доцент, Национальный университет Узбекистана имени М. Улугбека, г.Ташкент, Узбекистан

Катанцев Даниил Владимирович – магистрант, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган, РФ

Козельчук Татьяна Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всемирная история и историография», ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган, РФ

Кулигина Яна Андреевна – магистр истории, учитель обществознания, МБОУ «Гимназия № 27», г. Курган, РФ

Моргунов Константин Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета, г. Оренбург, РФ

Неупокоев Игорь Валентинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Курганского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Курган, РФ

Николаева Анна Валерьевна – аспирант, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, г. Нижний Тагил, РФ

Ничков Евгений Александрович – преподаватель, ГБПОУ «Курганский государственный колледж», г. Курган, РФ

Новожилов Анатолий Алексеевич – учитель истории и обществознания, МБОУ «Лицей № 1», г. Шадринск, РФ

Орлов Владислав Михайлович – магистрант, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган, РФ

Орнацкая Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, докторант, Дальневосточный федеральный университет, г. Хабаровск, РФ

Перова Марина Андреевна – аспирант, ассистент кафедры «Отечественная история и документоведение», ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган, РФ

Пономарева Галина Александровна – главный хранитель фондов музея, МКУК «Далматовский краеведческий музей», г. Далматово, РФ

Пудовкин Сергей Игоревич – педагог дополнительного образования, МБУ ДО ДЮЦ «Мир», г. Нижний Тагил, РФ

Рябая Светлана Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой «История российской государственности», ФГБОУ ВО «Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова», г. Ижевск, РФ

Сайранова Лейсан Рафисовна – преподаватель, ГБПОУ «Курганский государственный колледж», г. Курган, РФ

Соегов Мурадгелди – доктор филологических наук, профессор, действительный член (академик) Академии наук Туркменистана, главный научный сотрудник, Национальный институт рукописей Академии наук Туркменистана, г. Ашхабад, Туркменистан

Тершукова Екатерина Владимировна – заместитель начальника отдела искусства и кадровой работы, заведующий сектором профессионального искусства и художественного образования Управления культуры Курганской области, г. Курган, РФ

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФКОУ «Владимирский юридический институт ФСИН» России, г. Владимир, РФ

Усачев Евгений Валерьевич – главный специалист по связям с общественностью, Курганский филиал АО коммерческого банка «АГРОПРОМКРЕДИТ», г. Курган, РФ

Цысь Валерий Валентинович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России, ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет», г. Нижневартовск, РФ

Шледовец Алена Александровна – студент, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган, РФ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Тимошук А.С.

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ
КАК ИНСТРУМЕНТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА..... 3

Авдеенко А.Л., Шледовец А.А.

ПАМЯТЬ О РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В
КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ Г. КУРГАНА 12

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1917 г.)

Волков А.В.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ 1917 ГОД В СОЗНАНИИ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ
НАЧАЛА XX ВЕКА 24

Пономарёва Г.А.

МАТРОС С АВРОРЫ 31

Козельчук Т.В., Тершукова Е.В.

ЖУРНАЛЫ КУРГАНСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ КАК
ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: К ПРОБЛЕМЕ
РЕКОНСТРУКЦИИ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА В КУРГАНЕ..... 33

Кулигина Я.А.

ВОСПРИЯТИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ КОНЦА
ФЕВРАЛЯ – ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА В КУРГАНЕ
В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ .. 41

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА (1918-1922 гг.)

Ничков Е.А., Сайранова Л.Р.

ЗАХВАТ КУРГАНА ЧЕХОСЛОВАЦКИМ ЛЕГИОНОМ
1 ИЮНЯ 1918 ГОДА 50

Бринюк Н.Ю.

ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЙ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ВЛАДИМИРА ОСКАРОВИЧА КАППЕЛЯ
НА УРАЛЕ В 1918 ГОДУ 55

Ильиных А.Н.

БОЕСПОСОБНОСТЬ И ДИСЦИПЛИНА КРАСНОГО
ДВИЖЕНИЯ В БОЯХ ЗА г. ШАДРИНСК И ШАДРИНСКИЙ
УЕЗД ЛЕТОМ 1918 г..... 64

Соезов М. ВЕСТИ С ТОЙ СТОРОНЫ ЗАКАСПИЙСКОГО ФРОНТА В 1918 ГОДУ: КОМАНДУЮЩИЙ ОРАЗ-СЕРДАР И ЕГО СПОДВИЖНИКИ.....	70
Дуров О.Г. ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: СТЕПАН ВАСИЛЬЕВИЧ ДОМОЛАЗОВ	78
Усачев Е.В. ДОННЫЕ КЛЕЙМА НА ГИЛЬЗАХ ОТ ПАТРОНОВ К СТРЕЛКОВОМУ ОРУЖИЮ (на материалах Тобольско-Петропавловской операции, август – октябрь 1919 года) .	81
Достовалов С.Г. СОЛДАТСКИЕ ОБЕРЕГИ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (на материалах находок в Зауралье).....	89
Журавлева Е.В. О ПЕСЧАНО-ГАЛКИНСКОМ ОТРЯДЕ ПАРТИЗАН-КУСТАРНИКОВ В 1919 ГОДУ.....	98
Пудовкин С.И. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО РЕВКОМА ЛЕТОМ И ОСЕНЬЮ 1919 г.	103
Иофе В.Г. ФУНТИКОВ ФЕДОР АДРИАНОВИЧ (из истории Закаспия).....	114
Иофе В.Г. ВЫДВИНУТЫЕ ИСТОРИЕЙ (индивид и общественные движения в условиях революционного и военного времени на территории Туркестана в 1917-1920 гг.)	119
Гривенная Л.А. НОВЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ВООРУЖЕННЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И КАЗАХСТАНА В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ.....	131
Цысь В.В. УЧАСТИЕ СУРГУТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ КРЕСТЬЯНСКОМ ВОССТАНИИ 1921 ГОДА	140

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА РЕГИОНЫ

Васильева А.М.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ УПРАВА В Г. КУРГАНЕ В 1917 Г. 148

Орлов В.М.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В КУРГАНСКОМ УЕЗДЕ 1917-1919 ГГ. ... 158

Бушуева А.А.

ЦЕРКОВНАЯ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА
В «ТОБОЛЬСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЯХ»
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1919 ГОДА: СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА
И ПРИЕМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АУДИТОРИЮ..... 166

Моргунов К.А.

ОРЕНБУРГСКАЯ ЕПАРХИЯ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ..... 173

Рябая С.А.

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ
В 1917-1918 ГГ. 179

Долгих Ю.С.

«...КАКИЯ ТО ЕСТЬ ГРЕШКИ...»: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КУРГАНСКОГО РАЙОННОГО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО
КОМИТЕТА С СЕНТЯБРЯ 1919 ПО СЕНТЯБРЬ 1920 Г. 184

Орнацкая Т.А.

ПРАВОВАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ЮСТИЦИИ
И МИЛИЦИИ В 1917-1920-Е ГОДЫ
(на материалах Восточной Сибири и Дальнего Востока) 189

Перова М.А.

РЕВОЛЮЦИЯ И ДЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
(на примере Курганского и Шадринского округов) 197

Неупокоев И.В.

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ПОД ВЛИЯНИЕМ ФЕВРАЛЬСКИХ СОБЫТИЙ 1917 Г.
(На примере Тобольской губернии) 202

Николаева А.В.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
НА УРАЛЕ: НА ПРИМЕРЕ ВЕРХОТУРСКОГО УЕЗДА
В 1917-1923 ГОДАХ 209

<i>Новожилов А.А.</i>	
СОСТОЯНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ГОРОДА ШАДРИНСКА В 1919-1921 ГГ.	215
<i>Катанцев Д.В.</i>	
ВЛИЯНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА САНИТАРНО-ЭПИДЕМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ КУРГАНСКОГО УЕЗДА В 1919-1923 ГГ.	218
<i>Сведения об авторах</i>	227

Научное издание

**РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА
И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА:
РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ОБЩЕРОССИЙСКИХ ПРОЦЕССОВ**

Материалы всероссийского круглого стола,
посвященного 100-летию Великой Российской Революции
и 95-летию окончания Гражданской войны
(7 декабря 2017 г.)

Редактор Н.М. Быкова

Подписано к печати 20.02.18	Формат 60x84 1/16	Бумага 65 г/м ²
Печать цифровая	Усл. печ. л. 14,6	Уч.-изд. л. 14,6
Заказ № 39	Тираж 100	

Редакционно-издательский центр КГУ.
640020, г. Курган, ул. Советская, 63/4.
Курганский государственный университет.